

ОСКОЛКИ ИСТИНЫ

СМЕРТЬ НЕВИННОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Романова

Осколки Истины: Смерть Невинности. Том I

<https://litres.ru/74316034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя стоит на пяти столпах: золоте, стали, вере, знании и магии.

Пять Орденów. Один Император. Чистота крови здесь — закон, а полукровки — доказательство того, что слова богов не истина.

Когда Остров Пятиконечной Звезды поднимается из пучины, наследники великих родов сходятся в гонке за власть. Аурика, младшая дочь Солнца, которую не готовили к Турниру. Аэрион, Глас Истинного, чья душа стала полем битвы. Амарант, принц леса и пламени, чья магия способна исцелять и испепелять. Феарида, Серебряная леди Торвенгара, выкованная дисциплиной гор. Анаксагор, гений, для которого даже магия — это наука.

Пока знать сражается за трон, пиратские капитаны Эвендель и Безумный Пёс, ведут свою войну за выживание. Но когда всё обернётся катастрофой, палуба их корабля станет убежищем для беглецов, за которыми попятам следует тьма. И спасти этот мир выпадет на долю тех, кого он считал язвой на своём теле.

Конечно же, если они не разорвут друг друга раньше, чем общий враг нанесёт удар.

Содержание

Глава 1. Язвы на теле мира	6
Глава 2. Театр одного Пса	24
Глава 3. По следу	38
Глава 4. Компас	47
Глава 5. Цветы и мечи	58
Глава 6. Глоток свободы	80
Глава 6 и 1. Лучи и молитвы	109
Глава 8. Театр уличных истин	134
Глава 9. Маски, которые мы носим	155
Глава 10. Рири	165
Глава 11. Шёпот стали	177
Глава 12. Гений, чьё сердце — вечный компас, указывающий в неизведанное	206
Глава 13. Железный Бык	223
Глава 14. Последний приказ	230
Глава 15. Удача благоволит тем, на ком лежит её вечный след	252
Глава 16. Маскарад обмана	271
Глава 17. Глас Истинного	285
Глава 18. Ложь во спасение	301
Глава 19. Солнце не знает слёз	310
Глава 20. Шесть Истин	322
Глава 21. Глаза, распахнутые в иное	344

Александра Романова

Осколки Истины: Смерть Невинности. Том I

Глава 1. Язвы на теле мира

Топоним

*«Зельвальт'андор», сохранившийся в
хрониках Предраскольной Эры,
принято*

*переводить как «Союз Шести
Земель». Примечательно, что корень
«Зель»*

*присутствует в числительном
«шесть» как у сільванорцев, так и
у нефелийцев, что*

*служит лишь одним из ключевых
доказательств некогда
существовавшего глубокого
политического и культурного
симбиоза между*

*прото-сільванорскими и
прото-нефелийскими народами в
рамках структуры Империи
Зельвальт'андор.*

— Из трактата «Этимология утраченного:
Происхождение государственности» Мал'Каил

Заполонённая полукровками и людьми таверна на одном из Безымянных островов ревела и чадила, словно кузнечная печь, разогретая до предела.

Полукровки — живые памятники запретным союзам — копошились в дыму и углах таверны. Одни — с пятнистой кожей, другие с конечностями, что торчали под неестественными углами, у третьих и вовсе не хватало частей тел. Лишь те, в чьих жилах текла сивланорская кровь, сохранили благородные черты: высокие скулы, миндалевидные глаза, кожу цвета тёплого янтаря — дар божественных предков, не подвластный смешению кровей.

Воздух, густой от запахов прокисшего эля, едкого табачного перегара и пота, пропитывал насквозь деревянные стены, одежду и даже мысли тех, кто осмеливался переступить порог. Это логово давно стало пристанищем для отребья морей — разбойников, контрабандистов, беглых колдунов-полукровок. Таверна «У Старого Хью» была местом, где хоронили свои грехи на дне кружки и тонули в хриплом хохоте, пьяном угаре и звоне монет, предаваясь дикому веселью под пиратские песни и хруст осколков разбитой посуды.

Но сегодня даже здесь царила иная атмосфера. Близился Турнир Пяти Орденов — событие, от которого дрожали воды не только Разбойничьего Архипелага, но и всей Империи. В воздухе висело напряжение. Каждый выдох, каждый звон

кружек шептал: «Урви-схвати-убей» и искрился алчностью. Даже завсегдатаи с обожжёнными ледяным пламенем Бездны душами ёжились под тяжестью всеобщего напряжения. Турнир манил не романтикой приключений — он обещал столько золота, что сердце замирало. Достаточно, чтобы перерезать глотку собственной матери. Хватит, чтобы предать родного брата. И с лихвой — чтобы продать душу дважды.

В углах, у стойки и за столами, покрытыми шрамами от кинжалов, бандиты сторожили момент, и их глаза, неотрывно следили за дверью. Ждали, когда явится хотя бы один из них — капитан с Меткой Удачи, чей жест, слово, даже взгляд станет сигналом. И тогда из этого пышущего жаром котла вырвется настоящая лавина — команда призраков, готовая растерзать саму Смерть ради тяжести монет в карманах... или вечного покоя на дне бескрайнего океана.

Внезапно в стену вонзился кинжал, да так, что перебитая клёпка отлетела в темноту.

— Долго ль мы ещё будем вымачивать якоря, ночной шип их дери?! — голос бородача, швырнувшего нож, звучал словно из бочки. — Капитаны стали рыбами-молчальниками, что ль?

Из-за стола, испещрённого зарубками, поднялся коренастый пират с лицом, будто перепаханным драконьими когтями. Левый глаз его прятался под бельмом, а вместо носа зияла дыра, прикрытая запёкшейся кровью и кожей.

— Во-во! Турнир через неделю, а новостей нет. Да и став-

ки делать не на кого! — рывкнул он, тыча в воздух обрубком пальца.

Тень у стойки колыхнулась, и в свет факелов выплыла женщина. Красно-рыжие волосы падали на плечи водопадом, а левая часть её лица, покрытого сетью вен, напоминала потрескавшийся глиняный горшок. Вторя ядовитому взгляду изумрудных глаз, у пояса её сиял острый клинок.

— Не гони, прощельга подкильная, — зашипела она, заставив вздрогнуть ближайших к ней выпивох. — Юнец До'Ленн'Тар из Алых Лепестков сломает спины всем этим щенкам, хоть он и мальчишка. Чистая кровь Илл'Танар течёт в нём! Бабка его — живая легенда, а мать долиной Лириз'Арнес правит! Ставлю сотню ауреусов на сильванорского отпрыска!

— Бьюсь об заклад, кислые морды! — взревел парень с медными волосами, хлопнув кулаком по столу. — Сильванорский щенок раздавит всех остальных наследников как скорлупу! Слыхали? Шесть сундуков ауреусов и аргентусов на него поставила капитан «Громовержца»! Раз уж даже она на девку из своей расы ставить не стала... О многом говорит!

Хохот загремел по залу, сливаясь с перезвоном кружек, но вдруг стих. Из угла, где мгла была гуще смолы, поднялся полукровка с оплывшим лицом: левая щека текла книзу растопленным воском, а на лбу синевато светилось клеймо Истинного — древний символ, почти стёртый временем.

— А Амис'Драэль? — он провёл костлявыми пальцами

по знаку на лбу, и голубые глаза вспыхнули. — Сосуд Божественного слова! Сам Многоликий через его уста говорит! — два пальца, прижатые к потрескавшимся губам, заставили самых суеверных потянуться к своим оберегам на шеях. — Свет Истинного да озарит его путь!

— Ну да, что те девки-то против них сделают? — фыркнул кто-то. — Аэлиндорнская серебряная дева или как там её? Торвенгарская? Тьфу! Проклятая она! И мамаша её наверняка нагуляла. Говорят, совсем на свою родню не похожа, да и уродка она. А другая... золотая девка аурелийская... в шелках запутается, пока бежать будет по Острову да юбки подбирать! Ха!

— А про род Куива'Нариен не слыхал никто, что ль? — старый полукровка с явными чертами пруденитской расы поднял голову, и его тёмная, будто графитовая кожа замерцала в свете факелов. — Отец его — не просто глава Ордена и Хранитель вечных знаний. Он — живой щит нашей Империи Зельвальт'андор. Умрёт старик — и мир осиротеет... — он прищурился, и в уголках почти беззубого рта заплясали тени. — А детишки его... Гении! Помяните слово моё: турнир Первооткрыватель Неизведанного, может, и не выиграет, но мир наверняка перевернёт!

Внезапно дверь со скрипом распахнулась, и все головы мгновенно повернулись к силуэту в дымке — но то оказалась лишь кучерявая девчонка с подносом. Почти ребёнок — малорослая, в платье, перешитом из парусины. Кудри об-

рамляли круглое личико, удивительно правильное для полукровки — должно быть, капля сильванорской крови защищала её от уродств.

— Эй, Хью! — заорал кто-то из толпы. — Говорят, «Серебряный Лис» в порту уже! Твоя воспитанница-красотка, может, нам работёнку подкинет? Поговаривают, кстати, что в ней сильная сильванорская кровь — потому и лицо словно у богини! Да я бы за ней и в пучину морскую нырнул, если бы только приказала... Она ведь один из капитанов с Меткой Удачи, в конце концов! А он, кстати... — голос дрогнул, и мужчина невольно оглянулся. — Говорят, этот ублюдок где-то рядом шныряет. Ох и смертей тут будет, если пересекутся эти двое...

— Лучше молитесь, чтоб он вас не завербовал. От Безумного Пса и сами исчадия Бездны бегут, в Истинного уверовав... — старик хрипло рассмеялся, вытирая кружку. — А что до Эвы...

Таверна затаила дыхание, когда дверь распахнулась, впуслав ночной ветер и её.

Эвендель вошла бесшумно, оставляя за собой шлейф тревожных шепотков. Длинные чёрные волосы, выгоревшие до шоколадного отлива, рассыпались по спине тяжёлыми волнами. Каждый шаг отдавался в тишине глухим эхом. Звякали пряжки высоких сапог, подчёркивавших стройность ног, но под женственным изяществом угадывалась сухая сила канатов и стальной стержень воли.

Кожа её мерцала в полутьме, не тронутая золотистым заггаром чистокровных сильванорцев. Но цепляли, конечно, глаза — два рубина, горящие холодным расчётом и насмешкой. И уши: острые пики, изогнутые лезвиями лунных серпов, лишённые перепончатых кружев, что украшали ушные раковины чистокровных сильванорцев. В них не было ответа — только корона из неразгаданных, ядовитых и влекущих тайн.

Десятилетиями Остров Разбойников ломал зубы об эту загадку. Чья кровь? Шёпот лианами вился в портовых кабаках: мать — вероятно, жрица, возносившая молитвы у алтарей Илл'Танар и сражавшаяся, как подобает женщинам-сильваноркам; отец — человек-скиталец, чьё имя стёрли из летописей.

Эва давно сожгла эти страницы.

Она не дочь легенд о чьих-то похождениях — она и есть легенда. Путеводная звезда, что светила лишь тем, кто осмеливался потеряться в тумане. Сплетни стали прахом под каблуками её сапог. Пусть гадают, чьей крови в ней больше. Она давно отполировала душу до блеска, чтобы в ней отражалась лишь морская пучина — безродная и свободная, как и она сама.

Капитан остановилась и обвела зал пронзительным взглядом. Сидевшие в дыму полукровки — кто с пятнистой кожей, кто с вывернутыми конечностями, кто с провалами вместо носов — невольно отводили глаза. Эва знала эти взгляды

слишком хорошо. Рядом с ней их шрамы казались особенно отвратительными, белые веснушки, украденные у аурелийцев, — грязью, тёмно-рыжие волосы, взятые у сильванорцев, — грубой пародией на шелковистые пряди, что обычно полнились изысканным блеском и магией, кривые массивные носы, выдававшие остатки крови аэрн'тале, — насмешкой над красотой.

Она выглядела как живой укор этим покалеченным судьбой существам, но сама была одной из них — просто по случайности её тело не выдало тайну. Внешность почти что чистокровной, душа полукровки. Ей повезло родиться без печати запретного союза на лице, и лишь она знала, что внутри та же бездна.

— Эй, дед! — её голос прозвучал слегка надрывно, но без спешки. Звук обволакивал слушателей — спокойный, глубокий, с едва уловимой хрипотцой. — Старый ворчун, глянька! Живой до сих пор! — сдавленно рассмеялась Эва, упираясь ладонями в покрытую трещинами стойку.

Старик, сгорбленный под непосильным бременем лет и забот, издал хриплый вздох, в котором слышалась вся тяжесть мира, и его морщинистое лицо, вечно подёрнутое гримасой недовольства, исказилось ещё сильнее.

— Вашими молитвами... — буркнул он. — Чтоб тебя шторм унёс... Что ещё за шуточки? Помирать не собирался, знаешь ли... Ну, спрашивай уже! Знаю ведь, зачем пришла.

Кружка с грохотом опустилась на дубовую стойку, распугав мух. Эва не моргнув приняла его взгляд — ястребиные глаза старика, не потерявшие синевы за долгие годы, тонули в тенях, но она знала: под коркой ворчливости теплится что-то вроде отеческой тревоги. Много лет назад, когда Эвендель ещё не была капитаном, а Пёс ещё не носил шрамов от вражеских клинков, именно Хью налил им по первой в жизни кружке медовухи со словами: «Пейте за дружбу».

— Когда он здесь был? — начала она мягче, чем планировала, и тут же поправилась, приняв деловой тон.

Старик швырнул в раковину грязный стакан и посуда звякнула о камень.

— Три дня назад. Стоял на том же месте, что и ты, жрал

похлёбку да глазки строил Маренке, — он махнул рукой в сторону кухни, где краснолицая кухарка громыхала котлами. — Спрашивал, как ты, живая ли. На Острове он. Где ошивается... не знаю. Наверняка неприятностей ищет на свою башку дурную.

Эва выпрямилась, играя серебряной монетой между пальцев. Аргентус упал на стойку с мелодичным звоном — плата, как всегда, больше положенного.

— Налей-ка лучше ядрёного, дедуля. Не дашь же ты мне умереть от жажды, пока я пытаюсь избежать встречи с ним?

Хью фыркнул, но бутылка с горячительным уже была в руке. Он знал: эти двое встретятся у его же стойки даже лет через десять, всё так же пряча за колкостями дрожь голосов, и ему, проклятому старому хрычу, опять придётся слушать их бесконечное «а он спрашивал? а она говорила?». Но пока он наливал, уголок его рта дёрнулся в едва заметной улыбке — именно ради таких моментов он и держал таверну все эти годы.

Наёмники с бинтами, пропитанными сукровицей, пираты в сапогах, стоптанных до дыр в портах Безымянных островов, барды с лютнями, чьи струны помнили лишь похабные баллады, — все застыли, будто чары морской девы сковали их. Эвендель полулежала на исцарапанной клинками и когтями стойке, и шёпот полз по залу: «Щас скажет... Слыхал, в прошлый раз взяла только ублюдка-полунефелийца да беглого аурелийского щенка, который от собственной тени ша-

рахаётся!»

Она лениво вертела кружку, и тишина упала тяжёлым саваном, когда капитан встала. Серебро на треуголке звякнуло, будто колокольчики на лодыжках танцора из сильванорских земель. Взгляды — жадные и полные суеверного страха — прилипли к её спине, пока она шагала к выходу.

— Спасибо за компанию, дед.

Старик кивнул, вытирая ту же кружку, что и полчаса назад. Он-то знал: её улыбка, ленивая и чуть насмешливая, всегда появлялась, если она что-то задумала.

— Эй, капитан! — рябой детина вскочил, опрокинув кружку. — А добровольцев когда набирать будешь? Хоть слово! Турнир же на носу!

Эвендель замерла на пороге, обернувшись.

— Ха! Не по Тильде шёлк да бархат¹, крысы помойные. Моя команда — не бордель, чтоб с улицы всякую шваль подбирать. А такой сброд как вы, мне и даром не нужен! — бросила она, и звучный смех её растворился в звоне дверного колокольчика.

Эва прищурилась, всматриваясь в туманную полосу прибоя. Ветер с Осколочных рифов рвал пряди волос, швыряя в лицо солёную водяную пыль, но она не шевелилась. Сегодняшняя встреча важнее грядущего шторма. Информатор

¹ Не по Тильде шёлк да бархат — устойчивое выражение в Зельвальт'андоре, означающее, что кто-то претендует на то, что ему не по статусу (аналог «Не по Сеньке шапка»).

обещал карту маршрутов орденских караванов, но сорок минут ожидания уже разъедали терпение.

Она выросла в хаосе, выточенном из соли и стали. Остров Разбойников — клочок земли, где море выплёвывает на берег не ракушки, а обглоданные кости. Воздух здесь воняет гниющими водорослями и свежепролитой кровью, а небо вечно затянуто дымом факелов и костров.

Дети тут учатся метать ножи раньше, чем складывать буквы, — Эва в восемь лет уже носила на поясе клинок с рукоятью, обмотанной кожей морской змеи. «Дядюшка» Торгар вручил его со словами: «Режь смело. Или сдохнешь слишком быстро». В двенадцать её ударила по лицу куртизанка Лорайн — та позже нашлась в гавани с перерезанным горлом и монетой во рту. Удар выбил последний молочный зуб, зато научил Эву никогда не доверять улыбкам.

В пятнадцать шальная пуля из фитильного ружья пробила предплечье, когда она ходила в море штурманом на борту «Чёрной Розы». Уже тогда ставший капитаном, но ещё юный, Вальдеон орал так, будто это его самого подстрелили: «Ты что, сука, творишь?!» — и, не дожидаясь ответа, вырвал дымящийся огнеплуж² у матроса, чья дрожащая рука спустила курок. «Запомни, скот: я не терплю ошибок», — рявкнул он, всадив пулю в лоб провинившемуся. Тело грохнулось

² Не по Тильде шёлк да бархат — устойчивое выражение в Зельвальт'андоре, означающее, что кто-то претендует на то, что ему не по статусу (аналог «Не по Сеньке шапка»).

на палубу, а Вальдеон не моргнув вышвырнул его за борт. «Кто тронет её — убью нахрен!» — орал он, обводя взглядом остолбеневшую команду, а уже через месяц вручил Эве свой лучший кортик с рукоятью, украшенной яшмой цвета крови.

Теперь же, когда «Серебряный Лис» вонзался в волны, оставляя за кормой пенную рану, в портах шептались, пряча глаза: «Гадюка в бархате». Её имя обросло легендами — будто команда «Призраков Полуночи» умеет становиться невидимой, корабль скользит по воде на крыльях, а поцелуй Эвендель сводит с ума сильнее любого дурмана. Правда была куда проще: она выжила там, где другие сгнивали заживо, потому что научилась завоёвывать доверие и кусаться первой.

А вот корабль её действительно был чудом — стальными мускулами под шкурой из полированного белого сильванорского дуба, с носом, изображавшим стремительно бегущего лиса. В лунные ночи серебристая краска на корпусе переливалась, словно чешуя дракона, заставляя верующих в Матерь Приливов вспоминать молитвы. Двадцать пушек, спрятанных за резными панелями, команда из верных головорезов, — и всё это несло по волнам быстрее, чем ветер успевал наполнить чужие паруса.

Информатор... Призрак в плаще, сотканном из слухов. Ни имени, ни лица — только записки, завернутые в пергамент с печатью из воска и крови, переданные разными по-

сланниками. Он знал маршруты кораблей, расписание смены караула, даже меню капитанов. Встречи назначались в заброшенных зданиях, на кладбищах кораблей, в пещерах, где призраки матросов шептались с волнами. Эва уважала его осторожность. На острове, где даже крысы доносят друг на друга, доверять можно только ветру да собственному кинжалу.

Эвендель шагала по Острову, будто пробиралась сквозь смердящие внутренности дохлого кита. Улицы — гнойные трещины в теле порта, зажатые лачугами из кривых досок и отчаяния. Воздух был плотным, липким бульоном, сваренным из прогорклого жира, испражнений и сладковатого назойливого запаха гниющей рыбы. Эва дышала ртом, мелко и часто, но эта вонь всё равно въедалась в язык.

Толпа кишела вокруг. Не люди — шаркающие тени с глазами-щёлочками, высматривающие кошелёк или незащищённую спину. Бродячие псы, больше похожие на крыс, лижущие бурые разводы на камнях. Она выбирала, куда ступить, то ставя сапог на относительно чистый булыжник, то перепрыгивая лужи, в которых плавало нечто неопознанное и пугающе цветное.

Из переулка вывалилось сцепленное месиво из двух тел. Одно — с лицом, изъеденным оспой. Другое — просто мишень. Блеснуло лезвие. Короткий, мокрый звук... и болезненный хрип:

— Сдохни, тварь, провались в Бездну!

Тело осело к её ногам, как мешок с отрубями. Из разреза на животе, тёплого и дымящегося на холодном камне, выползли сизо-розовые петли. Тошнота подкатила к горлу едким комом. Эва сглотнула, закусив внутреннюю сторону щеки до крови. Сочувствие — слабость. Слабость — смерть. Старая, выжженная в мозгу истина Безымянного Острова.

Злость, жгучая и бесполезная, клокотала в груди. Не на убийцу — тот уже растворился в сумеречной ткани переулка. На себя. На этот проклятый клочок суши, куда её ноги возвращались раз за разом, хотя море открывало сотню других дорог. На тоску, что жгла нутро сильнее пламени.

Она подняла взгляд к небу. Там, над рваными мачтами и покосившимися крышами, раскинула крылья Плачущая Гарпия — созвездие, под которым, если верить пьяным картографам, лежали земли, о которых здесь боялись даже шептаться вслух. Лириэ'Арнес. Она смотрела на звёзды, и где-то глубоко в груди ныло: там, куда указывала слеза Гарпии, воды смыкались стеной. Патрули магов прочёсывали побережье, течения ломали киль чужакам, а берег встречал незваных гостей смертью. Говорили, реки там светятся изнутри, как жидкое серебро, а деревья выше облаков хранят в стволах целые города. Магия там — не ржавый клинок в потной ладони, а сама плоть мира. Для таких, как она, — полукровки с разбойничьей душой, — это звучало как бред безумца. Сказка для тех, кто никогда не увидит ничего, кроме гниющих доков. И всё же иногда, в ночи, когда ветер приносил с

востока сладковатые запахи, она ловила себя на мысли, что верит в эту чушь. И от этого становилось только большее.

«Там я могла бы дышать», — пронеслось в голове.

Но она была здесь. На Острове Разбойников, где сказки имеют вкус тухлой селёдки и запах мочи. Мечтать о свете в таком месте — всё равно что пытаться зажечь факелом море.

Бесполезно, унижительно и глупо.

Эва посмотрела на кишки, уже собиравшие мух, и подняла взгляд на тёмный провал переулка, куда скрылся убийца. Спокойно, почти рассеянно, она сделала шаг вперёд, и каблук её сапога с хрустом и мягким чавканьем вдавил скользкую петлю в грязь. Звук был до отвращения знакомым — так они в детстве давили тараканов в трюмах.

Капитан не вздрогнула. Просто почувствовала, как по спине пробежала холодная волна неприятия этого места. *Себя* в этом месте.

— Жри, Остров, — прошипела она. — Жри до отвала. Твой обед остывает.

Прижав рукав грубой рубахи к носу, она ускорила шаг, отряхивая с себя липкую паутину увиденного. Где-то заскулила собака — звук жалкий и бесконечно одинокий. Бежать было некуда. Даже море здесь воняло дешёвым ромом, кровью и отбросами. Смерть на Безымянных островах была делом быстрым и некрасивым. К утру от того несчастного останется лишь чуть более тёмное пятно на брусчатке да пара обглоданных костей, которые сметут в воду вместе с прочим

мусором.

И мир даже не вздрогнет.

Глава 2. Театр одного Пса

Эвендель шагнула в затхлый воздух лавки алхимика. Запах стоячей воды, перетёртых в пыль костей и чего-то горького, словно сама тоска обрела аромат, мгновенно окутал её. Эва прислонилась к притолоке, скрестив руки. Поза говорила о расслабленности, даже скуке, но под тонкой кожей на скулах играли мышцы, а взгляд, брошенный на тщедушного человечка за столом, был холоднее зимнего ветра.

— Л-леди Эвендель, — выдохнул посланник дрожащим голосом, кутаясь в плащ, протёртый до просветов. — Всё... всё как вы велели...

Она кивнула, едва заметно.

— Информация. Маршруты. Охрана.

Человечек — нет, скорее сгусток страха в людском теле, — засуетился. Его пальцы заматались по столу, раскидывая грязные и испачканные чем-то жирным пергаменты.

— Тут расписание Турнира... Прибытие кораблей Орде-нов... Грузы.

Дверь на ржавых петлях взвыла, изрыгнув в комнату ледяной сквозняк и полосу грязно-жёлтого света. И в этой раме, залитый им сзади, так что фигура казалась вырезанной из самой тьмы, стоял он.

Знакомый. Ненавистный. Неизбежный как прилив.

Он заполнил собой проём, и комната внезапно стала тес-

нее от одного его присутствия. Полукровка, чьё происхождение было клубком сплетен и страхов, он носил эту загадку, как иные носят корону — с вызывающей небрежностью. Сначала виднелся лишь силуэт — огромный, с широкими плечами, перекрывающий свет. Потом детали проступали из полумрака одна за другой.

Загорелая кожа, испещрённая белёсыми шрамами, — тихая хроника былых побед и поражений. Чёрные узоры татуировок, что жили на его теле, извиваясь при каждом движении мускулов. Древние символы, вписанные не чернилами, а, как шептались, пеплом сожжённых кораблей и кровью жрецов культа Донатрикс или же Матери Приливов. Среди этого тёмного леса татуировок на запястье левой руки чернела Метка Удачи. Не простой знак. Клеймо. Переплетение волн, штурвала и раковины наutilusа, выбитое в плоти. Она пульсировала тусклым багрянцем, словно под кожей билось ещё одно сердце. Правый глаз скрывала грубая повязка из кожи ската, но левый был ловушкой — цвета океанской глубины, куда не доходит свет, с таящейся в синеве не бурей, а тишиной.

Он двинулся вперёд плавно, скользя будто хищник, уверенный, что добыча уже не уйдёт.

Чёрные волосы, тяжёлые и густые, пропитанные морской солью и дымом, колыхнулись. В них поблёскивали обсидиановые бусины, вплетённые в мелкие косы, — счётчик, чья арифметика была известна лишь ему.

Улыбка. О, эта улыбка. Она не касалась его глаза.

Оскал, прикрытый тонкой плотью губ, обещавший тысячу вещей: непристойную шутку, смертельную игру, животную страсть. И ни одной из них нельзя было верить. Золотой клык, вправленный на месте родного, тускло блеснул, как предостережение.

Пальцы, униженные кольцами-трофеями, небрежно гладили рукоять кривого кинжала на поясе.

Но пугал не кинжал, а когти. Длинные, изогнутые, чернее ночи, отточенные до бритвенной остроты. Они царапнули по металлической застёжке плаща, и от этого звука по спине Эвы пробежал холодок. Этими когтями не дрались. Ими вспарывали. И даже одежда была насмешкой над любым кодексом. Бархатный плащ цвета полночного неба, затканый золотом. Треуголка с пером, выдернутым, по слухам, у альбатроса, который осмелился пролететь над его кораблём, а под плащом — расстёгнутая грубая рубаша, открывающая шрамы и татуировки. И запах... запах, который ворвался вместе с ним. Соль, дерево, дым, пот — и в сердцеvine тёплый медный дух крови.

Безумный Пёс.

Имя это шептали в портах, целуя обереги, ведь он властвовал через ужас. Даже те, кто плевал в лицо королям и богам, отводили взгляды, когда его тень ложилась на палубу. Вальдеон был событием, стихией в сапогах.

Даже обладатели Меток Удачи, эти закалённые баловни

судьбы, молча расступались, пропуская его вперёд. Он царил, без слов, одним фактом своего существования. Легенды, рождённые в пьяных тавернах в самые тёмные ночи, шептали: Пёс родился не от женщины, а от союза мрака и грохочущей волны, а душа его — обломок самой Бездны, вынесенный на берег для устрашения смертных. И пусть полукровка, пусть выродок в глазах чистых рас — в его жилах бурлила сама ярость океана.

Эва застыла, будто её вколотили в пол. Знакомый запах ворвался в ноздри, перебивая вонь порта. И от узнавания спину Эвы окатило ледяной волной.

Его ухмылка медленно расползалась по лицу, обнажив золотой клык.

— Какого... — собственный голос показался Эвендель чужим, сорвавшимся на сиплый шёпот. Рука дёрнулась к бедру, где пальцы нащупали рукоять кинжала. — Что ты здесь забыл?

Пёс шагнул вперёд. С широких полей его треуголки, с мокрого бархата плаща капала вода. Он остановился так близко, что Эвендель почувствовала исходящий от него холод морских глубин и тепло собственного, внезапно вспыхнувшего тела.

— О-о-о, кого я вижу... — его голос был низким и хриплым. Вальдеон тянул слова, наслаждаясь их вкусом и её напряжением, но в этой театральной паузе, в ленивой растяжке слогов, Эва уловила какую-то чрезмерность, словно он играл свою роль усерднее обычного. — Неужто наша лисичка наконец-то пожаловала в своё благоухающее королевство?

Взгляд, тяжёлый и оценивающий, медленно проплыл по ней — от грязных сапог до чёрных прядей, обрамлявших лицо. Он будто ошупывал её, сверяя с каким-то внутренним образцом, и в этом взгляде, сквозь всю насмешку и показную небрежность, читалось жадное внимание.

— А я, знаешь ли, начал думать, что ты с концами растворилась в тумане, — уголок его рта дёрнулся в чём-то, что могло бы сойти за улыбку, если бы не было таким острым. — Или нашла себе новую... нору. Рад, что ошибся.

Эва вцепилась в рукоять кинжала так, что костяшки побелели. Не страх. Никогда не страх перед ним. Что-то более едкое и личное, поднималось комом в горле. Обида. Старая, закостеневшая, как морская соль на камне.

— Я задала вопрос, — выдохнула она, заставляя голос звучать твёрже. — Какого хрена ты здесь делаешь?

Он проигнорировал её, медленно повернув голову к информатору. Тот, бледный как мел, забормотал, хватая воздух ртом:

— Я... я всё сделал, как договаривались... вы заплатили...

Пёс сухо рассмеялся.

— Мы здесь по одной причине, моя леди, — он сделал шаг, и пространство между ними снова сократилось. — Ты же знаешь... я всегда там, где пахнет возможностью. Золото — лишь приятный бонус, — он наклонился, его губы почти коснулись её уха, а горячий шёпот обжёг кожу: — Что, испугалась?

Её тело дрогнуло от клокотавшей внутри ярости. От того, что он всё ещё мог её так задевать. Она отпрянула, спина наткнулась на шершавую стену. Бежать некуда. Вальдеон не отступал.

— Слишком много мнишь о себе, — прошипела она, и голос, к её ужасу, дал предательскую трещину.

Он услышал. Конечно, услышал. Его зрачок сузился, поймав эту дрожь. Насмешка же на его губах потухла.

— Эв, — произнёс он, и в его хрипотце вдруг проступили до боли знакомые ноты. Те, что звучали в тишине каюты много лет назад, когда мир сводился к ним двоим и горизонту. — Не делай таких испуганных глаз. Я не причиню тебе вреда, — он медленно провёл подушечкой пальца по краю стола. — Мы же... старые друзья. Просто у нас есть невыясненные счёты. И я пришёл помочь тебе.

— Заткнись, — огрызнулась она. — Ты уже причинил.

Пёс рассмеялся — низко, грудью, — но в этом смехе не было прежней жестокости.

— Мы кто угодно, но не друзья, — прошипела Эва, глотая ком в горле. — Ты ранил меня. Выбросил нас с Торгаром на Мёртвом острове, как отбросов, и уплыл, даже не обернувшись.

Он замер. Вся его игривая, но угрожающая поза за мгновение сменилась прямой спиной и почти обычной человеческой усталостью.

— Ошибка, — сказал он сухо. — Глупая, юношеская, кровавая ошибка.

Его рука поднялась, осторожно, будто он тянулся к дикому зверьку. Вальдеон не коснулся её щеки, а лишь провёл пальцем по воздуху.

— Я не люблю долги. А тот остров — самый скверный из них. Я сделал тебе больно, — на его лице проступила досада. — И это мешает мне дышать. Я сожалею. Каждый день, Эв. Каждый раз, когда вижу на горизонте очертания того проклятого острова.

Эвендель ударила по его руке, отбрасывая её прочь. Не от страха — оттого, что его слова более любого лезвия впились в старую рану. Он поймал её запястье, чтобы удержать, и его пальцы, покрытые шрамами и кольцами, оказались, как и всегда, тёплыми.

— Отпусти! — её крик сорвался, хриплый и сломанный.

— Я здесь, чтобы помочь, — повторил он.

Вальдеон отпустил её и резко развернулся к информатору, всей своей массой обрушившись на дрожащего человека. Тот вжался в стену, ловя ртом воздух, но Пёс не дал ему отползти — упёрся ладонью в стену рядом с его головой и наклонился так близко, что их носы почти соприкоснулись.

— Давай информацию... — прошептал он, и от этого вкрадчивого голоса у информатора подкосились ноги. — Если хоть одна цифра, одна мельчайшая деталь окажется ложью...

В воцарившейся тишине слышно было только, как стучат зубы посланника. Вальдеон недолго помолчал, и его единственный глаз, не мигая, смотрел на жертву с холодным вниманием. Он улыбнулся краешком рта, обнажив золотой клык, и закончил тем же обволакивающим шёпотом, в кото-

ром слышалось скорее обещание, чем угроза:

— ...я разорву твоё брюхо и буду по очереди показывать тебе, из чего ты состоишь, пока не сдохнешь. А то, что останется, отправлю твоему главному. Идёт?

Информатор всхлипнул, зажав рот ладонью, и по его щеке скатилась слеза, а Пёс не шелохнулся, нависая над ним.

Эва смотрела на эту сцену, чувствуя, как внутри всё сжимается. Она знала, что такое — ждать удара от того, кто сильнее. И пусть перед ней был всего лишь трусливый посыльный, а не она сама десятилетней давности, смотреть на это оказалось невыносимо.

— Хватит, — сказала она тихо.

Пёс не обернулся, но его спина напряглась.

— Вальдеон, — повторила Эва твёрже. — Отойди от него. Он и так всё понял.

Посланник, не веря своему спасению, бросился к столу. Его трясущиеся руки заметались по ящикам, выхватывая свитки и карты.

— Вот... вот... всё здесь, — забормotal он, выкладывая пергаменты.

Эва шагнула к столу, не глядя на Вальдеона.

— Мой корабль быстрее, — бросила она, хватая свитки. — Ты опоздаешь.

Пёс покачал головой, и на его лице появилось будто бы невинное выражение.

— Ты так ничего и не поняла, — проговорил Вальдеон

мягко. — Я не хочу обогнать тебя. Я ведь сам пришёл сюда. К тебе, — он шагнул ближе, понизив голос до едва слышного шёпота, предназначенного только для неё. — Я предлагаю союз, Эв. На этот раз по-честному. Делим добычу — и я прикрою твою спину. Клянусь... — он запнулся, выбирая слова, — ...клянусь тем, что между нами когда-то было.

Он протянул руку: ладонь раскрыта вверх, безоружная. Эва замерла. Вся её обида, весь лёд недоверия кричали внутри «НЕТ!», но где-то под ним, в самой глубине, что-то дрогнуло и болезненно сжалось. Это был жест. Вероятно, самый честный, на который он был способен.

— Никогда, — выдохнула она, отшатнувшись от его ладони. — Да я лучше утоплю «Лиса» собственными руками... чем ещё раз поверю тебе. И свои подачки ты можешь засушить в свою вшивую задницу!

Дверь захлопнулась, отрезая Эву от комнаты, но её ярость ещё висела в воздухе. Вальдеон не шевелился. Он закрыл единственный глаз и глубоко втянул воздух, пытаясь поймать за хвост шлейф её духов.

— Ну и ну! — пробормотал он, и вдруг рассмеялся. — Разве не чудо?

Он резко повернулся к оставшемуся в комнате человечку, который стоял, прижавшись к стене, будто надеясь раствориться в воздухе. Посланник открыл рот, чтобы что-то сказать, но Вальдеон приложил палец к губам.

— Тихо, — сказал пират. — Дай послушать.

Он замер, склонив голову набок.

— Слышишь? — спросил Вальдеон шёпотом. — Это кровь в моих жилах поёт. Каждый раз, когда она уходит, поёт громче. Знаешь почему?

Информатор медленно покачал головой, смотря на Пса с широко распахнутыми глазами, полными ужаса. Губы посланника зашевелились, но не издали ни звука: он то ли молился, то ли просто разучился говорить.

— Потому что знает: она вернётся. Или я сам приду к ней. Разницы нет.

Серьёзность в глазу пирата мгновенно сменилась улыбкой.

— Ну какая женщина, а? Железная, Бездна её дери, с изюминкой! — он швырнул на стол увесистый мешочек, звон золота прокатился по комнате, заставив посланника вздрогнуть. — Десять лет, понимаешь? Десять лет кручусь у неё перед носом, как голодный пёс у мясной лавки! А она — фьють! — он щёлкнул пальцами, изобразив улетающую птицу, и его единственный глаз безумно сверкнул. — Иной бы уже прирезал, верно? Или силой привязал к кровати. Но нет же! Мне подавай, чтобы сама поверила. Сама выбрала. Глупо, да?

Информатор попытался что-то пробормотать, но Вальдеон уже кружил в центре комнаты, размашисто жестикулируя, и крутя в пальцах золотую монету так, что она отбрасывала жёлтых зайчиков на стены.

— Представь: несёшь ей всё на блюде! Себя самого, распотрошённого, с душой нараспашку! А она что? Плюнет в душу, да ещё и ножом по сердцу проведёт, чтоб наверняка! — он прижал ладонь к груди, изображая смертельную рану. — А я-то, дурак, думал: подарю ей пару завоёванных архипелагов, «Коготь» свой... Может, смягчится? Ха! Умная женщина — она как идеально сбалансированный клинок мастера. Красиво? Ещё как! Но возмись не с той стороны — отрубит пальцы! А моя Эвендель... — он тяжело вздохнул, — ...моя Эва — это буря, заключённая в кожу и кости. Не направить. Только... надеяться, что она тебя не сметёт, когда будет проноситься мимо.

Он умолк на мгновение, и веселье в его глазах поутихло. Взгляд стал тяжёлым, и он смотрел на свои когтистые пальцы, медленно сжимая их в кулак.

— Эх, дружище, — голос его сделался вдруг тихим и почти безжизненным. — Запомни: никогда не влюбляйся в тех, кто умнее тебя. Сожрут. Зато... если выживешь — станешь настоящим королём. Или трупом. Оба варианта по-своему хороши. А я вот... пока ни там, ни там. Застрял.

Посланник закивал как марионетка, а Пёс резко встряхнул головой, и прежняя безумная улыбка вернулась на лицо.

— Ну ты это... не держи зла! Это я так, шутки ради всё, — он махнул рукой и направился к двери, напевая под нос похабный куплет про капитана и русалку. На пороге Вальде-он обернулся, отдав небрежный салют двумя пальцами. —

Счастливого оставаться! И не трать всё золото в одной таверне!

Глава 3. По следу

Вальдеон сидел в капитанской каюте «Когтя Вальгарма», перебирая карты. Свеча коптила, отбрасывая на стены словно бы шевелящиеся сгустки самой тьмы.

Одиночество — удел трусов. Старая пиратская мудрость, заезженная до дыр. Вальдеон всегда говорил, что она врёт. Одиночество — удел тех, кто сжёг слишком много мостов, и тех, за чьей спиной не осталось ни души. Он помнил, как их с Эвой фрегат, лёгкий и яростный, резал волны, оставляя за кормой пену и панику. Тогда добыча лилась рекой, а будущее казалось бесконечным, как горизонт. Теперь же... Теперь она смотрела на него так, будто он был язвой на теле моря.

— Чтоб тебя ночной шип побрал... — проворчал он, швырнув карту на стол.

Правда была проста: с ней — золотые горы и шанс против всего мира; без неё — верная смерть от Орденгов. Её «Лис» мог остаться незамеченным где угодно, а вот «Коготь» неизменно привлечёт внимание. Слишком многие в Империи знали как он выглядит. И его не спутать ни с чем.

Остров Разбойников был его землёй. И здесь Вальдеон мог найти любого — даже того, кто не хотел быть найденным. Он уже шёл по её следу: после стольких лет нашёл её там, в лавке, и теперь ни за что не отпустит. Просто так от

Безумного Пса не уходят.

Прошло три дня. Эвендель стояла на корме «Серебряного Лиса», вглядываясь в линию, где небо цеплялось за воду.

— Шлюпка по правому борту! — крикнул вахтенный.

Капитан обернулась — и внутри всё обвалилось.

Вальдеон. Один.

Он грёб к её кораблю один, рассекая воду вёслами. Без оружия. В расстёгнутом чёрном плаще, так что на солнце играли не только золотые кольца в его ушах, но и переливы чёрных татуировок на груди.

— Свистать всех наверх! К оружию! — её команда вырвалась на полсекунды раньше, чем Пёс с немыслимой силой вскинулся на канат и перемахнул через фальшборт, приземлившись на палубу неестественно тихо для его габаритов.

Команда обступила его мгновенно, сросшись частоколом из стали и ярости. Десяток клинков блеснули, упираясь ему в грудь, в бока и спину. Боцман Гарт — полукровка от аэрн'тале и человека, здоровенный мужик под два метра, со светло-русой гривой, стянутой на затылке, и густой бородой, стоял ближе всех. В его левом, чуть заострённом ухе тускло мерцала перламутровая серьга — такая же, как у половины команды Эвы. Вальдеон скользнул по ней взглядом и усмехнулся про себя. Донатрикс. Конечно. Глубокие шрамы на лице боцмана, полученные годы назад в схватке с Псом, делали его особенно устрашающим, а небольшие тёмные глаза смотрели тяжело и прямо:

— Шагнёшь — выпотрошу как сельдь, тварюга.

Вальдеон медленно поднял руки, демонстрируя пустые ладони. Но ухмылка — эта проклятая, знакомая ухмылка — уже ползла по его лицу.

— Эй, Эв, — крикнул он, будто лезвий у его горла и не было, — неужто так встречают лучшего друга юности? Гартольд, старина... смотрю, мои автографы тебе к лицу. Как держатся?

Эва шагнула вперёд. Её собственный кинжал оставался в ножнах, но каждый мускул был готов к броску. Солёный ветер рвал слова, но она выдохнула их чётко:

— Ты здесь, чтобы умереть?

— М-м-м... Нет, — он растянул звук, смакуя момент. — Напротив. Я здесь, чтобы предложить тебе свою жизнь. Опять, — он медленно опустил руки. Сталь оружия дрогнула, впившись глубже. — Мой «Коготь» — крепость. Выдержит любой шторм, утащит любую добычу, а твой «Лис» обгонит саму мысль о погоне. Вместе мы возьмём всё, что прячут орденские. И даже то, о чём они боятся подумать.

— Вместе, как же... — она фыркнула, звук вышел сухим и злым. — Ты вонзишь мне нож между лопаток при первой же осечке.

Пёс рассмеялся настоящим громовым смехом, от которого дрогнули даже самые суровые лица вокруг.

— Тогда почему, спрашивается, я приплыл без оружия? — он широко распахнул плащ, обнажив торс, испещрённый

узорами и шрамами. Ни пряжки для сабли, ни кобуры. — Давай как в старые добрые, а? Ты — изящный ум. Я — сокрушительный кулак. Ордена даже не поймут, кто их ограбил. У них просто... всё исчезнет!

Эва смерила его взглядом. Команда замерла в ожидании, клинки всё ещё целились в его тело. Она видела, как ветер трепал прядь волос, выбившуюся из-под шнурка. Искала в морщинках у глаза, в лёгкой дрожи губ, в биении жилки на шее хоть намёк на ложь, на игру, на старую змеиную хитрость, но в синеве его глаза не было привычного холодного блеска. Только уверенность.

— Почему я должна поверить тебе? — её голос прозвучал резко, но уже без прежней силы. — После Мёртвого Острова? После того, как ты оставил нас с Торгаром умирать ради груды сияющего хлама?

Пёс наклонил голову, и тень от треуголки скрыла его лицо. Улыбка исчезла, оставляя лишь странную серьёзность.

— Потому что ты забываешь главное, Эв, — он шагнул вперёд. Остриё кинжала Гарта впилось ему в горло, и тонкая струйка крови растеклась по коже, но Пёс не остановился. — Твой ум и моя сила... мы были штормом вместе. Разве не так?

Его голос, низкий и бархатный, окутывал её, пробуждая старые воспоминания. Шрам на груди, тот самый, что он оставил своей рукой, заныл тупой болью — напоминанием о том, что даже эта обезоруживающая серьёзность может ока-

заться ложью.

«Турнир Пяти Орденов будет кишеть магами и гвардейцами, которых больше, чем наших команд вместе взятых. Без него «Лис» — просто юркая мишень. С ним — у меня есть пушечное мясо. Его команду кровожадных шакалов Ордена боятся больше, чем моих ребят. И на Пса я смогу списать любую неудачу. А если он предаст...»

Её взгляд скользнул по его горлу, где тонкая струйка крови уже впитывалась в ворот рубахи. Она помнила каждую повадку этого зверя. Знала, как он думает и как дышит перед атакой. Предаст. Рано или поздно — предаст. Так было всегда.

«...тогда я брошу его. В момент, когда он будет меньше всего этого ожидать. Ордена схватят его или просто прикончат на месте. А мы с ребятами уйдём через дыру, которую он сам для меня пробьёт своим безумным напором».

План сложился в голове за секунду, но где-то в глубине души мерзкий голосок добавил: «Может, даже успею спасти его в последний миг. Безумный Пёс в должниках... хорошо звучит».

— Капитан, — проскрежетал Гарт, багровый от ярости. — Одно слово и его башка полетит кормить крабов.

Пёс обернулся к боцману, и ухмылка вернулась, но теперь она была какой-то... товарищеской.

— Эй, дружище! Мы же как-то вместе дрались с той скользкой тварью в нефелийских водах! Неужели забыл, как

я тебя от её шупалец отрывал?

— Заткнись, вша нечестивая! — рявкнул Гарт, но его глаз, над которым шёл шрам, невольно дёрнулся. — Из-за проклятых когтей у меня морда, что твоя карта! Тоже мне, спаситель херов! Тьфу!

Эва подняла руку. Тишина на палубе стала абсолютной, нарушаемая лишь скрипом снастей да её собственным сердцем, глухо колотившимся в такт набегаящим волнам.

— Опустить оружие, — произнесла она.

Кто-то из матросов выругался сквозь зубы. Другой перехватил саблю поудобнее.

— Капитан, — подал голос рулевой, — с этим... с этим даже культ Донатрикс не хочет связываться...

— Я сказала — опустить, — повторила Эва резче. — Не вам мне про культ рассказывать.

Клинка отпрянули мгновенно.

Она сделала шаг к Вальдеону, так близко, что видела каждую пору на его коже, каждую линию в татуировках.

— Запомни, — голос её был холоден. — Твой «Коготь» держится на горизонте и не приближается к «Лису» ближе, чем на расстояние пушечного залпа. Твоя команда не ступает на мой борт без моего разрешения. Один неверный взгляд, хотя бы один подозрительный манёвр... — она сделала паузу, дав словам впитаться, — ...и я лично высажу твою команду в открытом море, а твой легендарный «Коготь» пойдёт на дно вместе с его капитаном. И Донатрикс мне в этом

поможет. Ясно?

Она смотрела ему прямо в глаз, не мигая. Диктуя условия, на которые она, скрепя сердце, соглашалась. Вальдеон медленно кивнул.

— Ясно, капитан.

Эвендель фыркнула, закатив глаза.

— Верю, — прозвучало сухо. — Ты не подчинялся ни небесам, ни Бездне. Что уж там я... капитан на шатком корабле.

Он уже перекинул ногу через фальшборт, готовясь к прыжку в шлюпку, но замер, обернувшись.

— Ошибаешься, — сказал он просто. — Есть кое-кто, — он не назвал имени. В этом не было нужды. — До встречи в столице. Советую надеть что-нибудь... сногсшибательное. Дети Пурпура, как водится, обожают, когда их бьют по глазам роскошью.

И прежде чем она нашлась, что ответить, он исчез за бортом. Его смех ещё секунду висел в воздухе, а потом его смыл шум прибоя и крики чаек.

Эва сжала планшир. Пальцы впились в отливавшую серебром древесину так, что побелели костяшки.

— Сумасшедший, — прошептала она сквозь стиснутые зубы, глядя, как его шлюпка рассекает воду по направлению к угрюмому силуэту «Когтя Вальгарма». — Неисправимый, безнадёжный, самовлюблённый...

— А если он предаст? — пробасил Гарт прямо у её уха.

Эва не обернулась, не сводя взгляда с уменьшающейся точки, и внутри боролись два голоса. Один, холодный и расчётливый, твердил: «Ты знаешь, чем это кончится. Он предаст». Второй, тот самый, что когда-то заставлял её смеяться вместе с ним и делить последний глоток воды, шептал: «А... вдруг? Вдруг он действительно изменился?»

— Тогда убьём, — заявила она. — Сначала его команду, а потом и его самого. И заберём корабль. У меня есть план. Наблюдай за ним, Гарт.

— Сделаю, — кивнул тот.

— Госпожа Капитан! — подал голос юнга, чьё лицо сияло смесью ужаса и обожания при взгляде на Эву. — А... а что на это скажет наш квартирмейстер? Торгар-то? Он же... говорят, он его терпеть не может!

При упоминании Торгара в её груди что-то болезненно сжалось. Голос разума. Единственный, чьё мнение для неё имело значение. Мнение, которое сейчас было бы одним долгим, разочарованным молчанием.

Где-то глубоко, под грудой расчётов, обиды и холодной ярости, упрямая искра дрогнула и дала слабый тёплый свет. Та самая, что когда-то зажигала в Вальдеоне и Эве самые немыслимые, прекрасные и опасные надежды. Капитан тут же подавила это чувство, заковав его в лёд прагматизма. И всё же, погасить его полностью она не смогла.

Эвендель наконец оторвала взгляд от моря и осмотрела свою команду. Увидела сомнение в глазах ветеранов, страх в

глазах новичков, слепую веру в глазах таких, как этот юнга.

— Что скажет Торгар? — её голос прозвучал громко и чётко, намеренно лишённый всякой дрожи. — Он скажет, что я сошла с ума вслед за Псом и будет прав, — она сделала паузу. — Но я здесь капитан и я приняла решение. Кто со мной — остаётся на палубе. Кто нет — может спуститься в шлюпку прямо сейчас. Без обид и без последствий.

Тишина. Только ветер гудел в снастях. Никто не пошевелился.

— Отлично, ребята! — рявкнула она. — Занять позиции! Все по местам! Мирикат, берём курс на Императорскую столицу!

Глава 4. Компас

Императорская столица поглотила их, как вода, прорвавшаяся из разрушенной плотины, поглощает щепки. Эва и Вальдеон прибыли ещё ночью — на шлюпках, бесшумно проскользнув мимо сонных сторожей, а к утру, скрыв полукровные черты, уже растворились в этом пёстром хаосе.

Воздух пах одновременно дорогими благовониями, фруктами и потом тысяч тел. Золотые пики храмов слепили глаза, а снизу, из лабиринта улиц, поднимался гам — крики торговцев, перебранка на наречиях пяти рас, звон монет и оружия. Эва, пригнувшись, растворялась в тенях переулков. Её движение было лёгким шорохом, контрастирующим с вызывающей поступью Пса. Тот вышагивал как павлин, решивший завоевать город одним лишь блеском золота на жилете и громоподобным смехом.

Времени было достаточно — целый день впереди. А ночью, когда столица заснёт после предтурнирных гуляний, они выйдут на дело. Пока же следовало осмотреться и при этом не попасться на глаза ни одному слишком бдительному стражнику.

Подготовка к Турниру Пяти Орденов кипела вовсю, превращая столицу в растревоженный муравейник. Торговые палатки, от которых несло пряностями, кожей и жареным мясом, выстроились вдоль каналов, где вода отливала мас-

лянистой радугой от стоков. На одной из небольших, вымощенных потрескавшимся камнем площадей, у старого фонтана собралась кучка зевак. В центре, на подмостках из ящиков из-под солёной рыбы, стоял тщедушный черноволосый человек — парень с большими, горящими энтузиазмом тёмными глазами на миловидном лице. Он вещал, размахивая руками, и голос его, звонкий и пронзительный, резал городской шум.

— ...и тогда наследник Ориан, чьи волосы были светлее утренней зари... — выкрикивал рассказчик, и зрители — служанки, грузчики и уличные ремесленники — слушали, разинув рты. — ...бросил вызов тьме своим светом, что хранит в руках род Солейн! Говорят, в час поединка он воззвал к самому солнцу, и его воля стала проводником, что собрала свет в ослепительное копье! С тех пор Орден Сияющих Дворцов не знает равных и власть Верховных лишь немногим уступает власти самого Императора!

Эва сдержанно улыбнулась.

«Знает своё дело, болтун, — мелькнуло у неё в голове, — раздул из искры целое пламя и продаёт его за медяки».

Она на секунду задержалась, позволив себе насладиться зрелищем, но её внимание перехватил другой звук. У самого основания фонтана, в тени, куча грязных ребятишек, человек пять или шесть, устроили свой круг. Они хлопали в ладоши, отбивая чёткий такт, и выкрикивали слова странного стишка. Эва слышала эти слова и раньше в портовых городах

— детская считалочка, казавшаяся ей слишком витиеватой для обычной дразнилки.

— Раз! — звонко выкрикнула девочка с двумя хвостиками. — Золотой зажегся глаз!

— Два! — подхватил мальчишка в порванной рубаше. — Веры правда живёт в нас!

— Три! — уже хором. — Мудрый свиток разверни!

— Четыре! Кореньям поклонись в тени!

— Пять! И к бою сталь закалена!

— Шесть! Корона власти отдана...

Они замолчали, лукаво переглядываясь, и — как по команде — все разом перевели взгляд на Эву, стоявшую в сторонке. Они ждали, произнесёт ли она следующее, запретное слово. Слово, которого в считалке не было, но которое знали все.

Эва не смогла сдержать улыбку. Она едва заметно покачала головой: «нет, не скажу». Детишки, получив безмолвный ответ, залились довольным смехом, но прежде чем они смогли шепнуть или хотя бы мысленно досказать запретное «семь», из-за угла вылетела запыхавшаяся женщина в поношенном фартуке.

— Ах вы, негодники! — запричитала она, хватая ближайшего мальчишку за ухо. — Опять эту мерзость рассказываете! Сколько раз говорила — не смейте! Не смейте даже думать! Шесть и один — вот и вся ваша считалка! Шесть и один, слышите?!

Детишки, мгновенно сникнув, забормотали что-то несвязное. Женщина, бросив на Эву быстрый, полный суеверного страха взгляд, потащила их прочь. Считалка повисла в воздухе неоконченной, оставив после себя странное ощущение, и улыбка Эвы сбежала с её лица так же быстро, как и появилась. Она ещё раз посмотрела на юного сказителя, который уже перешёл к описанию мудрости Ордена Хранителей Знаний, и тронулась с места, пробираясь сквозь толпу.

— Ну что, Эв? — Вальдеон подначил её локтем, указывая подбородком на крошечную мастерскую резчика по дереву, стены которой были увешаны карикатурными фигурками знати. — Не пора ли и тебе обзавестись армией поклонников? Хочешь, закажу твоё изваяние? В полный рост, с кинжалом и этим вот... убийственным взглядом, — он изобразил её ледяное выражение лица, прищулив единственный глаз. — Поставлю у себя в каюте и буду молиться перед сном. О! И пару бардов подкуплю — пусть сочиняют баллады о твоём милосердии. Начнём с малого... скажем, «Элегия о том, как «Серебряная Гадюка» Эвендель благосклонно не убила нахала». Звучит, скажи?

Эва лишь хмыкнула и ловко обогнула лоток с дымящимися лепёшками, от которых несло чесноком, топлёным маслом и чем-то пряным. Пёс, разумеется, не унимался.

— А ещё я слышал, — прошептал он, — что в самом сердце Императорского сада есть фонтан. И льётся в нём вы-

держанное аурелийское вино! Можем пробраться туда под покровом ночи и устроить пир, от которого зависть сожрёт всех этих вышитых павлинов! Что скажешь? Уверен, бегство от дворцовой стражи под хмельным градусом — неплохая авантюра, а?

Она даже не повернула головы и изучала потрёпанную карту столицы, которую держала перед собой.

— Скорость — наш главный козырь, — пробормотала Эва, больше для себя, чем для него, водя пальцем по бумаге. — Она позволит обойти любую блокаду Орденгов. Что до маршрутов отхода... можно замаскировать «Лиса» под торговое судно с зерном, но на это уйдёт слишком много времени... нет, не вариант.

— Да-да, конечно, скорость, — Вальдеон махнул рукой, с тоской наблюдая, как ещё одна гениальная, по его мнению, идея разбивается о скалу прагматизма. — Скорость — это, без сомнения, благородно. Но что насчёт мощи, Эв? Что насчёт изящного, но сокрушительного удара? Мой «Коготь» одним бортовым залпом может превратить в воспоминания целую эскадру! Представь, как нас будут помнить! «Они пришли, увидели и... ба-бах!» Гораздо эффектнее, чем «уплыли, пока никто не увидел».

Эва остановилась и подняла на него взгляд, полный бесконечного снисхождения.

— Если ты не перестанешь хвастаться размером своих пушек, — прошипела она так тихо, что Пёс наклонился ближе,

— то единственное, что о тебе запомнят, — это очень аккуратная могильная плита, которую я лично воздвигну здесь. Прямо на площади, в назидание другим болтунам, — она сделала паузу, сверля его взглядом. — А теперь включи то, что служит тебе за голову. Мы не можем протащить твою плавающую крепость в сердце столицы. К сожалению, ты и твой «Коготь» пользуетесь определённой... славой. Первый же стражник, увидев эти чёрные паруса на горизонте, поднимет тревогу, и нас разнесут в клочья, прежде чем мы успеем сказать «вино». Понял?

Торговые ряды внезапно расступились, впуслав их в оазис тишины — небольшой парк, где деревья, усыпанные золотыми листьями, отбрасывали кружевные тени на мощёные дорожки. Шум города сюда долетал лишь приглушённым гулом. Пёс грузно опустился на каменную скамью, отполированную тысячами задниц, и похлопал ладонью по месту рядом. Эва, помедлив ровно столько, чтобы это не выглядело уступкой, села, сохраняя дистанцию, и покосилась на него.

Вальдеон был непривычно спокоен. Взор блуждал где-то далеко, за линией горизонта, которую они оба знали наизусть. На его лице застыло выражение, которое она видела лишь однажды — много лет назад, в ночь перед их первым совместным выходом в море, когда будущее ещё пахло свободой.

— Знаешь, — начал он негромко, — а ведь когда-то я вынашивал... ну, понимаешь... идею. Плюнуть на всё это,

купить клочок земли у самого края мира, построить хижину. Ловить рыбу, мастерить... что-нибудь. Просто чтобы руки помнили ремесло.

Эва, не веря своим ушам, вскинула бровь. Это говорил ей Вальдеон? Звучало как святотатство против всего, чем они были, но синева его глаза, обычно холодная и насмешливая, вдруг потеплела.

— Мечтатель хренов, — усмехнулась она. В её голосе прозвучало недоумение, которое она тут же попыталась скрыть, натягивая привычную маску безразличия.

Пёс покачал головой, улыбаясь.

— Ты только представь, как было бы славно, — оживлённо начал он, повернувшись к ней, — бросить всё и уплыть туда, где нет Орденов с их законами, сокровищ с их проклятиями, предательств... Например, на какой-нибудь полупустой Безымянный остров. Где только горизонт, солёный ветер и... — он запнулся, как будто слово обожгло ему язык, — ...и мы. Только мы.

Сердце Эвы дрогнуло — несильно, но неожиданно. Она отпрянула от этого чувства, как от открытого огня.

— Не валяй дурака, Вальдеон, — выдохнула она, резко отворачиваясь. — Мы — пираты. Изгой-полукровки. Нас нигде не ждут. Только предадут или преследуют.

Он вздохнул с тихим, усталым пониманием.

— Да... как там говорят? Носители хаоса? Уроды от рождения, так ещё и опасные. Да и бывших пиратов не бывает...

Только мёртвые. И денег, — он усмехнулся уже по-настоящему горько, — денег у нас до сих пор недостаточно, чтобы купить себе новую жизнь.

И вдруг словно щёлкнул внутренний переключатель. Вся эта хрупкая тишина в миг испарилась. Его спина выпрямилась, а лицо оживилось знакомой бесшабашностью.

— Кстати! Глянь-ка, что я для тебя откопал! — он с деланной небрежностью вытащил из-под плаща небольшой предмет, завёрнутый в выцветший, но качественный шёлк.

Эва настороженно покосилась на него. Вальдеон. И подарок. Эти два понятия в её голове отказывались складываться в логическую картинку. Он осторожно, почти с благоговением, развернул ткань. В его больших ладонях лежала шкатулка. Маленький шедевр из чёрного дерева, отполированного до зеркального блеска, инкрустированный перламутром, который переливался в свете, просачивающемся сквозь листву.

— Попалась на глаза у одного старьёвщика... — он почесал когтями затылок, избегая её взгляда, и протянул вещицу.

— Вспомнил, как ты всегда тащила в каюту всякую... изящную чепуху.

Эва взяла шкатулку. Дерево было неожиданно тёплым и гладким под пальцами. Крышка открылась с тихим щелчком. Внутри, на бархатной подкладке, лежал компас. Не простой моряцкий инструмент, а настоящее ювелирное изделие. Корпус из позолоченной бронзы был оплетён тончайшим узором, а вместо обычных меток сторон света крошеч-

ные изумруды и рубины отмечали основные направления.

— Но... зачем? — голос прозвучал тише, чем она планировала. На её губах против воли дрогнула улыбка — не та, язвительная, а другая, забытая, почти девичья.

— Просто так, — отмахнулся он, сдвинув треуголку так, чтобы поля бросили тень на лицо. — Мало ли... вдруг, ну... заблудишься? Не бери в голову.

Эва, ценительница всего блестящего и дорогого, понимала, что ни один «старьёвщик» не продал бы такое. Узнала по стилю — грубоватая элегантность, безупречная точность деталей. Это вышло из-под его рук. Рук, которые могли и ломать хребты, и вырезать такие тонкие узоры. На это наверняка ушли недели. И состояние.

Зачем? Подкуп? Слишком лично. Показуха? Слишком... тихо.

Эва ничего не сказала. Просто смотрела на переливы камней, и вдруг, сквозь толщу обид и недоверия, до неё дошло: под всеми масками — капитана, зверя и дурака — в нём всё ещё теплилось что-то, способное создавать красоту и дарить её.

К вечеру они добрались до портовых кварталов, где воздух снова стал плотным и ядрёным — смесью ароматов жареной рыбы, дешёвого рома, пота и древесной смолы. Эва вдруг почувствовала что-то странное, щемящее под рёбрами. Тоска. Не по месту, а по времени. По детству, которого у неё почти не было, или по надежде, которую она похоронила

вместе с юностью.

— Эй, Эв, — Вальдеон толкнул её локтем в бок по давней привычке. — А не тряхнуть ли нам стариной? Для разминки.

— Что ты опять задумал, безумец? — настороженно спросила она, но интерес скрыть уже не пыталась.

Он указал подбородком на вереницу тесно прижавшихся друг к другу лавок, где браконьеры и скупщики краденого торговали откровенным хламом. Прилавки ломились от безделушек, сломанных амулетов и поблёкшего стекла, выдаваемого за самоцветы.

— Спорим, я больше натырю всякой дребедени за полчаса? — он ослабился, и губы растянулись в улыбке, полной мальчишеского задора. — Я тебе даже фору дам... пять предметов вперёд!

В глазах Эвендель вспыхнул азарт. Уголки её губ сами собой потянулись вверх, складываясь в дерзкую ухмылку, которой она щеголяла в пятнадцать. В этот миг она отбросила осторожность, подозрения, тяжёлый груз капитанства и снова стала лихой девчонкой, что носилась по пыльным улочкам Безымянного острова плечом к плечу с этим безумцем, воруя всё, что плохо лежало, просто потому что могла.

— Думаешь, мне твои жалкие поблажки нужны? — она подбоченилась, чувствуя, как знакомый яд предвкушения ударил в голову. — Да я с завязанными глазами обчищу пол-улицы, пока ты будешь ковылять и пугать продавцов своей

жуткой рожей! Пошли! И готовься проигрывать. Как всегда.

Глава 5. Цветы и мечи

Благоуханье нежных лепестков пьянит,
А сталь меча от бед всегда хранит.

Солнце, ударившее в золочёные купола дворца, ослепляло, но даже его блеск казался тусклым перед тем контрастом, что расколол площадь у парадных ворот. Две процессии замерли, как два разных сновидения, столкнувшиеся в одной точке яви.

Аэрн'тале встали стеной. Их доспехи низко гудели, а плащи из шкур снежных волков несли с собой запах высоты и мороза, где не выживает ничего лишнего. Их лица были лишены не только улыбок, но и намёка на мысль, что можно было бы считать. Оборонительные сооружения на двух ногах, вокруг которых вымерзал даже воздух.

И в эту ледяную тишину ворвался взрыв жизни.

Сильванорцы вплыли на площадь, как стая тропических птиц. Их одежды дышали цветом: изумрудный вспыхивал молодым листком, бирюзовый звенел водой в ручье, алый горел лепестками мака. Их смех разносился в воздухе лёгким щекотанием, заставляющим невольно улыбнуться в ответ. Они болтали, обнимали знакомых и рассыпали комплименты. Земля сама смягчала шаг под их босыми ногами, укра-

шенными звенящими браслетами, чей перезвон складывался в хаотичную музыку.

— О, ваши глаза! В них глубина целого мира! — воскликнула сильванорка со свежими орхидеями в волосах, беря за руку ошеломлённого гвардейца-человека. — Вам бы повелевать сердцами, а не караулить эти скучные камни!

Но даже в этом сияющем водовороте был свой эпицентр. Наследник дома До'Ленн'Тар появился подобно тому, как на тёмном небе загорается самая яркая звезда.

Его одежда была вызовом для чопорных жителей Императорской столицы. Верхнюю часть тела прикрывал ажурный нагрудник из тонких серебряных цепочек, и каждое звено держали крошечные аквамарины, мерцавшие холодным светом на загорелой коже. Ткань шаровар цвета лунной пыли струилась при каждом движении, открывая мускулистые ноги, покрытые тонкой вязью мерцающих узоров. Волосы — алое пламя, вплетённое в изящные косы, украшенные дышащими цветами магнолии.

Он был совершенным. И в этом совершенстве была пугающая неестественность — как будто сама природа, создавая его, забыла о мере.

— Вы спрашиваете о мире? — от его бархатного и мелодичного голоса по коже бежали мурашки. — Мир — не камень. Он — вода. И отражает лишь то, что вы в него приносите. Принесите свет — и он станет зеркалом для него. Принесите страх... — он мягко повёл рукой, и на ладони на

мгновение расцвёл и тут же рассыпался на искры светящийся цветок, — ...и он пойдёт беспокойной рябью. Выбор, как всегда, за нами.

Аэрн'тале фыркнули. Их глава, воин с лицом, изрезанным шрамами, и бородой, похожей на заросли колючего кустарника, бросил жене сквозь сжатые зубы:

— Болтуны. Языки острее мечей, да только пользы меньше.

Две крови. Две истины. Между ними — пропасть, которую не засыплет золото, и не залиют реки пролитой крови.

Таариса вцепилась в рукав старшей сестры с такой силой, что стальные застёжки платья впились Феариде в кожу. Голос её был сдавленным, полным того же дикого возбуждения, что заставляет охотничьего пса рваться с привязи при виде добычи.

— Феа, смотри!

Они, аэрн'тале, знали красоту суровую и функциональную: красоту идеального клинка, неприступной стены, тела, закалённого в ледяных ветрах Торвенгара. Но это... это было иное. Амарант воспринимался существом из другого мира. Воздух вокруг него преломлялся, как над раскалёнными камнями, создавая едва уловимое марево. Девушки, выглядывающие из-за спин стражей в их громоздких латах, не сводили с него глаз — не столько с восхищением, сколько с осторожным любопытством, как смотрят на ярко окрашенную, но, возможно, ядовитую змею.

Амарант двигался с такой лёгкостью, словно гравитация для него была лишь дурной привычкой мира. Каждое укра-

шение на нём ловило свет и дробило его на тысячи бликов, а кожа была испещрена белыми узорами. Они тоже дышали. Медленно, в такт его пульсу, светясь изнутри тусклым светом.

«Чем сложнее вязь, тем мощнее маг», — вспомнила Феарида детские страшилки. Чудилось, узор бесконечен: стоило глазам поймать одну спираль, как она расползалась на ветви, те, в свою очередь, рождали новые листья и звёзды, уводя взгляд в лабиринт без выхода. Голова действительно начинала кружиться.

— Он... он флуоресцирует, что ли? — настороженно шепнула Таариса сестре.

И правда — тончайшая дымка магии, видимая лишь краем глаза, окутывала его, как второй кожный покров. Самыми странными были глаза. Они не имели постоянного оттенка: бирюзовые глубины сменялись грозовой синью, а в следующее мгновение в них вспыхивали искры чистого света. Но больше всего Феариду, как воина, изучавшего анатомию, поразили уши. Острые, с перепонками настолько тонкими, что сквозь них просвечивали прожилки, напоминая то ли крылья бабочек, то ли листья неведомого призрачного цветка.

— Откуда только слова такие выучила... — буркнула Феарида, чувствуя, как холодок страха смешивается с любопытством. — Что это вообще? Мужчине нельзя быть таким. Он ведь краше многих девиц...

Амарант мягко повернул голову. Его взгляд, скользя по

толпе, на мгновение остановился на их укрытии. Феарида почувствовала тёплое, как солнечный луч, прикосновение, пробежавшее по её щеке. Она отпрянула к сестре, ощутив, как кровь ударила в лицо. Её сердце, выдрессированное годами тренировок биться ровно даже в бою, заколотилось с неприличной частотой.

— Ты видела, как узоры движутся? — прошептала Таариса, вглядываясь в сальванорцев. — Говорят, они реагируют на эмоции. На магию вокруг. Живая броня? Если это правда... с тактической точки зрения, это страшное преимущество.

Феарида кивнула, не в силах отвести взгляд.

— Он будто состоит не из плоти, а из света, — пробормотала Феа, и её собственный голос показался ей слишком сиплым. — А мы... высечены из камня. Тяжёлого, твёрдого, вечного камня.

Она посмотрела на свои руки. Крепкие, с чёткими сухожилиями, покрытые старыми белёсыми шрамами. Посмотрела на грубую, практичную ткань своего платья, сшитого так, чтобы не сковывать движений в схватке. Рядом с этим сияющим существом она чувствовала себя... неуклюжей глыбой.

Амарант рассмеялся в ответ на чью-то реплику, заставив Феариду вздрогнуть. Её осенило с пугающей ясностью: их миры разделяла не простая политическая ненависть. Они были сделаны из разного материала, и эта чуждость... мани-

ла. Как обрыв манит того, кто боится высоты.

Таариса и Феарида представлялись двумя вершинами одного хребта, но выточенными из разных пород.

Таариса шагала по саду так, будто проводила инспекцию завоёванной территории. Она возвышалась над придворными, заставляя их ютступать. Тёмные волосы, жёсткие и прямые, обрамляли лицо, черты которого казались выбитыми ударами молота — нос-клин, скулы-уступы. Её холодные блестящие глаза метали оценивающие взгляды, а у висков пульсировали синие жилы — свидетельство титанического, вечно сдерживаемого давления внутри. Её доспехи звенели басовито, а платье цвета грозового неба лишь подчёркивало плечи, способные снести ворота.

Феарида же была её тенью — не по статусу, а по сути. Её собственный рост, считавшийся среди сородичей скромным, всё же выделял её на фоне прочих рас, но впечатление было иным. Она двигалась бесшумно, с выверенной плавностью. Белые волосы, струящиеся водопадом и бледность казались даже сородичам болезненными, и лишь тонкие прожилки вен у глаз выдавали в ней жизнь. Её платье, украшенное серебряной нитью, подчёркивало точность сложения, а на шее алел кулон — единственная кричащая капля цвета.

Феарида пригнулась, увлекая сестру в тень кипарисов. Волосы сестры были слишком заметными и Таариса, ворча, набросила на них складки своего тёмного плаща.

— Ты идиотка! — прошипела Таариса, но без злобы. — Отец скормит нас на псарне, если узнает!

— Не узнает, — улыбнулась Феарида. — Разве ты не хочешь рассмотреть их вблизи? Услышать, как устроена их речь? Они же... как иллюстрации из тех запретных книг о южных землях. Живые.

— Юго-восточных, вообще-то, — поправила Таариса.

— Много умничаешь сегодня, — пробубнила Феа, хмурясь.

Сильванорцы стояли у фонтана, их смех был похож на переливчатый щебет экзотических птиц, а шёлковые одежды ловили свет так, что слепили глаза. Уж слишком нарочито. Феарида замерла, заморожённая чуждостью зрелища, и её пальцы впились в рукав сестры.

— Смотри... тот, с волосами цвета крови. Это он? — девушка едва шевельнула губами. — Боги, они все будто на подбор. Слишком идеальные.

Таариса сжала челюсти так, что хрустнуло. Да, это был Амарант. По её спине пробежала холодная волна — кожей ощущаемое противостояние, когда одна стихия сталкивается с другой. И это наследник? Воин? В голове не укладывается.

— Слабаки, — процедила она сквозь зубы, но в её голосе прозвучала фальшивая нота. — Ни брони, ни стали. Только болтовня да блёстки. Какой из него боец? — она прищурилась, оценивая его стан. — Хотя... сложен неплохо. Гибко. Но мышцы не те. Не для настоящей работы.

Феарида сухо фыркнула.

— Говоришь как отец. Пойди и попробуй сразиться с тем, что не сломать кулаком. Их оружие — не в мускулах, — она кивнула в сторону Амаранта. — Видишь те мерцающие прожилки на коже? Их очень много. Значит, он сильный маг. Не всякий наш меч выдержит.

Таариса уже собралась огрызнуться, но в этот миг Амарант, будто услышав их спор, повернул голову. Его взгляд скользнул прямо по кустам. Не думая, на рефлексе охотника, почуявшего, что сам стал целью, Таариса рванула сестру за плечо.

— Вниз! — её шипение было резким, и девушки грузно осели в сырую листву. Сердце Таарисы колотилось где-то в черепе, ровно и гулко. Феарида затаила дыхание, но в её широко распахнутых глазах горел азарт.

— Кажется, он нас видел... — прошептала Феа с почти детским ликованием.

— Нет, — мрачно выдавила Таариса, кожей всё ещё чувствуя тот взгляд. Она потянула сестру за собой, глубже, под сень кедров. — Не видел. Почуял. У них не зрение, а... чутьё, как у зверя.

Феарида позволила увести себя, но оглянулась через плечо. Амарант улыбался в сторону их бывшего укрытия, и улыбка его показалась ей понимающей. От этого неожиданного жеста сердце Феариды сделало один болезненный кулбит где-то в районе желудка.

Они снова замерли в чаще, теперь уже в царстве фиалок, чей дурман кружил голову. Едва они перевели дух, прислушиваясь к далёкому смеху сильванорцев, как звук оборвался. Первым пришёл запах земли после дождя, дикого мёда и чего-то электрического, отчего по коже бежали мурашки. Потом — стук чужого сердца. Феарида замерла с полуоткрытым ртом. Таариса инстинктивно встала вполоборота, выставив плечо вперёд. Ноги чуть согнуты, — стойка, из которой можно ринуться в атаку или уйти в глухую защиту.

— Предпочитаете аромат живого сада перезвону светских бесед? — раздался голос прямо за спиной. — Я вас так понимаю...

Сёстры обернулись одновременно. Амарант стоял в двух шагах от них. Улыбка его была открытой, радушной, но глаза подмечали всё: сдержанную дрожь кончиков пальцев Феариды, боевую стойку Таарисы, и то, как их руки на мгновение сплелись.

— Приветствую вас, дочери Стальных Вершин, — он склонился в изящном реверансе, и серебряные цепочки на его груди тихо зазвенели. — Ваше присутствие озаряет этот сад, как редчайшие самоцветы озаряют сокровищницу. Для

меня честь стоять перед гордыми девами рода Аэлиндорн.

Он выпрямился, и тут стало заметно то, что ускользало, пока он стоял вдали: Амарант был чуть выше Феариды — где-то на полголовы, — но рядом с массивной Таарисой всё равно казался слишком изящным, даже хрупким. И всё же в этой лёгкости чувствовалась сила, которую не измерить одним лишь ростом. Его взгляд, живой и внимательный, мягко перешёл с младшей сестры на старшую. В нём не было ни капли удивления. Было лишь обезоруживающее восхищение, словно он смотрел не на девушек, а на два редчайших самоцвета.

— Как вы... — начала Таариса, пытаясь вложить в голос командирскую твёрдость.

— Уши, — сказал он, предупреждая её вопрос, и коснулся кончика собственного изогнутого уха. — Улавливают не только звук, но и намерение. Особенно столь яркое, как ваше, — он произнёс это без тени упрёка, с усмешкой, которая скорее признавала их право на любопытство, чем осуждала его.

— Мы просто... наблюдали, — выпалила Феарида, и её бледные щёки вспыхнули румянцем. — То есть... мы проводили разведку местности.

— Разведку? — Амарант сделал один плавный шаг вперёд, и Феарида отпрянула, наткнувшись на твёрдое плечо сестры. — А мне показалось, вы любовались пейзажем, — тёплый взгляд вернулся к Таарисе, задержавшись на пульси-

рующих синих прожилках у её висков. — Искренне надеюсь, что вид открывался достойный.

Таариса сглотнула. Его слова обволакивали, проникая сквозь броню, кожу и мышцы, добираясь до чего-то спящего и смущённого глубоко внутри.

— Нас не интересуют ваши... — она запнулась, яростно выискивая безопасное слово, — уловки.

Амарант рассмеялся.

— Уловки? О нет, госпожа. Я лишь восхищаюсь, — произнёс он, и в его взгляд скользнул обратно к Феариде. — Леди, ваши волосы... они будто впитали в себя всё сияние полной луны, а ваша кожа... простите дерзость, она напоминает мне первый, самый хрупкий иней на лепестках смеющихся лилий у наших озёр. Это... неопишимо.

Он протянул к ней руку и на его ладони, будто из самого воздуха, расцвёл цветок. Лепестки переливались, как крыло призрачной бабочки, а в сердцевине пульсировал свет.

— Говорят, истина Силы и истина Любви редко понимают друг друга. Позвольте мне доказать, что это не так, — произнёс Амарант тихо, глядя прямо на Феариду. — Пусть этот цветок, рождённый Любовью, станет данью восхищения Силе, что вы носите с таким достоинством.

Девушка потянулась к нему, вмиг забыв про сестру, про долг, про всё. Её пальцы, сильные и ловкие от упражнений с оружием, вдруг показались ей неуклюжими, но Таариса с силой схватила её за запястье.

— Не смей! — её голос стал низким, каким он обычно бывал только на тренировочном поле. — Это же магия! Ты не знаешь, какая она!

В её глазах читался настоящий ужас. Для аэртале — детей гор, чья сила была в плоти, стали и негибавшей воле, — магия была заразой. Чумой, что проникает внутрь, ломает естественный порядок вещей и размягчает твёрдое. Видеть магию в таком голом проявлении было тошнотворно и опасно.

— Не бойтесь, леди стали, — Амарант не переставал улыбаться, но его взгляд стал чуть более внимательным. — Он не причинит вреда. Это просто... приветствие. Дар.

Пальцы Феариды, вопреки сестриному захвату, всё же сомкнулись на хрупком стебле. В момент прикосновения лепестки вздрогнули и томно развернулись, обнажая сияющую сердцевину. Амарант наблюдал за девушкой, слегка прищурившись.

— Б-благодарю, — прошептала Феарида, опустив глаза и пытаясь укрыть пылающее лицо за пеленой белых волос.

— Не стоит, — он махнул рукой, словно подарил ей не воплощённое чудо, а сорванный у дороги одуванчик. — Он будет цвести, пока вы смеётесь. Хотите проверить?

Таариса, отступив на шаг, скрестила руки на груди, и её доспехи глухо звякнули. Острые кончики ушей порозовели, выдавая вспыхнувшую кровь, которую воля не смогла усмирить. Её взгляд оставался ледяным щитом, сквозь который,

однако, уже пробивалось любопытство. Как это работает? В чём слабость?

— Вы весьма... изобретательны, господин До'Ленн'Тар, — произнесла Таариса, вкладывая в голос всю выдержку, на какую была способна. — Но наши инструкции категоричны. Избегать контактов с... неизученными явлениями.

Амарант рассмеялся, и воздух вокруг наполнился мелодичным перезвоном.

— Ах, грозная госпожа, ваша осторожность делает вам честь, — ответил он, приложив руку к груди в знак уважения. — Но разве можно назвать «неизученным явлением» того, чью историю вы уже наверняка слышали? В моих чертогах, к примеру, говорят, что вы, леди Таариса, можете остановить летящую стрелу голой рукой.

Феарида снова улыбнулась, на этот раз широко и безудержно, и цветок в её ладонях мгновенно отозвался. Он распустился во всю свою немыслимую ширь, и облачко сияющей золотистой пыли поднялось в воздух, обвив её запястья браслетами из живого света.

Райгар Аэлиндорн вторгся в пространство сада грозным облаком, внезапно нависшим над безмятежным полем. Его массивная фигура в латах, покрытых зазубринами битв, дышала неприкрытой угрозой. Он увидел, как его дочери — его кровь, его честь — беседуют с отпрыском сильванорского Ордена, и ярость вспыхнула пожаром. Грубость, что была вплавлена в самую его душу, уже рвалась наружу.

— Не смейте пачкать себя общением с этим слащавым, разукрашенным... — голос, низкий, как грохот обвала, начал нарастать, но споткнулся.

К ним приближалась женщина. Явление. Она шла, и чудилось, что сама весна ступает по земле, заставляя мир замирать в благоговейном ожидании. Алые волосы, подобные жидкому огню, обрамляли лицо с безупречными чертами. Роскошное платье струилось по телу водопадом из шёлка, подчёркивая осанку, которую не сломить годами. Она едва доставала сыну до груди, но в этой миниатюрности не было и тени хрупкости. Напротив, от неё исходило несокрушимое спокойствие, какое бывает лишь у вековых деревьев. Каждый, кому довелось узреть Кир'Лианну До'Ленн'Тар, Матриарха Ордена Алых Лепестков, клялся, что не видел никого прекраснее и безмятежнее. Сама природа, казалось, признала её своей и наделила собственной силой, но не той, что крушит, а той, что дарит жизнь.

Она остановилась рядом с сыном, мягко положив руку ему на спину, а её взгляд был прикован к главе Ордена Стальных Вершин.

— Боюсь, Райгар, тебе стоит пересмотреть свои слова, — её голос был тих. — Оскорбление, брошенное в адрес моего сына, я воспринимаю как объявление войны мне лично и всему Ордену. Продолжи — и последствия окажутся столь же суровы, сколь и неизбежны. Не забывай, перед кем позволяешь себе эти вульгарные вспышки. И помни, — её

взгляд, тёплый и острый одновременно, скользнул по бледным лицам дочерей Райгара, — твои наследницы впитывают не только твои уроки меча, но и твой яд. А гнев — самый едкий из всех.

Лицо мужчины вмиг налилось тёмной кровью, а челюсти свело так, что послышался скрежет. Но он был полководцем, а полководец умеет превращать бушующее пламя в направленный взрыв. Вместо крика его рука взметнулась в чётком жесте — жесте отзыва сторожевых псов.

— Ко мне. Немедленно.

Реакция девушек была выверена до миллиметра и отточена тысячами повторений. Всё лишнее — смущение, мимолётная печаль, намёк на собственную волю — было срезано. Плечи распрямились, подбородки приподнялись до предписанного угла, взгляды, ещё мгновение назад живые, стали остекленевшими. Они синхронно сомкнулись с отцом, заняв предписанные позиции: Таариса — чуть позади по левую руку, Феарида — по правую. В воздухе повисла тишина, которую нарушал лишь тяжёлый стук их удаляющихся шагов по плитам.

Кир'Лианна и Амарант обменялись целым диалогом, уложенным во взорах. Её говорил: «Достойно». Его — «Благодарю». Амарант, верный своему кредо, изящно склонил голову в сторону удаляющихся фигур, его голос прозвучал чётко:

— Для меня было редкой привилегией. До встречи на

Турнире, Серебряная леди Торвенгара. Надеюсь, ваши клинки будут столь же ослепительны, сколь и ваше присутствие.

Шагая следом за отцом, Феарида позволила себе одно-единственное преступление. Опасаясь оказаться замеченной, она повернула голову, чтобы краем глаза поймать силуэт Амаранта, и почти неувловимо кивнула.

Отойдя на расстояние, где слова уже не могли долететь до посторонних ушей, Райгар резко развернулся к дочерям. Его жёсткий взгляд прошёлся по их стойке, осанке, положению рук, выискивая малейший сбой.

— Феарида, — он произнёс её имя не как имя дочери, а как позывной на плацу. — Установление контакта с представителем противостоящей силы — тактический просчёт. Демонстрирует уязвимость. Уязвимость фиксируется. Уязвимость используется. Ясно?

Голос Феариды был таким же плоским:

— Так точно. Инцидент исчерпан, повторение недопустимо.

Райгар молча изучал их, ощущая на себе жгучий след от взгляда Кир'Лианны.

— Суть не в беседе, — пробормотал он, смягчив командный тембр на пол-октавы. — Суть — в сохранении нейтралитета. Все неслужебные коммуникации — после завершения основной задачи. Принято?

— Так точно! — ответ сестёр слился в один.

— Отдыхать и готовить снаряжение, — отчеканил он, пе-

реводя взгляд с одной девушки на другую. — Время: до заката. Цель: полная боеготовность. Мероприятие: практические занятия с оружием. Феарида, — он повернулся к старшей, — ответственность за состояние оружия младшего бойца на тебе.

— Ответственность принята!

Они прекрасно понимали: «отдых» в лексиконе отца означал «переведёте дух, пока будете начищать доспехи и клинки». Пыль дорог ещё не стряхнули с сапог, а солёная сырость моря будто въелась в кожу, но неумолимая логика их вождя уже выстроила их в колонну и повела на плац.

Шаги девушек отбивали ровный ритм по каменным плитам, а в голове у Феариды под этот марш звучали чужие ритмы: переливчатый смех, бархатный голос, назвавший её не бойцом, а «серебряной леди». Она сжала ладони в кулаки, и сквозь железную дисциплину пробилось тепло от стебля цветка, что теперь прятался в ножнах под рукавом её платья.

Глава 6. Глоток свободы

Вечерние тени уже обвивали стены гостевого дворца, выделенного сильванорцам, когда Амарант, томимый зевотой, шагал по лишённым привычной взору зелени коридорам. Каменные своды глухо отражали звук его шагов, и от этой монотонности юноша чуть не закрипел зубами. Ноги сами свернули туда, где ещё пахло домом. У дверей материнских покоев стояли стражницы: жрицы в алых туниках до щиколоток. Амарант улыбнулся им с такой искренностью, что жрицы не сдержали ответных тёплых улыбок.

— Is'durinn ann'ar venn'al, Idrir-mi³, — пропел он, на ходу касаясь пальцами сердца в привычном жесте приветствия.

Дверь открылась, выпустив волну тепла и аромата сушёной лаванды, перемешанной с вереском.

— Ма-атушка, можно? — в голосе Амаранта, что только что полнился скукой, прорезалась капризная нотка.

— Входи, милый, — последовал отклик из глубины комнаты.

³ Is'durinn ann'ar venn'al, Idrir-mi (с сильв.) — дословно: «Да будет сон наш без тени, сёстры мои». Для сильванорца сон — это малое подобие смерти, время уязвимости души. Пожелать «сна без тени» — значит отогнать от спящего страхи, кошмары и тёмные силы. Форма «наш сон» подчёркивает: Амарант включает себя в их покой, ибо знает — они заступают на стражу, пока он спит, а он — пока они отдыхают. Эти жрицы — личные стражницы его матери, и он вырос среди них. Они для него семья, не по крови, а по духу и долгу.

Амарант переступил порог, и дверь сама собой затворилась. Он не стал церемониться — сбросил изящные туфли, оставив их у порога, и босой подошёл к большому бархатному креслу, где полулежала Кир'Лианна. Два юных слуги, стоявшие близ матриарха, замерли в почтительном поклоне.

— Достаточно, — тихо сказала сильванорка и юноши бесшумно растворились в воздухе.

Как только они остались одни, с Амаранта слетела вся напускная важность. Он буквально рухнул на мягкий ковёр у её ног, положив голову на подлокотник кресла и с облегчением вздохнул.

— Ну что, мой скиталец? — спросила Кир'Лианна, откладывая книгу. Её пальцы мягко вплелись в алые пряди сына, привычно распутывая сложную причёску. — Покажи-ка мне своё недовольное личико.

— Всё здесь такое... каменное, — заныл Амарант, поворачиваясь к ней и позволяя недовольному лицу явить себя во всей красе. — И пахнет не лесом и дождём, а пылью и нечистотами. А люди! Матушка, они все ходят такие надутые, будто проглотили... воздержусь, пожалуй, от продолжения. Даже птицы чирикают здесь исключительно по утверждённому церемониалу!

— Ужас, — согласилась матриарх, изображая серьёзность. — Настоящая пытка для моего вольного цветка. И, смею предположить, ты уже успел кого-нибудь возмутить своим босыми ногами и дурным воспитанием?

— Естественно, — он самодовольно ухмыльнулся, поджав ноги под себя. — Какой-то местный граф, увешанный золотом, смотрел на мои ступни так, будто я принёс проказу прямо в его бальный зал.

Кир'Лианна рассмеялась мелодичным смехом, служившим лекарством от любой тоски сына.

— А если присмотреться? — мягко уточнила она. — Душа города ведь не в башнях и лордах, а в местных жителях. Может, тебе прогуляться? Узнать, как здесь смеются?

— Правда? — Амарант замер и брови его взлетели к волосам. — Бабушка бы сказала, что носиться по улицам рядом с местной шпаной недостойно наследника.

— Милый, ты сильнее полка жриц, — пальцы матери легли ему на ладонь. — Но спрячь свои волосы и ушки. А бабушка... — она наклонилась вперёд, и заговорщицки шепнула, — слишком далеко, чтобы заметить, как ты прыгаешь по крышам. К тому же Зантарий уже прибыл. Может, и его сын тоже здесь? Хотя, зная Анаксагора, это вряд ли... Он предпочитает пыльные свитки живым... впрочем, чему угодно.

— Матушка, ты сокровище! — Амарант вскочил, обняв её так стремительно, что зазвенели украшения, а в воздухе на мгновение вспыхнули крошечные искорки — следы невольного выплеска магии.

Их смех слился в единую переливчатую мелодию.

— Лети, Амарант, — Кир'Лианна помахала ему вслед,

тепло улыбаясь. — Только к рассвету возвращайся. Целым! И чтобы ни единой царапинки!

Полумесяц висел над тренировочным полем, заливая серебристым сиянием две фигуры, чьи тени плясали на утоптанной земле. Феарида двигалась как поток воды. Её клинок описывал в воздухе широкие дуги, а каждый удар был отточенным и идеальным в исполнении. Таариса же билась с яростью лесного зверя: её меч вгрызался в деревянные манекены, оставляя зарубки, а шаги отзывались глухим топотом. Кожаные наручи, прошитые семейной символикой — перекрещенными мечами, — тускло поблёскивали от пота. Ветер шевелил волосы, срывая с губ сестёр короткие вздохи усталости, а тренировочные туники, чёрные, вытканые у ворота белоснежными нитями, прилипали к спинам, но ни одна девушка не замедляла темп. По приказу отца они должны были отточить пятьдесят ударов без единой ошибки, и счёт уже приближался к роковой отметке.

Амарант, притаившийся в зарослях чертополоха, едва сдерживал улыбку. Его волосы, наспех окрашенные в тусклый, землистый цвет, были туго стянуты в косу — практично, совсем не по-сильванорски. Острые уши ловили музыку: ритм дыхания, скрип кожаных рукоятей, едва уловимый свист рассекаемого воздуха. Он сам редко брался за меч, но бабушка научила его понимать геометрию боя. Каждое движение либо направляло поток силы, либо создавало в нём опасный вихрь. И сейчас он видел, как на сорок восьмом уда-

ре дыхание Таарисы сбилось — её клинок отклонился, нарушив безупречную дугу.

«Плечо недотянула, импульс ушёл в локоть», — пронеслось у него в голове.

Сильванорец глубже вжался в тень, когда девушка резко обернулась, будто нутром почувствовав наблюдение. А Феарида в это мгновение завершала цикл, и меч, описав образцовый полукруг, замер.

Амарант приник к земле, впиваясь пальцами в холодный грунт и невольно присвистнул про себя. Так чисто выполняли цикл даже не все наставники его дома.

— Юные госпожи, — донёсся из-за кустов игривый шёпот.

Реакция была мгновенной. Клинки взметнулись в сторону звука, остриё к острию, образуя смертоносный угол в точке предполагаемой угрозы. Из темноты возник Амарант — руки подняты в шутливой капитуляции, а улыбка светится ничем не прикрытым озорством. Его «замаскированные» волосы лишь оттеняли теплоту кожи, а за спиной угадывался небольшой свёрток, перехваченный алыми, как его истинная шевелюра, лентами.

— Тише-тише, грозные воительницы... Я безоружен и настроен исключительно дружелюбно, — прошептал он.

Таариса не опустила меча. Её взгляд, холодный и оценивающий, прошёлся по нему, будто выискивая угрозы: поза — расслабленная, открытая; одежда — слишком простая для

наследника, тёмная, и небольшая дорожная сумка на плече; глаза — смеющиеся, что само по себе было подозрительно.

— Как ты прошёл периметр? — её голос прозвучал ровно.

Амарант приложил палец к губам в театральном жесте.

— Я обладаю не только чарующей красотой, но и незаурядным умом, грозная госпожа.

Он подмигнул, а Таариса, закатив глаза, прошипела сквозь зубы:

— Бестолковый наглый щёголь...

— Не желаете сменить локацию на более живописную? Насладиться столицей, когда она сбрасывает дневные доспехи?

Сёстры переглянулись. В их взглядах читалась внутренняя борьба, где долг, вбитый как аксиома, столкнулся с разрушителем порядка в лице сильванорца.

Феарида сделала полшага вперёд.

— Господин До'Ленн'Тар, нам отдан приказ оставаться в пределах отведённого сектора, — сказала она твёрдо, но с лёгкой тревогой в голосе.

— Ах, он не узнает! — парировал Амарант, отмахиваясь, как от пустяка. Он ловко выхватил из сумки два свёртка. Ткань, чёрная, поглощающая свет, тяжело повисла в его руках. — Ну же! Когда ещё увидите, как город Детей Пурпура выдыхает после дня?

Сёстры снова переглянулись. В глазах Таарисы бушевала яростная внутренняя полемика, но в самой глубине тлел тот

же уголь, что заставлял её украдкой изучать карты незнакомых земель вместе с сестрой. Во взгляде Феариды мелькнул азарт и тут же исчез под привычной маской старшей сестры. Амарант, будто считывая этот немой диалог, встряхнул плечами.

— И я подготовил небольшой сюрприз! — он протянул им одеяния, и алые ленты на его собственном свёртке дёрнулись, как если б что-то живое пошевелилось внутри.

Тишина. Только назойливый стрёкот цикад, звучащий как обратный отсчёт для двух аэртале.

— Если отец узнает... — начала Феарида, и в её голосе дрогнула недетская боязнь того леденящего молчания, которое было хуже любого гнева.

— Узнает — скажете, что я применил запретную магию обольщения и силой уволок вас за собой, — беззаботно рассмеялся Амарант, уже накидывая капюшон и с лёгкостью акробата взбираясь на узкий парапет.

Таариса хмыкнула, признав собственное поражение, и натянула плащ.

— Ладно, сильванорец. Но если нас заметят, — её голос стал низким и обещающим, — я состригу твои драгоценные алые локоны и сплету из них аркан для поимки горных скакунов.

И они растворились в ночи. Феарида шла по-прежнему чётко, отмеряя шаг, но по мере отдаления от лагеря её плечи разворачивались чуть шире, будто невидимый корсет дол-

га трещал по швам. Таариса двигалась своей привычной, немного раскачивающейся походкой охотницы, но внимание её не ослабевало, переключившись с охраны периметра на разведку незнакомой территории. А впереди, у портовых огней, уже лился маслянистый свет фонарей, и воздух был пропитан запахами океана, специй и дешёвого табака.

Таверна обрушилась на них оглушительной симфонией бытия: рёв матросской песни, лязг кружек о дубовые столешницы, дух солёной рыбы, пота и перебродившего мёда. Амарант влился в этот хаос, словно его недостающий элемент. Он ловко увернулся от пьяного моряка, похлопал по плечу подносчика, и воздух вокруг будто пришёл в движение. Пламя свечей дрогнуло без сквозняка, где-то под потолком сами собой зазвенели подвешенные ложки, а усталый трактирный кот лениво поднял голову, провожая сильванорца внимательным взглядом.

Феарида шла следом, прижимаясь к стене так плотно, будто пыталась стать частью обшивки. Капюшон она поправляла почти машинально, но пряди волос цвета луны всё равно выбивались наружу, привлекая любопытные взгляды. Глаза девушки метались по толпе, а каждый всплеск чужого хохота заставлял её едва заметно вздрагивать. И всё же спина её оставалась идеально прямой, а подбородок гордо поднятым.

Таариса же, напротив, шагала с абсолютной уверенностью. Плащ развевался на её тренированных плечах, открывая мускулистые руки в боевых наручах. Острый взгляд, уна-

следованный от отца, сканировал помещение, отмечая запасные выходы, состав компаний и потенциально опасных забияк. В её позе читалась готовность в любой миг превратить этот кабак в поле боя.

— Ну вот и наш причал! — провозгласил Амарант, обернувшись к ним с такой ослепительной улыбкой, что даже дымные свечи у барной стойки вспыхнули чуть ярче. Взяв обеих девушек под руки, он ловко провёл их к углу, где тени сплетались в самое тёмное и уединённое пятно. Стол, исцарапанный ножами, пропитанный запахом пивных дрожжей и полынной настойки, показался им единственным островком относительного спокойствия.

— Идеальное место, чтобы сгинуть в первой же потасовке, — проворчала Таариса, устраиваясь так, чтобы видеть и дверь, и барную стойку.

Феарида молча сглотнула комок в горле, пытаясь втянуть голову в плечи, как испуганная черепаха.

— Если отец... — начала она, и голос её сорвался.

— Если он явится, я сыграю ему колыбельную, после которой он немедля посвятит остаток дней изучению искусств, — промурлыкал Амарант, с лёгкостью сбрасывая со спины свой свёрток. Алые ленты развязались, и в полумраке блеснула лютня. Инкрустация из червлёного серебра вилась по её грифу, словно ветви волшебного дерева, а струны мерцали, как сама луна.

— Безумец, — выдохнула Таариса, но впервые за вечер в

уголках её строгих губ мелькнула улыбка. — Все сильванорцы такие... безрассудные?

— О нет! — Амарант провёл пальцами по струнам, и лютня издала первые звонкие ноты. — Только избранные. И, как вы, несомненно, уже догадались, — он подмигнул, — ваш покорный слуга возглавляет этот славный список.

Хозяин, мужчина с фигурой бочонка и бородой, в которой застряли крошки, возможно, ещё прошлогоднего хлеба, грохнул пустой кружкой о стойку.

— Эй, красавчик! Да-да, ты, сильванорец с косой длинной! — просипел он, размахивая тряпкой. — Уселся тут с лютней, как павлин на насесте! Так давай, тронь струны-то, а? Не для красоты, чай, таскаешь!

Амарант замер, притворно округлив глаза. Его взгляд метнулся к сёстрам — Феарида вжалась в спинку стула, бледнея, а Таариса скрестила руки на груди, в глазах ясно читалось: «Сиди и не рыпайся». Но юноша только показал им язык, грациозно вскочив на ноги.

— О, прозорливый владыка этого гостеприимного крова! — он воздел руки к закопчённым балкам, ловко перепрыгнув через опрокинутый прямо перед ним табурет. — Разве может былинка отказать дубу, что приглашает её разделить свою тень?

Сильванорец взлетел на низкие подмости, перекинул ногу через стул, будто садясь на резвого скакуна. Лютня легла на колени, струны заворчали под пальцами, но Амарант

лишь хихикнул, подкручивая колки с видом знатока.

— Внемлите, почтеннейшие гости этого славного заведения! — провозгласил он, ударив по струнам так, что зазвенели бокалы на дальних столах. — Сия баллада поведает вам историю, от которой слёзы градом покатятся даже по щекам суровых аэрн'тале!

Скептический смех прокатился волной, но первые же ноты, тихие и печальные, заставили таверну затихнуть. Голос Амаранта, обычно полный озорства, теперь звучал глубоко и проникновенно.

В кущах древних, где шепчут
незримо листва и трава,
Где в созвучьи с природой
рождались живые слова,
Родилась лучезарная дева — огня
чистота,
Словно капля росы, чья невинна и
ясна черта.
Ликом — лунный цветок, что расцвёл
на заре,
А глаза как янтарь, утонувший в
багряном огне.
Улыбалась она — и склонялась
листва, замирая,
И в танце кружилась, её красоту
прославляя.
Стала истинным даром для всей

Сильванбóрской земли,
И в Лириэ'Арнес надежды страны
расцвели.
Славил каждый её — от низин до
великих плато,
Ведь прекрасней принцессы не видел
во веки никто.
Но внезапно на мир опустилась
тяжёлая тень,
Погасила светило и в сумрак
повергла их день.
Растворилась она, точно утренний
хрупкий туман,
Будто образ её был лишь грёза и
вечный обман.
Матриарх-королева не знала отныне
покоя,
Её душу пронзило железо судьбы
ледяное.
Словно раненый зверь, она рыщет в
ночи под луною,
Истекая не кровью — а горькой
слезы пеленою.
Отец, чей рассудок — осколки
разбитых зеркал,
В безмолвии Бездны лишь шёпот
теней отыскал.
Он к небу воззвал, проклиная
божественный дар,

И в груди его вспыхнул безумный и
страшный пожар.

Сорвал он Цветок, что в саду его
сердца алел,

Рассудок в костре святотатства
дотла обгорел.

Нет больше огня, только крик, что
летит до светил, —

Он в горе своём этот мир навсегда
разлюбил.

Склонился народ Илл'Танар под
бременем горькой судьбы,
Затихли напевы и звуки священной
мольбы.

И стала принцесса звездой, что
ведёт сквозь туман,

Печалью скрепив весь огнём
поцелованный клан.

Она — вечный свет, что в душе их
бессмертно горит,

О ней каждый корень и лист вековой
говорит.

Их общая боль — словно древо с
единой судьбой,

Чьи корни навеки сплелись под
священной землёй.

Пальцы Амаранта порхали по струнам, и таверна зачаро-
ванно замерла — даже дым от очага стелился в такт, змей-

ками оббивая балки.

Феарида почти сразу поняла о ком он поёт, и от этой догадки внутри всё оборвалось. Серебристые ресницы дрогнули, но взгляд не соскальзывал с лица сильванорца. Он пел о своей боли. И пел здесь: в грязной таверне, перед чужаками. Перед ней и Таарисой. Теми, кого должен был считать врагами.

Таариса сидела, выпрямившись, как истукан и отбивала каблуком ритм. Ритуальные марши аэрн'тале не учили этому — там били в барабаны, чтобы пробудить ярость, а не чтобы сердце замирало от грусти. Её пальцы сжали край плаща, пытаясь вернуть контроль, но губы предательски подрагивали.

«Проклятый сильванорец...» — мысленно ворчала она.

Амарант, закончив балладу, уже соскользнул со стула, когда дрожь длинных ушей пронзила его, как стрела. Он метнулся вбок, прижимая к себе лютню, и массивные дубовые двери таверны тот час вылетели из косяков с громоподобным шумом. Взрыв щепы, скрежет железа и треск ломающейся древесины оглушили зал. В облаке пыли, осколков и уличного смрада в проёме на миг застыло огромное тело, прежде чем его с силой, достойной требушета, швырнули внутрь. Оно пронеслось по воздуху, снося центральный стол, и исчезло в грохоте разлетающихся досок, звоне металла и стуке игральных костей.

— Ну, извиняй, дорогой! Доконал! — раздался с порога насмешливый женский голос.

На месте уничтоженных дверей стояла женщина. Статная и подтянутая, в ней чувствовалась сила, что бывает только у тех, кто годами карабкается по вантам и выживает в портовых драках. Практичная дорожная одежда облегла фигуру, открывая рельеф мышц на предплечьях — не грубых, но опасных, как у хорошего фехтовальщика. Длинные чёрные волосы были собраны в простой хвост. Нога, только что совершившая нехилый пинок, всё ещё была выставлена вперёд — мощный, хлёсткий удар, от которого здоровенный мужик влетел внутрь, как тряпичная кукла. На губах женщины играла дерзкая ухмылка, полная дикого удовлетворения.

— Да как ты вообще меня швырнула, фурия?! — прорычал мужчина, с трудом поднимаясь из-под обломков разломанного стола. Он был огромен, его дорогой плащ висел лохмотьями, а в единственном глазу плясало настоящее бешенство. — Ты меня чуть на тот свет не отправила!

Амарант, прижимая лютню к груди, как ребёнка, застыл у стены и все краски сбежали с его лица. Он нервно хихикнул, наблюдая, как незнакомка с проворностью кошки взобралась на барную стойку, схватила полный кувшин и со всей дури запустила им в соперника. Посудина разлетелась у того над головой, окатив липкой медовухой. Только тогда Амарант заметил среди пыли и синяков на запястье мужчины знак, что пульсировал багрянцем.

Феарида вскочила, вцепившись в край стола.

— Прекратите! — рявкнула она так, что самой стало

страшно, но крик потонул в новом взрыве хохота и звона.

— Ставлю на девку! Десять аргентусов! — орал пьяный кучер, швыряя монеты на стойку, где уже росла дрожащая пирамида из серебра и меди.

Таариса, слившаяся с тенью, прошипела так, что слышно было только Феариде:

— Полные кретины... Сейчас ещё Пурпурная гвардия набегит... — она чуть повела плечом, разминая мышцы, и покосилась на сестру. — Ты только кивни — и я их обоих в бараний рог скручу.

Её слова утонули в новом рёве. Одноглазый гигант, вытирая медовуху с лица, ораторски воздел кулак:

— Ты стервозная, истеричная, падшая сука!

Его противница, не отступая, ответила с той же яростью:

— А ты, продавший даже остатки своей чести, скорее ободранный кошак, чем Пёс!

И тут, будто молния, Феариду поразило узнавание. Она вгляделась в могучую фигуру мужчины, в его повязку на глазу, под которой пролегал старый шрам, и увидела длинные чёрные когти на его пальцах. Девушка резко схватила сестру за руку, когда та уже готова была сорваться с места, и младшая тут же осела обратно.

— Этот полукровка... быть не может, — выдохнула Феарида. — Таариса, не вздумай.

— Да ты... Не смей так говорить со мной, проклятая ты баба! — заорал мужчина в лицо сопернице.

Амарант поморщился. У них, в Лириэ'Арнес, за такое можно было схлопотать вызов на поединок или и вовсе отправиться в Рощу Тишины на перевоспитание.

Хлоп!

Голова мужчины дёрнулась от пощёчины с такой силой, что его потрёпанная треуголка слетела и, описав дугу, шлёпнулась прямо к ногам Феариды. Та бездумно подняла её дрожащими руками. А женщина, раскрасневшаяся за мгновение, схватила его за грудки:

— Баба?! — её крик взметнулся под потолок. — Я тебе, падаль, сейчас покажу бабу!

Полукровка, пошатываясь, вытер кровь с рассечённой губы рукавом. На миг в его единственном глазу полыхнул голодный восторг, но уже в следующую секунду он расхохотался с варварским удовольствием.

— Ой, да ты обиделась, Эв! — он поддел когтистым пальцем её подбородок, заставляя поднять лицо. — «Стерва» — ничего, «падшая» — плевать, а «баба» — святотатство? — его голос упал до хриплого шёпота. — А что тебя так задело, а? То, что я сказал это при всех... или то, что это сказал тебе я?

Эва резко выдохнула, но не отстранилась.

— Пасть захлопни, — бросила она.

Пёс, всё ещё крякая от смеха, обхватил её за плечи. Ладонь легла плотно, прижимая к его боку, и он чуть наклонился, так что его губы оказались у самого её уха:

— Ладно, фурия ты моя... Пойдём, куплю тебе чего покрепче — глядишь, и пообреешь.

— Сама куплю! — она дёрнула плечом, но его хватка не дрогнула. — Придурок... вечно лезешь со своими подачками...

— Как можно? — он и не думал отпускать, ведя её к стойке. — Я лишь покупаю твою снисходительность. И женщина в моём присутствии за себя не платит!

Эва резко выставила ладонь и отодвинула его лицо от своего — грубо, как отпихивают морду настырного пса.

— Достал уже, — буркнула она.

Амарант, наблюдавший за этой сценой с открытым ртом, медленно опустился на стул рядом со своими спутницами. Его взгляд перебегал с одного новоприбывшего на другого, и на его лице читалось восхищение, смешанное с лёгким ужасом.

— А вы ещё говорите, что я безумец... — выдохнул он, обращаясь к сёстрам. — Похоже, в этом заведении всё-таки водятся куда более отчаянные головы, чем моя.

Эвендель и Вальдеон, запylённые дорогой и явно утомлённые битвой друг с другом, протиснулись к единственному сравнительно свободному столу, где сидели две девушки и один парень, словно выпорхнувшие из дворцовой миниатюры.

— Как бодро вы швырнули этого здоровяка, *леди!*. Это было невероятно! — Амарант всплеснул руками, как маль-

чишка, увидевший фокусника. Слово «леди» он почти незаметно выделил, но Эва, привыкшая к грубости портов, заметила. — Словно куклу тряпичную!

Мужчина, чей глаз был прикрыт чёрной повязкой, хрипло фыркнул, скрестив на груди мускулистые руки, и насупился.

Феарида смотрела на незнакомца дольше, чем того требовала вежливость. Повязка. Татуировки по всему телу. Кольца на пальцах. Треуголка, явно повидавшая больше морей, чем некоторые капитаны. И эти жуткие чёрные когти.

Она видела это лицо раньше. Гравюры, листовки, донесения об очередных потерях флота. Одноглазый пират с Меткой Удачи. Безумец, которого одинаково не любили и торговые дома, и флоты Орден, и даже собственные союзники. Поговаривали, будто даже внутри культа Донатрикс — где, как считалось, поклонялись кровожадной богине — его сторонились, хотя на деле культ не имел к его зверствам никакого отношения.

Сердце Феариды забилось быстрее. Она узнала его — пока не наверняка, но с каждым новым совпадением внутреннего голоса крепчал: «Это он». Если её догадка верна, то сидеть сейчас за одним столом с этим полукровкой было примерно так же разумно, как разводить костёр рядом с бочкой пороха.

Таариса перехватила взгляд сестры и мгновенно подобралась. Ни слова, ни жеста. Только ладонь, скользнувшая ближе к бедру, где под плащом покоился клинок.

— Ха! Не впервой! — Эва махнула рукой, усмехаясь, и её взгляд быстро скользнул по троице. — А вы, красавчики, что здесь забыли? Две воительницы... — кивок в сторону сестёр, — явно аэрн'тале. И сладкий мальчик-сильванорец... На Турнир поглазеть приехали, как и все эти павлины-аристократы?

Пёс, внезапно оживившись, облокотился на стол, изучая троицу с профессиональным интересом.

— Глаза-то у нас зоркие, — проворчал он. — Видали виды. Спины прямые, взгляд упёртый... С молодых ногтей на плацу муштровали, не иначе.

Смешок Амаранта прозвучал неожиданно резко.

Таариса мгновенно повернула голову. Что-то изменилось в звуке, что исходил от его сердца. Аэрн'тале привыкли чувствовать подобное, ведь каждое сердце билось по-своему. Таверна гудела десятками таких ритмов, но сейчас звук крови сильванорца забил все остальные. А следом пришло иное: колебание магии — неуловимое для обычного человека, но для дочерей Стальных Вершин осязаемое вполне явственно. Магический фон Амаранта шёл рябью, становясь нестабильным. Феарида ощутила то же самое и бросила быстрый взгляд на сестру.

Амарант подавил смешок и вдруг осёкся. Он только сейчас осознал, что не чувствует этого полукровка. От воительниц веяло холодом гор и жаром крови, от пиратки — колючим пламенем, даже от пьяного кучера в углу тянуло сонным

теплом.

От одноглазого же не исходило ничего.

Принц и сам не понял, почему это напугало его больше, чем любой оскал. Пальцы сжались под столом, а улыбка застыла на лице помимо его воли — он и рад был бы её снять, да поздно. Сильванорец поднял руку, и указательный палец нацелился прямо на чёрную повязку Вальдеона.

— Глаза, говоришь? — его голос потерял певучесть. — А второй-то где удосужился потерять, дружище? Тоже «баба» выбила?

Феарида и Таариса моргнули, удивившись столь откровенной дерзости, что сильванорцам — а уж тем более принцу — была уж совсем не свойственна. По крайней мере, так говорили. Такого не позволяли себе даже на собраниях Орде-нов, где слова порой били сильнее мечей. Феарида смотрела на Амаранта и видела уже не «цветочного принца». Взгляд сильванорца сверлил пирата с безжалостной сосредоточенностью, а магия вокруг него — теперь она чувствовала это всей кожей — уплотнилась до звона в ушах. По её спине пробежал холодок осознания: «Он умеет не только лепестки рассыпать».

Единственный глаз Вальдеона остановился на лице Амаранта. С лица пирата в миг исчез даже намёк на усмешку. Эва заметила перемену первой. Только что рядом сидел наглый, невыносимый Пёс, но теперь за столом остался кто-то другой: пустой, словно душа покинула тело.

Она знала этот взгляд. Обычно после него кто-нибудь умирал.

В горле поднялся знакомый ком тошноты. Не страх — за себя она не боялась, не после того как сама отправила Вальдеона в полёт второй раз за день, а тянущее отвращение, которое всегда накатывало перед чужой кровью.

Пёс медленно подался вперёд. Его когти легли на столешницу и с тихим скрежетом протянулись по дереву, оставляя четыре белёсые борозды — неглубокие, но заметные. Эва сглотнула.

— Слышь, птенчик, — прошипел пират. — Ты эту штучку то, что во рту зазря болтается... прикуси-ка лучше, пока не вырвал. Услышал меня?

Эва со шлепком захлопнула ему рот и уже была готова рывкнуть, но осеклась, заметив, что юнец не дрогнул. Он смотрел на Пса в упор, и в его глазах не нашла ни испуга, ни бравады.

Эва перевела взгляд на него и задержала дольше, чем собиралась. Её собственная чуйка, которая всегда безошибочно распознавала хищника, даже если тот носил шёлк и улыбался, сейчас вопила. Под всей этой красотой и цветочной пылью Эвендель ощутила нечто такое, что заставило её внутренний компас развернуться на сто восемьдесят градусов. От мальчишки за версту несло опасностью.

— Помолчи-ка, — бросила она Псу, а затем снова обратилась к троице: — Лучше скажите-ка, зачем знатные пташ-

ки влетели в эти трущобы. Ищете, кому кружевами похвастаться?

Амарант, всё ещё ощущая на себе взгляд пирата, нервно провёл рукой по затылку. Его улыбка стала вымученной, а плечи слегка напряглись. Он перевёл дыхание и инстинктивно повернулся к Эве. От неё исходило что-то... правильное и даже тёплое, несмотря на острый взгляд. Не то что от пирата: от того веяло холодом, скрежетом, будто сама его суть царапала Амаранту душу.

В первый миг он едва не обратился к незнакомке на родном наречии, но тут же осёкся, приглядевшись. Перепонки на ушах были не настоящими — искусная работа, приклеенная так тщательно, что заметить это мог лишь тот, кто с детства знал, как выглядят подлинные. И белоснежные линии на коже, напоминавшие узоры сильванорских магов... стоило прищуриться — и становилось ясно: они нарисованы. Очень тонко, очень умело, но нарисованы.

«Кто же ты?» — подумал он, невольно потянувшись к ней магией, но та не дала ответа: аура незнакомки ускользала, будто её и не было вовсе. Это не оттолкнуло его. Напротив — разожгло любопытство. Кем бы она ни была, она нравилась ему куда больше мужчины, что играл роль аэрн'тале. Тот, конечно, прятал уши под волосами и низко надвинутой треуголкой, и одежда сидела на нём ладно. Но аэрн'тале так себя не ведут. Слишком много болтает. Улыбается слишком часто. И загар у него совсем не горный, а южный, морской.

Такой не получишь в тени скал.

— Да... — протянул он, обращаясь к Эве с подчёркнутой учтивостью. — Решили просто... прогуляться. Улицы посмотреть. И на Турнир, конечно, тоже. Говорят, зрелище будет незабываемое...

— Незабываемое? — Пёс отбросил руку Эвы со своего лица и, перехватив у проходящей разносчицы две полные кружки, одну не глядя сунул пиратке. — Да на Безымянных островах щенки драчливее! Там хоть кровь настоящая льётся, а не эти ваши танцы с веерами!

Амарант покосился в его сторону, прежде чем снова повернуться к Эве, словно ища у неё если не поддержки, то хотя бы понимания.

— Да вы что! — Феарида аж подалась вперёд. — Турнир — это не бойня! Остров Пятиконечной Звезды сам восстаёт из пучин, чтобы избрать Верховного Владыку! Это древний обряд, он душу выворачивает, а не мускулы меряет!

— Душу? — хмыкнув, Пёс развалился на стуле. — А договориться нельзя? Чай, не звери, чтобы по расписанию рвать друг другу глотки.

— Такова высшая воля, — произнесла Таариса с абсолютной уверенностью, брезгливо косясь на Вальдеона. — И там никто никому глотки рвать не будет. Хоть бы знающих спросил, прежде чем рот разевать, полукровка.

Пёс едва не поперхнулся элем.

— Высшая воля? — он отёр губы тыльной стороной ладо-

ни и подался вперёд. — Видал я высшую волю в деле. Знаете как она является? В виде шального ядра, которое сносит мачту. Или в виде скалы в тумане. А ваши сказки про священный обряд... — он прищурился, и улыбка стала откровенно недоброй. — Это вы нефелийцам расскажите. Они любят, когда «высшая воля» их благословляет глотки резать. Особенно тем, у кого кровь «нечистая». Правда, молитвы у них тогда звучат... ну да вы, аристократы, небось не слышали.

Амарант мягко качнул головой. Он и сам не до конца понимал, зачем минуту назад набросился на пирата. Уши сильванорца чуть заметно вздрогнули, когда он снова покосился на чёрную повязку, и принц поспешно отвёл взгляд, ругая себя за эту дурацкую привычку — сначала ввязаться, потом осмыслить.

— Традиция... — начал Амарант. — Она старше наших прадедов, а наследникам остаётся лишь следовать ей, — и хотя он проговорил это с привычной уверенностью, взгляд его всё равно украдкой возвращался к угрюмой фигуре Пса.

Вальдеон снова открыл рот, вознамерившись оспорить очередную догму, когда Амарант и Эвендель почти синхронно повернули головы в сторону входа.

Гул таверны прорезал лязг металла. В дверном проёме, где всё ещё болтались выбитые с петель доски, вспыхнули пурпурные плащи. Тяжёлая поступь, бряцанье нагрудников. Императорские гвардейцы, все как один люди, застыли на

миг, удивлённо разглядывая искореженные двери и несколько перевёрнутых столов внутри; пара солдат даже присвистнула, оценив масштаб.

— Именем Его Императорского Величества! — рявкнул офицер, вскинув руку с поблёскивающим сургучной печатью пергаментом. — Объявлен розыск пропавших наследников двух Орденов, прибывших для участия в Турнире!

Тишина длилась лишь миг. Время, достаточное, чтобы сделать глоток, — а потом таверна взорвалась хаосом.

— ВРАССЫПНУЮ, БРАТЬЯ! — рёв Вальдеона перекрыл все остальные звуки, и пират вскинулся, отшвырнув тяжёлый дубовый стул так, что тот, крутясь, протаранил соседний стол.

Стулья, люди, кружки — всё полетело в разные стороны. Эва, ещё до того, как первый гвардеец шагнул внутрь, впилась пальцами в рукав Амаранта. Она заприметила чёрный ход ещё в первые минуты — старая привычка, вьёвшаяся в кровь: никогда не садиться там, откуда нет хотя бы двух путей к отступлению.

Пёс, будто зверь, чьи ноздри на всю жизнь запомнили запах тюремной сырости и эшафота, уже тащил за собой Феариду. Её капюшон сорвало, и белоснежные волосы рассыпались по воздуху.

— Бегом, бегом, бегом! — рявкнула пиратка, со свистом проталкивая Таарису к замызанной дверце за стойкой, в которую, казалось, можно было втиснуться только боком.

— Куда вы?! Мы не... Мы не можем! — Феарида попыталась вырваться, спотыкаясь о разлитое пиво и опрокинутый кувшин.

— Без паники, голубка! — Пёс схватил её за шкурку, чтобы не упала, и без видимого усилия переброшил девушку через перевёрнутую бочку, из которой рекой хлестал сидр. Дочь Стальных Вершин, рослая и крепкая по человеческим меркам, в его руке казалась почти невесомой и он тащил её за собой, как нашкодившего щенка за загривок. — Беги, если жизнь дорога!

Они нырнули в чёрную пасть коридора, где воняло страхом и тухлой требухой. За спиной нарастал гул: тяжёлые сапоги по доскам, звяканье кирас, приказы, ругань. Эвендель, поскользнувшись на чём-то склизком, выплюнула ядрёное проклятие, но Амарант, двигавшийся с отточенной ловкостью, мгновенно перехватил её, не дав упасть. Она бросила на него удивлённый взгляд, а юноша уже тянул её дальше.

Чёрный ход с глухим стуком захлопнулся за их спинами, отрезав свет и шум и весь квинтет вывалился в промозглый переулок. Ветер, гуляющий между стенами, швырнул им в лица едкую гарь и пепел из соседней кузницы.

Вальдеон, прислонившись к шершавой каменной кладке, отдышался и оскалился в темноте золотым клыком:

— Ну что, птахи? Прогулка по ночным садам столицы впечатлила? Я так и думал...

Феарида стояла, прижавшись спиной к стене, вся дрожа-

ла. Таариса, напротив, встала в чёткую, готовую к бою стойку, хотя оружия в её руках не было. Дорогая, но лишённая украшений тренировочная туника, простая и прочная, кричала о дисциплине и происхождении громче любых гербов.

И Амарант... Эва не дышала. Из-под потускневшей краски на его волосах пробивалось пламя — насыщенно-алые, как только что пролитая кровь, пряди. Этот цвет был родовым знаком. Перед ней стоял сам наследник рода До'Лен-н'Тар. Наследник тех самых земель, где реки светятся жидким серебром, деревья держат на ветвях целые города, а воздух пахнет вечным цветением и мёдом.

Принц ЛириэАрнес.

Она грезилла об этом крае в вонючей портовой дыре Острова Разбойников, кусая губы до крови, — и вот сейчас его принц стоял перед ней в промозглом переулке. Существо из сказок. Полубог, внезапно упавший в грязь.

Две аэрн'тале и один сельванорец. Офицер говорил о пропавших наследниках двух Орденов. Всё складывалось слишком быстро и слишком точно. Сомнений не оставалось: искали именно их.

— Ну конечно, — выдохнула она, с силой проводя ладонью по лицу. — Не просто залётные аристократишки, а самые что ни на есть золотые птенцы, выпавшие прямоком из императорских вольеров.

Пёс надсадно расхохотался, вытирая рукавом смесь пота, грязи и капель эля, стекавших по его щеке.

— Ну что, господа хорошие? Вечер выдался на славу! — синий глаз сощурился, оглядывая каждого с жадностью, словно прикидывая сколько золота можно получить, если сдать их прямо сейчас. — Рассказывайте, какими ветрами вас, барчуков, занесло в нашу грешную жизнь? И, главное, — он медленно выпрямился, улыбаясь всё шире, — что прикажете с вами делать теперь, а? Наследнички... Целых два Ордена! Прямо в руки плывут, даже на abordаж идти не пришлось.

Глава 6 и 1. Лучи и молитвы

Она — рассвет, а он — тумана мрак,
Связал их судьбы рока вещей знак.

Аурика стояла у узкого окна, впиваясь пальцами в грубый камень подоконника. Солнечный луч скользнул по её лицу, и серая келья на миг вздрогнула: свет вспыхнул ярче, отозвавшись на негодование девушки. Чистая магия, что текла в крови рода Солейн, никогда не молчала. Она пела, даже когда сама Аурика стискивала зубы. Кожа девушки, гладкая и тёплая, цветом напоминала карамель — золотисто-коричневая, напитанная солнцем. Веснушки, белоснежные, словно кто-то рассыпал по щекам созвездия, коротко вспыхнули, когда она отвернулась от окна.

Длинные золотые кудри тяжёлыми волнами спадали на спину. Здесь, в этой каменной клетке, они казались чистым издевательством — слишком яркие для стен, видевших только пепельные рясы и потухшие взгляды.

Глаза — расплавленное золото, переливающееся в полумраке. И в самой глубине, вокруг зрачков виднелось тонкое белоснежное кольцо. Знак рода Солейн — наследников самого светила. Но здесь, в серой, бездушной клетке, даже самое чистое золото обречено было меркнуть.

Гостевой дворец Ордена Светопения подавлял. Тяжёлые каменные своды глушили шаги, а серые стены будто высасывали саму душу. Прямо напротив кровати, на стене тускло мерцало всевидящее око Истинного — выложенное из потемневшего серебра, оно следило за каждым движением.

После трёх лет, проведённых в туманном и прохладном Эйлингале, где крыши храмов терялись в вечной мгле, Императорская столица с её просторами и солнцем должна была стать освобождением. Но даже в сердце Империи, её вновь заточили в каменный склеп, где с утра до ночи только и делали, что молились Истинному.

Не то что в Голдмарке — столице аурелийских земель, где мрамор сиял в лучах утренней зари, а в каждом арочном окне плескались занавески цвета спелого искроплода, по которым Аурика так истосковалась. Сам воздух там был сладким и тёплым, приветливым, а здесь даже дышать было трудно — едкий ладан пропитывал всё: от самих стен до волос. Едва слуги зажигали курильницы, Аурика морщила носик и тушила их раз за разом, с каким-то детским упрямством.

Аурелийка дёрнула плечом, сбрасывая струящееся шёлковое покрывало, и оно легло на пол безжизненным сугробом. Три долгих года в Эйлингале, три дня в Императорской столице — и ни единого намёка, что старшая сестра вспомнила о её существовании.

— Ну конечно, — пробормотала она, и её голос, обыч-

но звонкий, зазвучал едким шипением. — Теперь у неё есть сын... наследник... и более не нужно никаких глупых сестёр, вечно путающихся под ногами, — аккуратные золотистые ногти вонзились в нежную ладонь. — И этот проклятый город... Везде камень. Даже небо здесь какое-то выцветшее. Как будто солнце и не рождалось вовсе!

Она ринулась к кровати, но по пути зацепила локтем курильницу на низком столике. Та покачнулась, выплюнув облако сладковатого дыма. Запах ладана ударил в ноздри — Аурика, не сдерживаясь, со всей силы задула тлеющий уголёк. Терпеть не могла ладан. Ещё с Эйлингала.

Девушка схватила подушку и с силой швырнула её в сторону окна, где за узорчатой решёткой маячили башни столицы. Аурика ненавидела это. Ненавидела тяжёлые, закрытые робы нефелийцев, их блёклые глаза и бесконечные ритуалы. Её тошнило от этой гнетущей тишины, что висела в покоях.

Но больше всего она ненавидела себя за то, что до сих пор ждала. Ждала, что Мириэлия вот-вот явится — в ослепительном сиянии шелков и самоцветов, улыбнётся своей солнечной улыбкой, как в детстве, и скажет: «Пойдём домой, глупышка Рири. Я так скучала по тебе». А Мириэлия всё не приходила. Гнев, горький и беспомощный, поднимался в горле жгучим комом — не на сестру, нет. На этот холодный дворец, на душющие правила, на весь мир, который будто отгородился от неё высокой стеной.

— О, Голдмарк... — прошептала она, закрывая глаза. В

памяти вспыхнули витые террасы, утопающие в водопадах алых и сапфировых цветов, фонтаны, чьи струи вздымались, чтобы рассыпаться мириадами радужных отблесков, и звонкий смех Мири.

Здесь же... даже такое родное солнце казалось выцветшим и незнакомым, его лучи с трудом пробивались сквозь вечную дымку столицы, не в силах прогреть холодный камень. А ведь дома, в Голдмарке, само светило вгрызалось в кожу, но за это его и любили. Весь город был оазисом: живой, зелёный, поющий фонтанами посреди пустыни, которая уходила за горизонт жарким маревом.

Лишь его глаза были единственным утешением в этой серой духоте — два аметиста, горящих собственным светом на нежно-голубой коже. А его улыбка... о, эта коварная улыбка. Обезоруживающая, по-детски невинная, заставляющая трепетать сердца и забывать о здравом смысле. В ней не было ни капли святости — один лишь задор и что-то тёмное, что Аурика никак не могла разгадать.

Аэрион Амис'Драэль стоял в дверях, своим сиянием нарушая унылую симметрию комнаты. Нефелиец шагнул вперёд, и шелест его белоснежной робы заглушил скрип двери. И первое, что всегда неизменно приковывало взгляд — его уши. Не просто оперённые мочки, как у большинства нефелийцев, нет. Всё изящное длинное ушко, от самого основания до заострённого кончика, было укрыто нежнейшими перьями. Серебристо-голубые, с холодным переливом,

они трепетали при малейшем его движении, украшая голову юноши живым венцом. «Крылья Послушника» — так почитательно называли этот редкий знак благословения Истинного у нефелийцев. Горделивые, священные, перья едва заметно вздрагивали, будто ловили незримые потоки молитв, плывущие в воздухе. Тёмные кудри мягко падали на высокий лоб, обрамляя лицо, черты которого, несмотря на скрытую в них силу, дышали юношеской мягкостью и незапятнанной чистотой. А его взгляд делал его похожим на сошедшего с древних фресок небожителя, случайно заглянувшего в шумный и грешный мир живых. Роба струилась свободными складками, едва касаясь икр, и не могла скрыть его сложения — стройного, почти хрупкого, но не тщедушного.

Когда он приблизился, Аурика невольно выпрямила спину, ощущая привычное, но оттого не менее досадное давление. Он возвышался над ней как кипарис над цветущим кустом. Правда, в этом не было его личной заслуги: просто Аурика, как и большинство сородичей-аурелийцев, была малого роста и едва ли доставала Аэриону до подбородка.

— А ты, я посмотрю, как всегда в прекрасном расположении духа с самого утра, моя сияющая госпожа.

Его голос звучал текуче и нежно. Каждое слово обволакивало слух, а интонации, отточенные годами молитвенных песнопений, заставляли дыхание замедляться. В нём не было резкости, только плавный ритм и едва уловимая насмешка в конце фразы выдавала, что он прекрасно осознаёт свою власть над звуком.

— Что ты тут забыл? — Аурика фыркнула, метнув на него взгляд, полный мнимого презрения, и запрокинула голову, чтобы встретиться с его взором. — Пришёл продемонстрировать свою образцовую праведность? Мол, вот я какой — утреннюю молитву отстоял...

Аэрион насмешливо приподнял бровь, и перья на его ушах мелко задрожали, словно от дуновения ветерка.

— Ну, знаешь ли, молитва успокаивает душу. Хотя, конечно, твоя вряд ли нуждается в успокоении, ведь ты всегда та-а-ак невероятно сдержана... — он нарочно тянул слова, беспечно плюхнувшись на край её кровати.

Аурика вцепилась в подоконник так, что ногти вонзились в камень. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь решётку, заиграл в золотых волосах живыми бликами, но лицо её осталось хмурым.

— Всё! — выпалила она, резко повернувшись к нему. — Решено! Отправляемся на прогулку! Надоело дышать этой пылью и слушать, как твои святоши орут славословия на рассвете!

Аэрион засмеялся так, будто услышал лучшую шутку в своей жизни.

— Наконец-то мы пришли к единому мнению! Только вот... — он театрально приподнял указательный палец, — слуги моего Ордена бдят днём и ночью. Будем хорошими, послушными детьми и почтительно испросим дозволения у старших... или же... — он понизил голос до шёпота, — сбежим тайком? Второе, несомненно, куда веселее, да и мне, признаться, больше по душе.

Аурика прикрыла глаза, сдерживая улыбку, — уж очень ей не хотелось признавать, что его наглая непосредственность хоть чуть-чуть, но забавляет её.

— Используем мою магию. День солнечный — проблем не будет. Захвати побольше монет. Я знаю, ты сможешь их... достать. И переоденься во что-нибудь... менее осеняющее твою безгрешность.

— Ах! — Аэрион вскочил, грациозно взмахнув рукой. — Значит, твой драгоценный Орден Сияющих Дворцов благо-

склонно взирает на вольное обращение с чужими кошельками? Что ж... пойду поболтаю с братией. Скажу, что моя солнечная госпожа всей душой жаждет уединённых практик со мной. Ну, знаешь... для укрепления тела и духа, — он подмигнул.

— Мерзкий поганец! — она швырнула в него подушкой, но он ловко увернулся, его задорный хохот наполнил комнату.

— У тебя час, светлейшая! — Аэрион скользнул к двери, его смех звенел в воздухе, заставляя даже каменные стены будто бы оживать. — И не забудь надеть платье без вышитых солнц — а то вдруг кто-то узнает, что ты сестрица самой Верховной Золотой Стервы?

Дверь захлопнулась, и Аурика стиснула зубы, но тут же уголок её рта предательски дрогнул. Наигранная ярость, которой она пыталась прикрыться, рассыпалась в одно мгновение, утекая как песок сквозь пальцы. Она никогда не терпела оскорблений в адрес своей сестры — гордость рода Солейн была незыблема, но Аэрион... был особым случаем. Она знала его слишком хорошо, чтобы по-настоящему злиться на эти колкости. Для всего двора Ордена Светопения он был живой иконой — юношей с ясным взором и душой, чистой, как горный хрусталь. Наставник Елий, почтенный старец, чья длинная седая борода хранила мудрость веков, часто ставил его в пример: «Вот, взирайте на юного господина! В его сердце — лишь благоговение и свет!»

Лишь Аурика была свидетельницей истинного лица Гласа. Она помнила, как во время изнурительных практик «Стояния на Слове», когда наследники по часу замирали в неудобных позах, распевая монотонные славословия, Аэрион, стоявший рядом, с идеально ровной спиной и умиротворённым выражением лица, мог игриво шепнуть ей: «Интересно, если у столь праведного мужа, как наставник Елий, во время медитации внезапно зачесется... гхм... место сосредоточения всей его мирской суеты, сохранит ли он и тогда свой благодатный вид? Или нам стоит подготовиться к внезапному просветлению в виде замысловатого священного танца? Того и гляди в Староверы запишут...»

От таких внезапно брошенных фраз у неё перехватывало дыхание, и сдавленный смех вырывался наружу именно в тот момент, когда наставник Елий обводил их строгим взором, ища признаки «благодатного просветления». И пока Аурика, багровея и давась приступом кашля, пыталась объяснить свой неподобающий порыв «глубоким душевным откликом на священный текст», Аэрион стоял рядом с таким невинным и одухотворённым видом, что сам Истинный поверил бы в его абсолютную непогрешимость.

Он за глаза дразнил абсолютно всех — от своего отца Иерофанта до последнего служки, и его насмешки были чем-то вроде стихийного бедствия, которое Аурика просто принимала как данность.

И всё же.

В его словах о Мириэлии всегда проскальзывала какая-то особо зазубренная нотка. Не просто лёгкая издёвка, а нечто более личное, почти... неприязненное. Будто на мгновение его язык переставал ему подчиняться и сквозь улыбку Гласа проглядывал кто-то другой, и тут же исчезал, оставляя Аурику гадать, не показалось ли ей. Она ловила себя на мысли, что за всё время их странного знакомства он ни разу не произнёс имени Мириэлии без этого ядовитого привкуса. Это было загадкой, которую она пока не могла разгадать, и его шуточки о «Верховной Золотой Стерве» задевали не столько её гордость, сколько любопытство.

Аэрион неприкаянной тенью скользил сквозь анфилады гостевого дворца — щедрый, но мрачный дар Императора на время Турнира Пяти Орденов. Воздух здесь был сух и неподвижен, лишённый знакомого ему аромата влажного камня и бесконечных рек родного Эйлингаля.

Проходя мимо высокого зеркала в резной раме, Аэрион мельком глянул на своё отражение. Улыбка, мальчишеская и наглая, была при нём, но что-то в глубине собственных глаз заставило его остановиться.

Он моргнул.

Отражение снова стало обычным.

«Привидится же», — фыркнул он и пошёл дальше.

И вот, в лабиринте коридоров застыла знакомая фигура — диакон Элар. Юный нефелиец стоял у резной колонны, недвижимый, словно изваяние, высеченное из самой мелан-

холии.

Увидев Аэриона, Элар замер, а затем склонился в таком глубоком поклоне, что едва не коснулся лбом холодного каменного пола.

— Свет Истинного да озарит ваш путь, Глас, — почти беззвучный шёпот Элара был полон благоговения. Диакон не смел поднять взгляд выше края робы Аэриона. Для нефелийцев Аэрион был живым сосудом, чьи уста изрекали волю божества. Прикоснуться даже к его тени считалось благословением.

— Я лишь пылинка, озарённая Его милостью, диакон Элар, — откликнулся Аэрион. Его голос теперь звучал отстранённо и ровно, как заученная священная формула. В нём не было и тени обычной игривости, лишь просветлённое безличие.

— О, Глас... — Элар, всё ещё согнувшись, прошептал так тихо, что слова едва долетели. — Могу ли я, ничтожный, быть полезен? Удостоится ли моя рука чести послужить вам?

Аэрион молчал. Пауза повисла в воздухе, становясь почти невыносимой для диакона, застывшего в своём смиренном положении.

— Твоя преданность — отрада для oka Истинного, диакон, — наконец изрёк Аэрион, и его тихий голос приобрёл властные нотки. — Сегодня, с позволения Многоликого, Глас и дева Солейн желают укрыться от суеты для духовных упражнений. Возвести об этом. Никто не должен нару-

шить наше уединение, — он сделал крошечную паузу, вкладывая в следующие слова особый вес. — Солнцеликая господа нечасто являет рвение к возвышенному. Столь хрупкий порыв души требует абсолютного покоя. И его должно оберегать как зеницу ока.

Когда Глас двинулся дальше, диакон Элар, всё ещё не выпрямляясь, засеменил назад и рассыпался в беззвучных благодарностях невесть за что.

Аэрион усмехнулся себе под нос.

Он давно привык к этому — к поклонам, к дрожащим голосам, к тому, как даже взрослые мужи едва ли не целуют ему ноги. И привычка совсем не притупила веселья. Каждый раз это было похоже на один и тот же анекдот, который он рассказывал сам себе — и никак не мог отсмеяться.

Едва эхо шагов диакона растаяло в коридоре, Аэрион потянулся, и святая отстранённость стекла с его лица сама собой. Взъерошив волосы, юноша зашагал к своим покоям, а на губах играла беззаботная улыбка, которую никто и никогда не увидел бы у Гласа Истинного.

В гнетущей тишине проскользнул насвистанный мотив — плясовая, откровенно похабная мелодия, явно рождённая где угодно, но только не в стенах храма. Кажется, её пели матросы в портовом кабаке, куда он однажды сунул нос из праздного любопытства.

Актёры, куртизанки, кружится

голова,
Вино с щелей всех льётся, и ночь
совсем нова.
Под небом у таверны ждёт меня
приют,
Где песни люди пьяные безудержно
орут!

Полдень расплавил небеса, превратив их в ослепительный лазурит, когда Аэрион снова вошёл в покои Аурики. Она сияла даже под покровом просторного плаща, сшитого из неизменно дорогих тканей — тихой роскоши, укрывавшей целую импровизированную казну, похищенную из Сияющих Дворцов три года назад, перед отъездом, и утаённую от посторонних глаз. В руках аурелийка сжимала небольшой мешочек, под завязку набитый золотом.

Аурика закрыла глаза, впитывая свет и призывая лучи, что пробивались сквозь витражные окна, стать частью её сущности. И Аэрион, как всегда, замер, затаив дыхание. Ему никогда не надоедало наблюдать за этим. Золотистый поток энергии медленно заструился от неё, превращаясь в тончайшие нити света. Они опутывали её фигуру, согревая изнутри и пробуждая силу, что дремала в крови аурелийки. Монеты в мешочке задрожали в такт биению её сердца, и каждая превращалась в крошечный источник энергии, подпитывающий её. Комната наполнилась ощутимым гулом, похожим на жужжание роя разгневанных пчёл, а воздух вокруг загустел,

став осязаемым от концентрированной мощи. Свет в покоех поменялся — тени стали резче, а пылинки в солнечных лучах закружились в бешеном танце.

— Готов? — спросила она, взглянув на него, а её голос звучал приглушённо и странно, словно доносясь из другого измерения.

Аэрион кивнул, не в силах отвести взгляд. Мурашки пробежали по его коже не только от предвкушения побега, но и от этого завораживающего чуда. Он видел, как многие использовали магию — как инструмент, как оружие, но лишь в её руках она выглядела как искусство и естественное продолжение самого её существа. И это зрелище он готов был наблюдать вечно.

Аурика вытянула руку, и её пальцы встретились с ладонью Аэриона. В тот же миг их кожу переплела золотистая нить света, сплетая их судьбы в единый клубок на краткий миг. Поток сияния окутал их, сформировав вокруг мерцающий кокон из чистой солнечной энергии.

Вспышка.

Короткий миг невесомости, словно падение, — и они растворились в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое колыхание занавесок, взметнувшиеся в танце пылинки и стойкий запах жаркой пустыни, смешанный с ароматом растопленной мирры. Они материализовались на узкой безлюдной улочке, залитой щедрым полуденным солнцем. Вокруг царил непривычная тишина, нарушаемая только ленивым шеле-

стом ветра, игравшего листвою где-то за забором.

— Ну что, теперь мы простые смертные, затерявшиеся в толпе? — усмехнулся Аэрион, с наслаждением разминая плечи, освобождённые от давящей робы. — Или планируешь и дальше сиять как маяк, выдавая нас с головой?

Аурика огляделась, жадно вдыхая воздух, пахнувший пылью, пряностями и едой, и слегка сморщила носик.

— Ни за что на свете! С меня хватит притворяться бедной крестьянкой, — фыркнула она, натягивая на лицо золотистую вуаль. — Вот теперь можно выйти в город и, наконец, вдохнуть воздух свободы. Пусть даже он и пахнет... ну, всем этим.

Они растворились в бурлящей уличной суете. Капюшон Аэриона был натянут так низко, что скрывал не только черты лица, но и перья, обрамлявшие его уши; лишь лёгкое нервное трепетание под тканью выдавало «Крылья Послушника», будто пытавшиеся вырваться из заточения. Аурика же, закутанная в сияющую вуаль, напоминала загадочную аристократку: даже сквозь полупрозрачную ткань угадывалось надменное выражение лица, а непокорные золотые локоны так и норовили выбиться из-под капюшона.

Город встретил их оглушительной какофонией жизни: грохот телег по булыжникам, пронзительные крики разносчиков, многослойная смесь пота, специй, гниющей на причале рыбы и перезрелых фруктов. Аурика морщилась, будто каждый вдох обжигал её изнутри, и нервно прижимала край

плаща к носу, пытаясь отфильтровать эту вонь.

— Какая мерзость... — прошипела она, брезгливым взглядом скользя по прилавкам с безделушками, безошибочно выхватывая фальшь. — Медь, покрытая слоем позолоты. Свинец, который пытаются выдать за олово. И всё это — в обрамлении стёкол, притворяющихся самоцветами. Даже своё убожество они не могут продать честно.

Аэрион усмехнулся, наблюдая за её презрительной гримасой.

— Чем богаты, тому и рады. Не всем же купаться в шелках и черпать силу из самородков, — произнёс он ровным тоном, словно уговаривая расшалившегося ребёнка. — Это, сияющая, твоя уникальная привилегия.

— Здесь даже воздух пропитан обманом, — процедила Аурика.

— А ты представляешь, чем пахло бы, если бы у них было всё золото аурелийцев? — Аэрион лениво оперся на покосившийся столб, пока она оглядывала очередной прилавок, и его ухмылка стала шире. — Вонь неприкрытой алчности куда страшнее простой грязи и вранья. Это же люди...

Они пробирались дальше, мимо лавок, где горами громоздились пёстрые ткани, мешки с пыльными специями и груды безделушек. Аурика, ворча, то и дело отдёргивала плащ, цеплявшийся за грубые края прилавков, а Аэрион с неподдельным интересом задерживался, рассматривая побрякушки:

— Смотри-ка, тут кулон в виде драконьего когтя! — Аэрион подхватил вещицу с таким видом, будто держал как минимум императорскую регалию. — Настоящая сильванорская экзотика. Хочешь, подарю? Будешь носить и всем рассказывать, что твой покорный Глас лично добыл его в битве.

Аурика бросила оценивающий взгляд на вещицу и тут же разочарованно вздохнула.

— Это рог старой козы, покрытый лаком, идиот... Перестань позориться.

Шум рыночной суеты сменился настороженным гулом. Толпа заколыхалась и начала поспешно расступаться. Давка стала такой, что Аэрион инстинктивно выставил руку, прикрывая Аурику, и впервые за день его поза потеряла расслабленность, а в плечах появилась собранная готовность. Аурика же почувствовала, как её сердце забилося чаще, поддаваясь этой тревожной волне, пробежавшей по людскому сборищу.

— Что происходит? — спросила она, вставая на цыпочки и цепляясь за его плащ, чтобы удержаться в напирющей толпе.

— Шествие. Кто-то важный идёт, — ответил Аэрион. Его взгляд его скользнул по лицам вокруг, отмечая смесь страха и любопытства. — Слишком много страха в воздухе для императорского кортежа. Скорее, один из воинских Орденов. Причём не тот, кого с улыбками и танцами встречают.

Орден Стальной Вершины вбивал себя в пространство

города, как железный клин. Впереди, словно воплощённый гнев горных недр, шагал вождь — Райгар Аэлиндорн. Его доспехи из лучшей стали были отполированы до холодного сияния, и казалось, его тело высечено из цельного скального монолита. Он возвышался над толпой на несколько голов, и даже его тень, падающая на мостовую, будто имела собственный вес. Железные кольца, вплетённые в бороду, мерно и зловеще звенели при каждом шаге. Плащ цвета грозового неба, подбитый шкурой белого волка, вздымался за его спиной, как крылья. Лицо не выражало ни гнева, ни высокомерия — лишь абсолютную решимость. Казалось, ничто в этом мире — ни крики толпы, ни сам город — не могло отвлечь его от неведомой, великой цели.

Воины-аэрн'тале, выстроившиеся за ним идеальным строем, шагали в унисон. От грохочущих ударов их сапог по булыжникам содрогался воздух и вибрировали стены домов. Они шли, и даже хаотичная жизнь рынка замирала, отступая перед этой отчеканенной походкой неумолимой силы.

По правую руку от Райгара двигалась леди Эллен — высокая и стройная, с идеальной осанкой. Каждый её шаг был отмерен и полон незыблемого достоинства. Волосы, густые и чёрные как смоль, были убраны в сложную, но лишённую вычурности причёску, из которой ни одна прядь не смела выбиться. Их венчала диадема из чистого горного хрусталя. Её лицо с высокими скулами и тонкими чертами было холодно и совершенно: ни улыбки, ни хмурости, но в глазах

цвета тёмного металла таилась настоящая стужа.

За ними, являя миру два противоположных полюса, рождённые одной кровью, следовали дочери. Младшая, Таариса, была вылитой копией отца, лишь облачённой в женскую форму. Её доспехи сидели на ней с той же функциональной строгостью, что и на Райгаре. Густые тёмные брови сходились в вечной складке недовольства и готовности к броску. Длинные волосы цвета воронова крыла были наполовину стянуты в тугий хвост, обнажая лицо с резкими чертами — высокие скулы, в меру широкий подбородок, жёсткая линия губ. На её широком поясе висел боевой меч — оружие с тяжёлым, массивным клинком, созданное для сокрушительных ударов, а не для фехтовальных уловок. Она шагала, глядя прямо перед собой, и её острый взгляд скользил поверх голов толпы, но даже в этой обдуманной суровости сквозила особая, дикая и неуёмная красота. В ней не было ни капли хрупкости или нежности — лишь сконцентрированная, готовая высвободиться в любой миг сила.

Старшая же... Феарида Аэлиндорн. «Серебряная леди Торвенгара».

На фоне своих сородичей-великанов она казалась тенью — недостаточно высокая, чтобы соответствовать их идеалу, статная, но хрупкая для аэрн'тале. Видимость была обманчива: не грубая мощь меча, но выверенная сила тетивы, натянутой перед выстрелом. Черты девушки, однако, были вылеплены иначе: острый подбородок, тонкие губы, запечатав-

шие тысячу невысказанных мыслей, и нос с аристократичной горбинкой, делавший её профиль удивительно запоминающимся. В её глазах, цветом напоминавших застывший лёд, читалась спокойная, отрешённая наблюдательность. По платью её, тёмному, как ночное небо, вилась сложная серебристая вышивка, что переливалась при движении. Мелодичный звон её доспехов, скорее напоминавших искусные украшения, тонул в грохоте шагов родичей, а поступь была поразительно бесшумной.

Вслед Феариде в толпе рождался шёпот: «...Слыхали? Мать нагуляла, говорят, а вождь в живых оставил обеих...»

Толпа замерла, подавленная незыблемой тяжестью их присутствия. Даже ветер стих, будто опасаясь нарушить этот суровый ритуал власти. Шествие Ордена Стальных Вершин живо напоминало: они — скала, а весь шумный мир вокруг — лишь пыль у её подножия.

— Я был прав. Это не Император, — прошептал Аэрион, и в его голосе дрогнула непривычная нотка сдержанного восторга. — Орден Стальной Вершины... Аэрн'тале. Наконец-то прибыли. Задержались, вероятно, из-за дальней дороги... — добавил он с натянутой небрежностью, но его взгляд вновь прилип к процессии, жадно выхватывая детали.

Аурика, забыв о всяких приличиях, отпихнула его, вцепляясь пальцами в плечо.

— Дай посмотреть! И уродка тоже здесь?!

Аэрион едва удержал равновесие, но не столько от толчка,

сколько от её слов.

— Уродка? — его бровь взлетела вверх в искреннем изумлении. — Если быть «уродом» означает выглядеть так, клянусь Истинным, я готов грешить с уродинами до скончания веков...

Нефелиец усмехнулся своей же шутке, но Аурика даже не оглянулась на него — её сознание полностью захватила фигура, шедшая среди каменных великанов, казавшаяся такой чужеродной.

Аурика смотрела на эти белые волосы, на лёгкую поступь — и чувствовала, как внутри поднимается необъяснимая, жгучая злость. Словно само существование этой девушки было личным оскорблением.

— Ох... — невольно вырвалось у Аэриона, и в этом звуке было чистое, неподдельное восхищение.

— Что, «ох»? — Аурика фыркнула, её собственный взгляд всё ещё впивался в Феариду со странной смесью зависти и раздражения. — И что она, по-твоему, сможет показать на Турнире?

— Вот в этом-то и загадка, — Аэрион наклонился к её уху с намеренно дразнящей интонацией. — Она как фарфоровая статуэтка в кузнице. Настолько не на своём месте, что не может не притягивать взоры. И, насколько мне известно, женщины аэрд'тале весьма редко идут по пути воина. Должно быть в ней что-то особенное. Что-то, что вынудило отца не задушить её ещё в младенчестве. Ты же знаешь их законы:

слабых детей не растят. Посмотри на остальных — все темноволосые, и тут она. Белая ворона. Нет, не ворона... снежный барс среди волков.

Аурика резко отвернулась, с силой сжав губы. Всё в этой аэрн'тале вызывало у неё приступ раздражения: и то, как идеально лежат серебристые пряди на плечах, и плавность каждого движения, словно ей неведома земная тяжесть.

— Говорят, их род окончательно забыл о магии, вложив все силы в эти бугры, — язвительно бросила она, кивком указывая на ближайшего воина с плечами, способными сокрушить быка. — Но она... Нет. Всё равно такая же громила.

— Она — наследница, — мягко перебил Аэрион. — Смотри — шагает в одном строю, не отставая. Держится с гордостью. Чистая стальная кровь. Не понимаю, откуда эти грязные слухи... Взгляни, черты лица — вылитый отец.

В этот момент Феарида чуть повернула голову. Случайно. Мимоходом. Её ледяной взгляд прошёлся по толпе и на долю секунды встретился с глазами Аурики. Аурелийка резко отпрянула.

— Вот видишь?! — прошипела она, содрогаясь. — Даже смотреть противно...

— Неужели? — Аэрион улыбнулся, продолжая любоваться Серебряной леди. — Тебе тоже нравится.

— Что?! Нет!

— Именно так. Ты злишься, потому что она красива и ты не ожидала от этой «громилы», как ты её назвала, та-

кой утончённости. А теперь боишься, что она затмит тебя на Турнире.

Аурика открыла рот, чтобы излить поток язвительности, но в этот момент толпа, заморожённая зрелищем, дрогнула и хлынула вперёд. Феарида скользнула мимо, оставляя за собой шлейф шёпота: «Проклятая...», «Не от мира сего...», «Ведьма...».

Аэрион вздохнул, провожая воинов аэрн'тале взглядом.

— Какая редкая, ледяная красота...

Аурика вскинула подбородок.

— Ага, того и гляди, растает под жарким солнцем, как сосулька, — фыркнула девушка, а под вуалью её щёки пылали жаром.

Глава 8. Театр уличных истин

Центр города встретил их кружевом запахов: дым жаровен, сладковатая гниль перезрелых фруктов, терпкий аромат краски с фасадов домов. Аурика шла, подняв подбородок, будто бросая вызов серым каменным стенам, облепленным деревянными ставнями. Аэрион же, напротив, растворялся в толпе: его капюшон съехал набок, открывая кудри, в которых запутались солнечные блики, а перья на ушах дрожали при каждом повороте головы.

— Смотри, — он ткнул пальцем в резную дверь с изображением зверя, пожирающего небесные светила, и хохотнул. — Говорят, такие ставят только те, кто верит в байки о богах Бездны. Эх, еретики!

— Верит или боится? — Аурика отшатнулась от лотка с тухлой рыбой. — Фу! Здесь даже суеверия воняют.

— Бездны всегда боятся. И правильно делают, — Аэрион пожал плечами: — А вот тот, кто не боится — тот либо святой, либо Дурак. Вроде того, что до Стен Предела дошёл и до шести и одного досчитал. Слышала эту историю?

Аурика резко повернулась к нему, и в её глазах мелькнул укор: такие вещи не обсуждали при свете дня.

Они вышли на площадь, где столпилась куча народа. На возвышении, сколоченном из потемневших досок, метались актёры в пёстрых лохмотьях. Декорации — картонные горы

и тканевые подоби́я дере́вьев — трепало ветром, но зрители, затаив дыхание, ловили каждое движение.

— Давай посмотрим? — Аэрион потянул её за рукав. — Перевернут, конечно. Сильванорок небось выставят чудищами в духе последних столичных памфлетов. После всех этих императорских указов о «нежелательных сочувствующих полукровкам»... Сама знаешь: матриархат, магия, границы на замке уже четверть века. Идеальный козёл отпущения.

— Ну разумеется, — фыркнула аурелийка. — Единственный Орден, который не прогнулся под Императора. За это их и малюют то чудищами, то божественными девами — по потребности. А в перерывах доят ресурсы как с коров, и все делают вид, что так и надо.

Аэрион покосился на неё с хитрой улыбкой:

— Умница.

Аурика поймала этот взгляд и тут же отвернулась, скривив губы:

— И вообще это не представление, а клоунада. Посмотри на декорации. Один картон, да палки! Фу! — но ноги уже сами несли её к скамьям, где торговцы пытались впарить зрителям жареные каштаны.

Они уселись в заднем ряду. Аэрион развалился, закинув ногу на ногу, а Аурика, ёрзая, пыталась сдерживать язвительные комментарии о липкой скамье, пахнущей потом и маслом. Флейты завывали, призывая к тишине, и толпа загудела оживлённее, подавшись вперёд с явным предвкушением.

— Гляди, это же Искроуст! — выкрикнул кто-то, и имя пронеслось по рядам, подхваченное десятком голосов.

— Тот самый, что про Верховный Орден так чесал, что аж бока надорвал? — хохотнул дородный мужик, пихая соседа локтем.

— Он, он! Я его в прошлый раз медовыми пряниками угощал, так он мне и ребятам полчаса сверхурочно рассказывал! — отозвался другой. — Глотка — что колокол, не зря Искроустом прозвали.

На зыбкие подмостки вышел черноволосый юноша. Он не произнёс ни слова — просто стоял и улыбался, но площадь уже затихала. Молчание длилось недолго — ровно столько, чтобы зрители затаили дыхание, но недостаточно долго, чтобы начали скучать. Искроуст знал этот миг. И любил его.

— Слушай, слушай, добрый народ, историю, что старше этих улиц! — возвестил он наконец, взмахнув рукой, и голос его ударил под самое небо.

Его тёмные глаза скользили по толпе, пересчитывая зна-

комые лица, задерживаясь на новых, — и вдруг взгляд за-
пнулся. Задний ряд. Две фигуры, подозрительно ладные для
здесьних завсегдатаев, закутанные в слишком дорогие тка-
ни для бедняков. Юноша с голубой кожей — явно нефели-
ец. Редкие гости подобных зрелищ. Девушка, чью вуаль не
подпортила даже рыночная пыль. Аурелийка. Искроуст на
миг осёкся. Его улыбка не дрогнула, но взгляд стал острее,
прежде чем он с прежней лёгкостью скользнул дальше.

Аэрион тут же наклонился к Аурике, хотя сам неотрывно
следил за юношей на сцене.

— Ну вот и началось, — шепнул он с усмешкой. — Готовь
уши к великим подвигам предков. А заодно глянь на этого —
толпу держит, дай Истинный каждому проповеднику такую
хватку...

Он осёкся на мгновение, прищурился и добавил ещё ти-
ше:

— Где-то я его уже видел...

— Ой, да брось, — Аурика возвела глаза к небу. — Все
рассказчики на одно лицо — вдохновенные и голодные. В
столице таких по три десятка на каждой площади.

Аэрион не ответил, но и взгляда от сцены не отвёл.

— Когда мир был юн, — голос Искроуста разнёсся так
мощно, что даже голуби на соседней крыше встрепнулись,
— а горы вздымались к небу, как клыки первозданных чу-
довищ, в их неприступных ущельях зародилось племя, чьи
имена до сих пор звучат в легендах!

Позади него на выцветшем чёрном фоне зажглись два факела, отбрасывая гигантские пляшущие тени. Он простёр руку к зрителям, и каждый, на кого упал его взгляд, мог поклясться, что рассказчик обращается именно к нему.

— Аэрн'тале — народ, возвращённый войной и закалённый пламенем божественной воли! — толпа ахнула, когда из-за кулис появились два актёра в грубых масках, изображающих богов. Один, в рваной накидке цвета снега, вздымал булафорский молот. Вторая, в багровом, рассыпала по сцене красные лоскуты ткани. — Их история началась там, где земля плачет кровавыми реками, а ледяные ветра поют песни забытых богов!

Толпа затаила дыхание. Акробаты в серых плащах замесались среди развевающихся тканей и дымящихся жаровен, изображая души предков, затерянные в буране. Искроуст зашагал по сцене, широко и хищно, будто сам был одним из тех первобытных воинов.

— Боги гор — Карагнар, Отец Вершин и Снегов, и Ирагаст, Мать Крови и Ярости, — спустились однажды в долины, ища воинов, достойных стать их щитом. И нашли они племя, чьи тела были крепче камня, а души — чище родниковых вод! «Пройдёте испытания — станете нашими мечами», — прогремел глас Карагнара, и горы содрогнулись. И лишь горстка выживших выползла из пекла! Их рёбра обнажились, как горные хребты, а в глазах тлел багровый отсвет божественной ярости!

Искроуст с силой ударил кулаком по ладони, вскинув голову.

— Но всякий дар имеет цену! Ирагаст научила их искусствуковки, где плавилась и металлы, и сама плоть, — актёр в багровом взмахнул алым шарфом над головой рассказчика. — Кузнецы аэрн'тале вскрывали вены, окропляя клинки и доспехи своей кровью, и каждая капля, падая на раскалённый металл, выжигала руны — письма богов!

Голос, удивительно сильный для столь юного парня, гремел, а на сцене актёр с грохотом бил молотом по щиту. Искроуст широко раскинул руки.

— И боги даровали им свою силу! Аэрн'тале стали крепче любого другого народа. Их кости не ломаются, даже если воин сорвётся с ледяного утёса! Мороз, что убивает любого человека за час, им — что летний ветерок! Их желудки переваривают сырое мясо, а кожа не чувствует укусов стужи. Спросите же: почему? — он обвёл взглядом толпу и вдруг выкрикнул, заставив ближайшего зеваку отшатнуться: — А потому что сама ярость богов течёт в их жилах! Ярость, что согревает изнутри и делает их плоть несокрушимой!

Он балансировал по самому краю подмостков, и продолжал уже мягче:

— Но за всё приходится платить. И ценой стала сама земля, что их породила. Боги поселили свой народ среди вершин, где ночи длятся годами, где воздух рвёт лёгкие, а солнце — редкий гость. Только там, на краю мира, в вечной бит-

ве с голодом и холодом, мог жить этот стальной народ. Потому что изнеженные долины убили бы их дух, как убивает воина безделье.

Искроуст прошёл к центру сцены, и актёры подались в стороны, освобождая место.

— Их первая великая битва грянула у подножия гор Карагнара. Из Бездны, что зияла меж горных корней, полезли твари с когтями из обсидиана, что ныне мир помнит как вальгармов. Три дня и три ночи аэрн'тале рубили их, пока снега не почернели от крови, а небо не затянуло пеплом, — актёры в масках тварей корчились на сцене, а воин с деревянным мечом разил их одного за другим. — Когда пал последний чудовищный вожак, боги явились во снах победителям: «Отныне вы — наши стражи, и покуда стоят горы — будет стоять и весь мир».

Он выпрямился, и его голос зазвучал с мрачной торжественностью:

— С тех пор аэрн'тале стали стражами горных проходов Империи Зельвальт'андор. В их кузницах днём и ночью ковали оружие, кровь в жилах кипела, а в глазах горела ярость давно усопших богов. Но даже их сила имела свою тёмную сторону...

Искроуст склонился к толпе, и голос его тут же сделался низким и гортанным. Звук вибрировал в груди, заставляя зрителей невольно пятиться. Актёры застыли, изображая парализованных страхом воинов.

— Когда клинки аэрн'тале вонзаются в плоть... в их жилах просыпается Голод. Чёрная пучина, что тянет разум в Бездну! И зовут они это Раккар-Тор — «Танец Безумия»! Глаза воина мутнеют, он уже не отличает врага от брата и не слышит приказов. Он слышит только стук сердец — и жаждет заставить их замолчать! Видит только плоть, что нужно разорвать! И тогда... он начинает *петь*. Сначала — едва слышный шёпот, но с каждым ударом меча, с каждым хрустом костей песнь становится громче, пока не превращается в жуткий гимн, что заглушает любые крики! И верят аэрн'тале: это голос самой Ирагаст. Матерь Крови и Ярости поёт в каждом из воинов свою песнь.

Актёр, игравший воина, внезапно взревел и бросился на своих товарищей. Деревянный меч с треском опустился на щит, другой актёр упал, сжимая грудь, будто пронзённый.

— Их доспехи трещат, не выдерживая мощи мускулов, а руны на оружии вспыхивают алым, ведь даже сталь не может сдержать ярости хозяина. Союзники бегут прочь, шепча молитвы богам... но боги молчат... — Искроуст выдержал ледяную паузу и закончил шёпотом, от которого у Аурики по спине пробежал холодок: — Ведь они... *хотят этого*.

Он резко вскинул голову, и его голос загремел снова, полный триумфа:

— И нет в этом мире силы, способной остановить воина в Раккар-Торе! Он не чувствует боли. Магическая блокада, сплетённая лучшими умами пруденитов, рассыплется

под его клинком, как стекло! Сталь аэри'тале, рождённая в горнах Карагнара и закалённая кровью Ирагаст, рубит саму суть чар. И когда цепенеют величайшие маги, а их заклинания обращаются в прах, воин уже не слышит ни криков, ни молитв — только голос крови, зовущий убивать.

Искроуст обвёл взглядом притихшую площадь; в наступившей тишине его голос прозвучал с неожиданной грустью.

— По сей день в клане Аэлиндорн, что ныне правит Стальными Вершинами, помнят эту историю. Сам нынешний вождь, грозный Райгар Аэлиндорн, ещё юношей отправился со старшим братом и отрядом охотников за скальной виверной, как того требовал обычай. Они нашли логово зверя, но наткнулись на целую стаю вальгармов! И в тот день Раккар-Тор проснулся в крови младшего наследника! Его глаза застлала красная пелена, и ранил он собственного брата, перестав различать, где чудовище, а где родная кровь. А когда безумие на миг отпустило его, и он увидел, что натворил...

Сказитель замолчал, и площадь затаила дыхание вместе с ним.

— Один, — прошептал он. — Совсем один, среди льдов и наступающих из тьмы вальгармов. И вместо того чтобы пасть на колени, он поднял свой меч и уничтожил всех тварей до единой, убив даже дракона. А когда вернулся он в крепость с головой виверны, народ склонил свои головы. Потому что брат его умер от ран, и Райгар остался единственным наслед-

ником, но он доказал, что он — сильнейший. И с тех самых пор ни один воин в Торвенгаре не смеет бросить ему вызов, ибо его власть выкована не только из стали, но и из самой страшной трагедии, какую только может пережить аэри'тале.

Юноша шагнул к самому краю сцены, и его голос упал до свистящего шёпота, который, однако, был слышен каждому:

— Старейшины шепчут: «За силу платят кровью...», но молодые всё равно просятся в бой. Ведь кто устоит перед зовом, что поёт в их жилах...

Искроуст выпрямился во весь рост, вскинул руку к небу, и финальные слова прогремели над толпой:

— ...*Руби. Коли. Убей. Пока не останешься один.*

Он резко опустил руку. Актёры за его спиной, изображавшие павших товарищей, так и остались лежать — неподвижные, среди разбросанных красных лоскутов. Тишина сгустилась до предела, и в ней отчётливо зазвучал треск факелов.

А потом площадь обрушила на него шквал рукоплесканий, и юноша склонился в изящном поклоне.

Аэрион медленно выдохнул. Обернувшись, чтобы привычно подколоть Аурику, он замер. Даже сквозь вуаль было видно, как приоткрылись её губы, а глаза, не мигая, всё ещё смотрели на сцену.

— Ну что, — прошептал он, наклонившись к самому её уху, — по-твоему, и это плохо?

Аурика вздрогнула. Прежде чем она успела гордо вскинуть подбородок и выдать что-то колкое, Аэрион с тихим

смешком легонько нажал пальцем на её подбородок и приоткрытые губы послушно сомкнулись.

— Ты заслушалась, Солейн. Это не преступление, юнец и правда знает своё дело.

Аурелийка резко отстранилась, сверкнув на него своими золотыми глазами, но вместо гневной тирады лишь сжала губы.

— Не называй меня так, — прошипела она, пряча смущение за нахмуренными бровями.

А на сцене юноша всё ещё отвешивал поклоны под бурные, неутихающие хлопки, и его лицо озаряла улыбка. Дождавшись, когда овации стихнут, он взмахнул рукой, и актёры за сценой начали менять грозные горные декорации на свисающие ткани цвета изумруда и бирюзы, на ветви, сплетённые из прутьев и бумажных листьев. И в воздухе поплыл сладковатый дым ароматических палочек.

— Но не одним стальным клинком крепка Империя! — возвестил он, и его голос вновь заморозил толпу, легко переключая её внимание. — Послушайте же теперь о тех, чья сила — в гибкости ума и мощи самой природы! В те времена, когда мир дышал первозданной свежестью, — слова зазвучали мелодичнее, — а леса простирались изумрудными морями до края земли, в их чаще зародился народ, чья красота спорила с самими звёздами!

— О! Слышишь, как запел? Кажется, в этот раз сильванорцы прислали в столицу хорошие дары, — шепнул Аэри-

он с усмешкой. — Сегодня, похоже, будем слушать оду цветочкам.

Аурика, не оборачиваясь, ткнула его локтем в бок.

— Тихо ты! Дай послушать, — прошипела она.

На сцене, в лучах жёлтого света, появился актёр в струящихся одеждах, изображающий юношу с серебряными волосами и кожей, лишённой красок, — Лунелиса.

— Первый из сильванорцев был из числа владеющих красотой, что дарует избранным лишь луна, — провозгласил Искроуст, и его голос налился трепетом. — Лунелис был рождён под её серебряным оком, отмеченный ею с первого вздоха. Его шаги, лёгкие, как падение листа, не нарушали тишину, — лишь совы, мудрые стражи ночи, провожали его взглядами. И однажды нашёл он цветок об алых лепестках, что горели в темноте, источая аромат, смешавший сладость мёда и дым костра. Но Лунелис не сорвал его! Напротив — он преклонил колено и заговорил с ним.

— Ты — как искра среди вечной ночи... — шептал актёр, а тканевый цветок, подвешенный за ниточки, колыхался в ответ, будто внемля его словам.

— Шли месяцы, и каждую ночь Лунелис приходил к алому чуду, рассказывая о прекрасных певчих птицах, о ручьях, спорящих с камнями, о снах, где он летал над лесом и океаном. И однажды цветок... ответил.

В этот момент на сцене вспыхнул красный фонарь, выхватывая из темноты шёлковый бутон, а из-за кулис выбежала

актриса с алыми волосами до самой земли. В руках её метались длинные лоскуты ткани, изображавшие танцующие языки огня.

— Ты подарил мне своё время, а я подарю тебе вечность!
— воскликнула она. — Твоя доброта и чистая душа тронули моё сердце!

— И взяла она его руку, — продолжил Искроуст, — и земля под ногами Лунелиса ожила: корни расступились, открывая путь в сердце леса, где воздух дрожал от магии. Они шли сквозь рощи, где деревья склоняли ветви в поклоне, а реки замирали, и там расцвела их любовь — вспышка, опалившая небо зарёй. Когда Илл'Танар подарила своим детям жизнь, она вдохнула в их души Норэ'ленн'ас — Цветы Судьбы, что даруют магию: умение повелевать стихиями, беседовать с духами и врачевать раны росой!

На сцену выпорхнули танцовщицы в струящихся зелёных нарядах — юные актрисы, изображавшие первых дочерей сильванорского народа. Их босые ноги застучали по доскам в сложном ритме, а руки взлетали, переплетаясь, словно ветви деревьев. Искроуст повысил голос, и каждое его слово ложилось на этот танец:

— Их оружием были танец и стихии! Самые искусные из них — дети До'Ленн'Тар, правящий род, чьи алые волосы говорят: в их жилах кровь самой богини! — он указал на актрису-богиню, и та медленно провела рукой по своим алым прядям, рассыпая по сцене золотые искры.

Танец становился всё стремительнее: девушки кружились, и зелёная ткань их нарядов вздымалась вихрем, создавая иллюзию живого леса. Они выстраивались в цепь, размыкались и сходились вновь, будто парили над сценой.

— Даже сегодня, когда другие Ордена куют сталь, сильванорцы учат детей ловить ветер ладонями и слушать песни ручьёв, — голос Искроуста взлетел над площадью. — Их чертоги не строят — их выращивают, каждый корень помнит прикосновение богини, а каждый лист готов обернуться клинком в её защиту!

Танцовщицы замерли в финальной позе — круг, сплетённый из рук, словно венок из ветвей. А в центре стояла актриса-богиня, простирая руки к небу, и алые лоскуты ткани в её ладонях всё ещё трепетали, как живое пламя.

— Но знайте: Илл'Танар милостива к тем, кто чтит её дар, — голос Искроуста упал до шёпота, — но не щадит она и собственных детей, если те пойдут против её воли. И горе тому, кто осмелится вырвать чужой Цветок Судьбы...

На сцену, шатаясь, вышел актёр, что тянул руки к зрителям и пальцы его неестественно скрючивались. Под зловещий барабанный бой он рухнул на колени, а руки его медленно задирались вверх, замирая, будто становясь деревянными.

— Но куда большее горе настигнет того, кто посмеет вырвать... свой собственный цветок, — прошептал Искроуст.

На сцену, прижимая к груди свёрток, изображавший мла-

денца, вышел мужчина с рыжими волосами. Рядом с ним, опираясь на его плечо, шла женщина с алыми, как у богини, прядями. Они смотрели друг на друга с такой нежностью, что толпа затаила дыхание.

Но вдруг из-за кулис вылетела чёрная тень — актёр в огромном плаще, что клубился дымом. Он скакал меж зрителей, заставляя их вскрикивать и отшатываться, и в один прыжок взвился на сцену.

Мужчина замер, прижимая ребёнка к груди. Тень кружила вокруг него, и мужчина всё ниже клонился к земле, а когда он поднял голову — тень вырвала свёрток из его рук и исчезла во тьме за кулисами. Аловолосая актриса рухнула на колени, простирая руки к небу в немой мольбе.

Тишина.

Мужчина закричал. Он бегал по сцене, простирая руки к богине, падал на колени перед ней, но актриса в алом не двигалась. Её лицо не выражало ни гнева, ни скорби — лишь непостижимое спокойствие. Он кричал, умоляя вернуть его доченьку. Но богиня молчала.

— И похитила тьма дитя, — голос Искроуста наполнился искренней болью. — Молил отец вернуть ему дочь, он кричал до хрипа, раздирая ногтями грудь... И тогда, обезумев от горя, он сделал то, чего не смел ещё ни один силванорец...

Актёр с рыжими волосами замер. Медленно, словно против собственной воли, он опустил взгляд на свою грудь, и зрители увидели, как из складок его туники показался бутон,

сделанный из алой ткани: Цветок Судьбы, Норэ'ленн'ас.

— Мне незачем жить без моей дочери! Забери свой дар, богиня, — я отрекаюсь от него!

С этими словами актёр сжал бутон в кулаке. Лицо его искалось мукой, и он с воплем вырвал Цветок Судьбы из своей груди. Алые лоскуты лепестков брызнули по сцене, словно капли крови. Он рухнул на колени, ожидая конца... но смерть не пришла.

Богиня, чьё лицо до этого было прекрасным и недостижимым, опустилась на колени рядом с ним. Её плечи дрогнули, и она положила ладонь на его голову. Слезы заструились по её щекам. Богиня плакала. Плакала вместе с ним.

Искроуст заговорил вновь:

— Говорят, в тот миг сама Илл'Танар склонилась перед горем смертного, потому что даже она не могла вернуть ему дочь. Даже богиня была бессильна перед этой утратой.

Он сделал паузу, и в тишине стало слышно, как всхлипывает какая-то женщина в толпе.

— Никто не знает, почему она не убила его. Ведь он кричал, чтобы она забрала и его — если его дитя мертво, но богиня лишь качала головой. Потому что, как говорят сильванорцы, высшее милосердие — это жизнь. А Илл'Танар милосердна. Всегда.

Искроуст выпрямился, и его голос набрал силу, но не утратил печали:

— И ходят слухи, что Эухарис До'Ленн'Тар, супруг ны-

нешнего матриарха, жив и поныне, но тонкая душа сильванорца, что чувствует малейшие колебания в мире, не выдержала этой муки, и разум его померк. Вырвать свой Цветок Судьбы под силу лишь величайшим магам — и он был таким. Но даже великий маг не смог вынести того, что обрушилось на него.

По рядам пробежал тревожный шёпот. Кто-то осенял себя знаменiem, кто-то качал головой. Аурика и Аэрион не сводили взглядов со сцены.

— Но богиня не оставила дом До'Ленн'Тар! — голос скажителя вновь набрал силу. — Она даровала матриарху Алых Лепестков ещё одно дитя. Не девочку — о нет, — но мальчика. Принца Леса и Пламени, что шепчет Луне о любви! Единственного нынешнего наследника великого рода, чьи алые волосы сияют, как закат над Лириэ'Арнес!

Он вскинул руку, и актриса-богиня, всё ещё стоящая на коленях рядом с рыжеволосым актёром, подняла голову. Сквозь слёзы на её лице проступила улыбка, полная надежды. А в глубине сцены, в клубах золотистого дыма, на миг проступил силуэт юного танцора с алыми лентами в волосах. И богиня протянула к нему руку.

— Корни сильны, когда сплетены! — возгласил Искроуст, и танцовщицы за его спиной вновь вышли из-за кулис и взялись за руки. — И помните: меч ржавеет, стрелы ломаются, но ветер, вода и корни — вечны. И пока стоит Лириэ'Арнес, пока в его садах распускаются цветы, — в этом мире жива

любовь. А где любовь — там и надежда. И душа, которую не сломить никакой стали!

Площадь взорвалась аплодисментами, но в этот раз в них слышался не только восторг, но и всхлипы зрителей. Искроуст тяжело дышал, но сиял. Он принимал восторги публики с широко раскрытыми руками.

Последние отблески представления угасли вместе с сумерками, оставив после себя лишь эхо оваций и щемящую грусть. Аэрион краем глаза заметил, как Аурика поспешно касалась уголков глаз.

— Ну что, удовлетворила твоё высокомерное сердце местная драматургия? — спросил он, пряча за усмешкой собственную заинтересованность.

— Не смейся... — Аурика отвела взгляд, но не сдержала робкой улыбки. — Даже посреди этой грязной толпы найдётся место красоте и настоящему искусству.

Аэрион звонко рассмеялся — так, что некоторые прохожие обернулись.

— Тогда предлагаю оценить ещё и искусство жизни, — он наклонился, будто делясь тайной. — Знаешь, здесь есть таверна, где поют не о богах и героях, а о... напитках покрепче.

Аурика замерла, словно ужаленная. Глаза, сиявшие ещё секунду назад, сузились до щёлочек:

— Ты... предлагаешь мне — наследнице Солейн! — спуститься в... помойку? — её шёпот напоминал шипение раскалённого железа, но в нём проскальзывала нотка смущения.

— Ты знаешь, что подумают, если увидят нас вдвоём в таком месте? Это не просто неприлично, это... — она запнулась, не в силах вымолвить вслух то, о чём никогда не говорили в высшем обществе. Общение представителей разных рас на публике было одним делом, но такое фамильярное посещение таверны... могло обернуться для обоих катастрофой.

— Тише, сияющая моя, — он прижал палец к её губам сквозь вуаль, и ткань съёжилась под касанием. Дыхание Аурики на миг остановилось. В фиалковых глазах нефелийца, под тенью длинных тёмных ресниц, вспыхнули искры. — Выбирай же: давиться пылью дворцов или узнать город во всей его... подлинности?

Она отшатнулась, чувствуя, как к лицу приливает тепло. Игривость Аэриона всегда сбивала её с толку, нарушая все истины и правила, которым её учили с детства. Как он смел быть таким... таким близким, когда между ними лежала пропасть, разделявшая не только их статус, но и саму их природу? Аэрион уловил её смятение, и его голос смягчился, приняв сладковато-воркующий оттенок.

— В тавернах не только пьянство, — продолжил он, отводя руку. Улыбка вернулась — лучезарная и невинная. — Там... слухи. Легенды, которых нет в книгах. Всё, что придворные лгуны боятся рассказать нам — наследникам.

Он потянулся к ней, так, что его волосы коснулись её щеки.

— Ты ведь никогда не видела, как пьяные пытаются петь

гимны Истинному, м? То ещё зрелище, — пропел он. — Наш добрый Многоликий — единственный, кому молятся, икая и расплёскивая эль. По-моему, именно так и звучит истинная вера.

Аурика замерла. В его словах таилась игривость, но в глубине взгляда тлело что-то мрачное. Она замечала это всегда: под его блаженной улыбкой темнела пустошь, и она затягивала всё, что осмеливалось заглянуть слишком глубоко. И эта двойственность одновременно пугала и притягивала.

— Один бокал, — выдохнула она, сдаваясь на милость собственному любопытству. — И если там хоть один пьяный деревенщина коснётся моего плаща...

— ...я лично сверну ему шею, — закончил Аэрион, улыбаясь, и его голос прозвучал уж слишком мягко и беспечно для таких слов.

Глава 9. Маски, которые мы носим

«Золотой Лев» встретил их волной тепла, смеха и хрустального звона. Аурика замерла на пороге, ошеломлённая буйством красок: бархат цвета спелого граната, гобелены с вытканными львами, люстры, чьи подвески дрожали от каждого звука. Воздух гудел от хохота, взрывался аккордами цитр и потрескивал от хруста карамелизированной утиной кожи. Вино было повсюду. В бокалах, в кубках, в пролитых лужицах на столешницах из чёрного дерева.

Аэрион шагнул в этот хаос, будто вернулся домой. Капюшон слетел с его головы и ближайšie к дверям гости изумлённо обернулись.

Нефелиец? В таверне? Да ещё и с такими ушами — сплошь укрытыми пером?

— Глас?.. — выдохнул кто-то из дальнего угла, но осёкся, не уверенный. — Да ну... быть не может.

Аэрион не обернулся на шёпот. Перья на ушах вздрогнули, почуяв свободу, а голос, звонкий и бархатистый, уже вторил песне лютниста:

— Эй, друзья! Кто здесь пробовал вино из сільванорских виноградников?

Его подхватили мгновенно — компания сільванорских купцов в изумрудных плащах, что сучали у стойки. Они первыми оценили и жест, и настрой: уже через минуту он

сидел среди них, стуча кубком по столу в такт балладе.

Аурика прижалась спиной к колонне, наблюдая за этой сценой. «Не зря прудениты пишут, — мелькнуло у неё, — что нефелийцы и сильванорцы одного корня, но разошлись ветвями». Сейчас, глядя, как легко он перенял их открытую манеру, будто всю жизнь провёл не в келье, а в лесах Лири-э'Арнес, — она почти верила в это.

Он влился в толпу, как вода в песок: похлопывал по плечам купцов, целовал руки дамам, чьи декольте поражали непозволительной глубиной, сыпал анекдотами, от которых краснели даже закалённые моряки. А его мелодичный смех заставлял других смеяться, даже не зная причины.

Аурика плотнее запахнула плащ и поправила вуаль. От колонны, где она стояла, было слышно, о чём шепчутся двое подвыпивших людей у соседнего стола:

— Нефелиец... Говорю тебе, нефелиец! Ты глянь на уши — пером крыты! Это ж Глас сам!

— Белены объелся что ли?! Глас? В таверне?

Аурика, не раздумывая, шагнула к ним.

— Ах, господа, не пугайте народ! — она всплеснула руками с самым простодушным видом. — Мы же просто актёры! Вы разве не видели представлений Искроуста? Он как раз сегодня на площади рассказывал об Орденах, а мы с коллегой... — она кивнула в сторону Аэриона, — как раз из его труппы, наследников играли. Примеряем образ, так сказать, ха-ха! Решили вот в таверну заглянуть, не снимая костюмов

и грима — Искроуст говорит, так лучше в роль входишь!

Мужчины уставились на неё. Аурика пожала плечами и небрежно встряхнула край плаща:

— Взгляните на ткань. Подделка! Дорогая, но подделка. Я уж в этом толк знаю.

Полумрак скрадывал детали, и купцы, покосившись на плащ, закивали — кто, как не аурелийка, отличит подделку от настоящего шёлка? Один хохотнул и поднял кружку:

— А я и думаю — больно лихо пляшет для святого! За вас, господа актёры!

Аурика улыбнулась, и, пожелав господам хорошего вечера, отошла. Вернувшись на своё место у колонны, она прижалась спиной к камню, и улыбка сползла с лица.

«Ради глупых затей Аэриона я только что оправдывалась перед чернью, — пронеслось в голове, и она фыркнула так сердито, что стоявший рядом мужчина поперхнулся вином. — Мало того что пришлось изображать актрису, так ещё и выдумывать небылицы».

Вуаль скрывала её лицо, но под тканью губы уже складывались в тонкую линию.

«Это не он, — задумалась вдруг она, пока смотрела, как Аэрион запрокидывает голову в смехе. — Или это и есть он? Настоящий?»

Ни тени молитвенной скорби, ни намёка на «благочестие», которое он носил в стенах дворца, как вторую кожу.

«Нарочито громкий», — заметила девушка.

Никто бы не заподозрил в этом весельчаке наследника Ордена Светопения — святость с него спала и под ней оказалась... *кто?*

— Неужели... это тебя радует? — пробормотала она, когда Аэрион вернулся к ней с двумя бокалами и позвал к столу. — Ты... и впрямь как паяц!

Аэрион подвинул ей стул и опустился рядом. Аурика внезапно ощутила знакомое покалывание в кончиках пальцев — то, что всегда предшествовало нехорошему. Его глаза смотрели на неё, ясные и смеющиеся, но где-то в глубине таилась тьма. Она видела это и раньше, но сегодня магия внутри неё пела громче, и песнь эта была тревожной.

— Ох, госпожа моя... — нефелиец протянул ей бокал. — Разве не видишь? Здесь я — не наследник, не избранный. Не Сосуд Божественного слова. Здесь я могу быть... *никем*, — он отхлебнул вина, и тень скользнула по его лицу, искажив на мгновение черты. — А ты? Три года уже вне милости сестрицы, а всё строишь из себя неприступную.

«Он это не со зла. Просто бьёт в ответ, — думала аурелийка. — Эри, ты ведь просто сбегашь... От самого себя, от ноши, которую на тебя возложили. И я... я для тебя *что?* Сообщник? Зритель? Или... просто очередной способ забыться?»

Аурика сжала бокал. Вино пахло грехом, и этот запах смешивался с его словами, создавая дурманящий коктейль. В мыслях мелькнуло улыбающееся лицо Мириэлии — и тут же

исчезло, отброшенное вспышкой гнева. Нет. Эту дверь она открывать не позволит даже ему.

— Я, в отличие от некоторых, стараюсь, — произнесла она ровно. — Учусь. Веду себя прилежно. И не ставлю спутников в положение, из которого им приходится выкручиваться самостоятельно.

Аэрион хмыкнул в бокал:

— «Прилежно». Ты капризничаешь чаще, чем мой отец молится. Но да — в учёбе ты хороша. Не спорю.

— Я не буду играть в твои игры, — Аурика решительно отодвинула выпивку. — А вот ты позоришь свой Орден прямо сейчас. Нам просто сказочно повезло, что никто тебя не узнал.

Юноша лишь рассмеялся.

— Орден? — он наклонился. — Они молятся Истинному, а я... я молюсь этому, — он указал на толпу, где жизнь била через край. — И знаешь что? Мои молитвы куда искреннее. Пей, — вдруг скомандовал он. — Не бойся, грех на душу ты от этого не возьмёшь. Даже, возможно, перестанешь смотреть на мир, как на похоронную процессию. Ну... если что, отмолим.

«А может и я просто боюсь? — подумала Аурика, глядя на бокал. — Может мне просто страшно признать то, что он прав? Признать, что под всеми этими правилами, запретами и этикетом аристократии нет ничего, кроме пустоты, от которой он так отчаянно бежит...».

И самое страшное было в том, что часть её отчаянно рвалась последовать за ним. Аурика взяла кубок, опустив вуаль с лица. Вино обожгло горло едкой сладостью и провалилось в пустоту. Она не ела с утра. Голова слегка поплыла, и от этого голоса стали громче, краски — ярче, а мысли — острее и беспощаднее. Аэрион, заметив её задумчивость, оставил её наедине с мыслями и повернулся к толпе, затягивая песню.

«Он станет Иерофантом», — пронеслось в голове, и от этой мысли внутри всё сжалось. Главой всего Ордена Светопения. Живым символом, сосудом, в который будут вливать ожидания, молитвы и страхи всех народов Империи. И он должен будет нести это. Всегда. До самого конца.

И тут её собственная судьба предстала перед ней в новом свете.

«Солнечный луч рода Солейн».

Какое красивое, но какое же пустое звание. Рождённая не для правления, а для того, чтобы украшать. Сиять на вторых ролях, быть драгоценным приложением к истинной наследнице — к Мириэлии. И ведь это всегда... устраивало Аурику. Более чем. Она сама снова и снова нащёптывала себе, что слишком легкомысленна, слишком вспыльчива и глупа для трона и власти

А Мириэлия и Аэрион... Взгляд её упал на его профиль, искажённый натянутой улыбкой. Да, они были высечены из иного камня. Несущего. Из того, что ложится в основание мира и постепенно проседает под весом, но не рушится. Им

не дано быть просто «лучами». Они предназначены стать самими светилами — ослепляющими, одинокими, обречёнными гореть, пока не обратятся в прах.

И внезапно её собственная, казавшаяся несчастной, участь — быть вечно второй, вечно младшей — представилась не проклятием, а даром. Свободой, которой он, с его громким смехом и пустыми глазами, был лишён с самого момента рождения.

Три года назад, когда у Мириэлии родился сын, сестра вызвала её к себе и сказала: «Тебе нужно научиться сдержанности, Аурика, и прийти к истинному свету», — и отправила младшую в Эйлингаль, под надзор нефелийских наставников на перевоспитание. Аурика запомнила этот день иначе: сестра, держащая на руках младенца Раэля, и собственное обжигающее чувство, что она больше не нужна. С ней просто не осталось времени возиться.

Она ждала.

Когда пришла весть от Ордена Алых Лепестков и Хранителей Бесконечных Свитков — что Остров Пятиконечной Звезды готовится подняться из глубин, — Аурика была уверена: Мириэлия приплывёт за ней, ведь Раэль слишком мал для участия.

Не приплыла.

Но с того дня начались тренировки. Ежедневные, изнурительные — бок о бок с Аэрионом. Мириэлия прислала наставников-аурелийцев, но Аурика почти ничему новому и не

научилась. Точнее, всё, что предлагали наставники, Аурика смогла освоить сама, несмотря на скудный свет солнца в Эйлингале. А, впрочем, от неё изначально ничего и не требовали. Никто не сказал ей, что она обязана победить. Никто не сказал, что она обязана вернуться с триумфом.

Теперь она впервые подумала: а что, если её просто... *отпустили*?

А вот Аэрион наверняка уже не раз слышал от отца то, что твердят все в Светопении: Глас не может проиграть. Он благословлён самим Многоликим, на него возложена высшая миссия. И Аэрион — при всех его шутках, при всём его бегстве в таверны и песни — не имеет права сбросить эту маску. Никогда.

Аурика вдруг перебрала в уме наследников, с которыми придётся делить Турнир. Амарант До'Ленн'Тар — маг, чья сила, по слухам, звенит в воздухе за милю. Феарида Аэлиндорн — старшая, наследница, закалённая суровой дисциплиной гор и легендарным воином-отцом. Сам Аэрион — живой символ, которому сам Истинный не позволит упасть в грязь лицом. Анаксагор Куива'Нариен — самый старший из них и маг совсем иного порядка. Его стихия, говорят, не огонь и не ветер, а сама материя, подчиняющаяся формулам, которых Аурика — она не сомневалась — не смогла бы даже прочесть. Каждый из них получит своё испытание и пройдёт его так, как должно.

Она же... ей повезёт, если её не придётся спасать.

Аурика вдруг вспомнила Феариду — серебряные волосы, лёгкую поступь среди сородичей-великанов, — и губы дёрнулись в чуть грустной усмешке. С чего она вообще вспылила? Они ведь совсем разные. Феарида — старшая, как и Мириэлия. Наверняка подготовлена так, что Аурике и не снилось. А она, дурочка, шипела на неё из толпы, словно та была ей соперницей. Смешно.

Все, с кем ей предстоит стоять на Острове, однажды займут троны своих земель. А она так и останется не светилом, а лучом.

« А это ведь... не так уж и плохо, верно? »

Наблюдая, как Аэрион с жадным любопытством следит за танцорами, подпевает балладе и пробует на вкус каждое мгновение этой кипящей жизни, Аурика вдруг вспомнила Эйлингаль. Долгие вечера в промозглой келье, когда он, тайком от отца, подкармливал бездомных животных за храмовой кухней. Вспомнила, как однажды вытаскивала у него из волос застрявшее перо — оно выпало во время тренировки, а Эри смеялся и говорил, что лысеет раньше срока.

Ему и правда нравилось быть здесь. Искренне. В его глазах, когда он присматривался к жонглёру или заигрывал с подносицей, вспыхивал настоящий восторг, но Аурика давно научилась видеть глубже. Она заметила, как его улыбка, столь широкая и беззаботная, на мгновение замирала, становясь хрупкой, прежде чем он снова заставлял её сиять с удвоенной силой. Уловила она и как его взгляд, скользя по

веселящейся толпе, на секунду становился отстранённым и тяжёлым. Будто он не просто участвовал в пиршестве, а изучал его, запоминая обычаи чуждой цивилизации, к которой он никогда не сможет по-настоящему принадлежать.

И за всей этой шумной бравадой зияла пропасть. Бездна, пожирающая даже самый яркий свет. Ему искренне нравилось быть здесь, потому что здесь он мог на время забыть о том, кем ему суждено быть.

Аурике внезапно стало горько за этого мальчишку с перьями в волосах, обречённого на вечное одиночество на самом верху. Ей хотелось бы спасти его. Выдернуть из этой душащей роли, помочь сбежать — туда, где нет ни Орденов, ни Истинного, ни отца. Только она не знала, как. И потому выбрала единственное, что могла: просто молчать и хотя бы сегодня не напоминать ему о том, кем он должен быть для всего мира.

Пусть веселится. Пусть пьёт. А она побудет рядом, просто чтобы наблюдать издалека.

Аурика тихо улыбнулась собственным мыслям и сделала ещё глоток вина, напрочь позабыв о своей вуали.

Глава 10. Рири

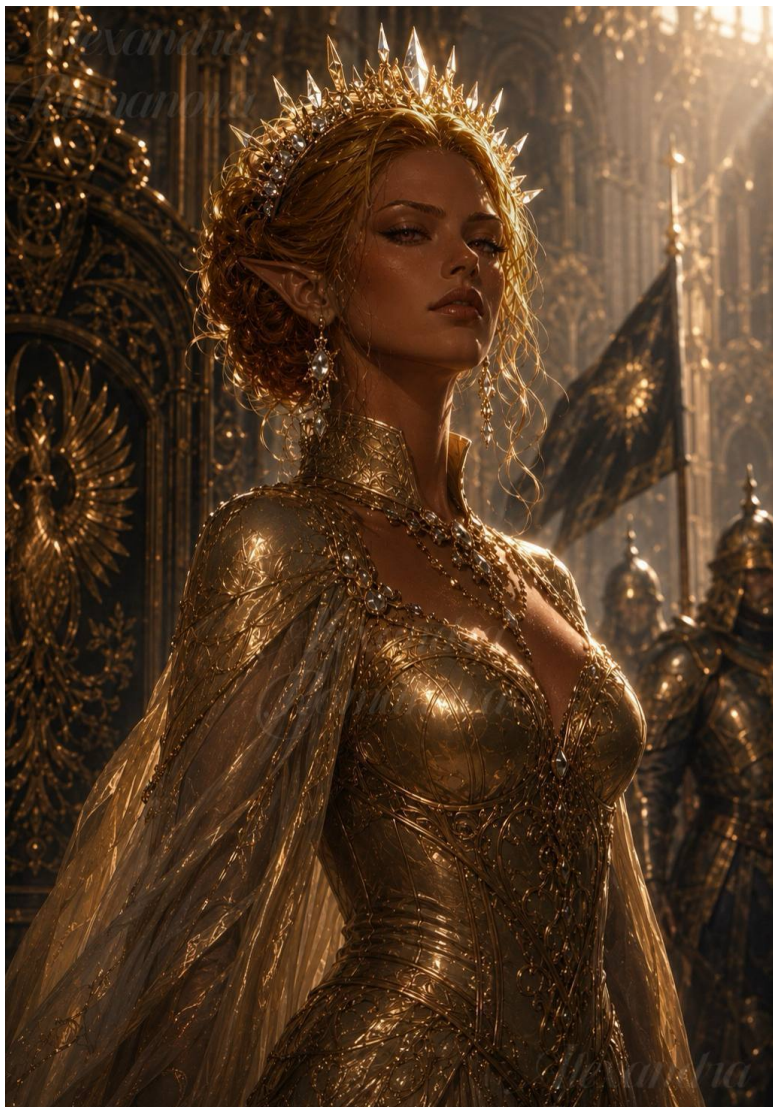
«Верховная Глава Пяти Орденов — правая рука Императора и главный арбитр в делах межрасовых. Её слово — закон в вопросах распределения ресурсов, разрешения споров и координации совместных действий. Без её подписи ни один императорский указ не вступает в силу. Контроль над золотыми рудниками, монетным двором и магической логистикой Империи делает Верховную Главу — ныне Мириэлию Солейн — самой могущественной женециной Зельвальт'андора».

— Из «Основ Имперского Права», том II

Мириэлия Солейн въехала в ворота гостевого дворца нефелийцев. На дверцах чёрной с позолотой кареты пылали гербы рода Солейн — солнце и феникс, а стёкла, затянутые шёлком цвета золота, скрывали аурелийку, словно божество, не снисходящее до взглядов смертных. Шлейф благовоний — смесь амбры, мирры и острого нарда — стелился за каретой, выжигая память о запахах улиц.

Она вышла из кареты неспешно, с той незыблемой уверенностью, от которой земля должна была прогнуться под её каблуком, а не наоборот. Платье струилось за ней тяжёлыми складками, подчёркивая силуэт — не украшение, а опору трона. Пышные волны высоко забранных волос цвета бронзы украшала корона: диск солнца горел в окружении холодно

сияющих алмазов. Эти камни утверждали власть, безмолвно крича о том, что здесь ступает сама душа империи. Красота Мириэлии была совершенной, неоспоримой и смертоносной. Её лицо, с чертами, отлитыми из той же породы, что и вечные законы, не знало ни морщин сомнения, ни мягкости улыбки. Лишь тонкая, как резцовая насечка, складка у губ выдавала привычку к абсолютному контролю. Глаза цвета потемневшей меди обжигали холодом. Они осматривали стражу, двор, само пространство, оценивая, взвешивая, находя всё и вся недостойным.

— Привести ко мне сестру, — голос был негромким, но каждое слово обладало весом и плотностью свинца. — Немедленно.

Нефелийский стражник бросился исполнять, споткнувшись о собственные ноги. Мириэлия не удостоила его суеты даже взглядом. Она наблюдала, как дрожит воздух вокруг от давления её воли. Влажность сгущалась в пот на чужих лбах, пространство сжималось, подчиняясь силе, что исходила от неё, как жар от солнца.

Слухи о ней, конечно, лгали. Зависть к сестре? Смехотворно. Мириэлия презирала Аурику — и не за красоту, а за слабость. За наивную веру в сантименты, за неспособность понять, что любовь — это инструмент, а счастье — иллюзия для тех, кому не дано нести бремя власти. Младшая сестра была слабым звеном, живым укором и напоминание о том, во что превращается династия, давшая трещину. Именно поэтому, как говорили, её и сослали в Эйлингаль на перевоспитание. Подальше от центров аурелийской силы, от трона, который однажды займёт сын Мириэлии — единственный, кто достоин продолжить их род, выкованный не для света, а для власти.

Мириэлия шагнула вперёд, и этот единственный шаг взрезал воздух как лезвие. Стража замерла в склонённых позах, нефелийская свита, шелестя одеждами, рассыпалась в низких поклонах и сдавленных приветствиях.

Диакон, попавшийся на входе, подпрыгнул, словно его хлестнули плетью. Он сыпал поклонами, бормоча извинения, что рвались из самой глубины его перекошенного страхом существа. Слуги метались, как тараканы, шептались, роняли подносы, спотыкались в панике, пытаясь убраться с её пути. Мириэлия прошла сквозь этот хаос не замедляясь, в сопровождении двух стражников с каменными лицами и своего мужа — лорда Зариана Д'Орвиля. Высокий, златовласый, он был воплощением благородной мягкости, впрочем, бессильной против бури, что бушевала в его жене.

В главном зале царил беспорядок, достойный ярмарки. Нефелийцы с выпученными глазами носились туда-сюда без какой-либо системы. Мириэлия остановилась, а её тонкие брови изогнулись, придав лицу хищное выражение.

— Что происходит? — от каждого слова веяло льдом.

Один из старейшин, чьё лицо было испещрено морщинами, а некогда гордые уши уже лишились перьев, побледнел и выступил вперёд, склонив голову так низко, что казалось, вот-вот рухнет.

— В-ваша Светлость... П-простите великодушно... — писк был еле слышен. — Мы не можем найти вашу сестру... Она должна была согласно расписанию... провести день в духовных упражнениях с господином Амис'Драэлем, да озарит Истинный их путь, н-но... они оба исчезли. Глава Ордена и его благочестивейшая супруга оповещены, они... — он не успел договорить.

— Духовные упражнения, — повторила она ровно. — Как предусмотрительно. Моя сестра, должно быть, проявила невиданное рвение к возвышенному. Почти три года в Эйлингале — столице Веры — она не выказывала и тени интереса к молитвам, судя по отчётам, но стоило оставить её без присмотра в Императорской столице на три дня — и вот, она уже на пороге просветления.

Старик задрожал. Он не знал, куда деть руки, и в итоге просто прижал их к груди, будто защищаясь.

— Мы ищем, Ваша Светлость! Вся стража, все доступные руки...

— Разумеется, ищите, — перебила она всё тем же убийственно-вежливым тоном. — Однако, как я погляжу, пока что вы преуспели лишь в одном — в панике. Мы поступим иначе. Вы, — она перевела взгляд на старейшину, и тот сжался до размеров ребёнка, — созовите глав вашего Ордена. Немедленно. Быть может, они хотя бы понимают разницу между духовными упражнениями и побегом.

Перепуганный нефелиец, бормоча нечто невнятное, попятился и исчез. Мириэлия осталась стоять, неподвижная, как изваяние карающей богини. Зариан приблизился с той осторожной мягкостью, что всегда раздражала её куда больше открытой грубости.

— Мириэлия, дорогая... успокойся, — его голос был обволакивающим, как тёплое молоко. — Всё будет хорошо. Они молодые, наверняка просто... увлеклись праздником? Аури-

ке всегда не хватало свободы. Может, она просто захотела пожить полной жизнью, посмотреть как живут люди и купить украшений...

— Полной жизнью? — губы искривились в холодной усмешке. — Она слишком глупа, чтобы понимать, что такое жизнь, и слишком избалована, чтобы ценить что-либо, кроме сиюминутных блёсток. И... недостаток свободы? — она повернулась к мужу. — Она всегда была свободна от бремени власти, интриг и от охотников за её кровью. Я дала ей это, ведь отец...

Последнее слово сорвалось с губ прежде, чем она успела его остановить. Лицо Мириэлии дрогнуло, аурелийка свела брови и резко замолчала.

Зариан заметил это.

— Ты не обязана договаривать, — произнёс он тихо.

Мириэлия не обернулась, но плечи её, закованные в броню из золотой парчи, едва заметно опустились.

— Ей дарована роскошная возможность, — продолжила она уже спокойнее, — быть украшением при власти. Большого от неё никогда не требовалось и требоваться не будет. Её «желание свободы» — каприз. Не более.

Но даже под непробиваемой бронёй величия, под вековыми напластованиями власти и гордыни, где-то в самой глубине, вспыхнула ослепительная искра тревоги.

«А что, если...»

Мириэлия закрыла глаза. Перед внутренним взором

всплыла Аурика — та, малышка, что пряталась в её юбках, когда гремел шторм. Та, что плакала, когда родители не вернулись. Малышка Рири, которую она, Мириэлия, поклялась защищать — и отослала прочь, потому что это и было защитой.

Эйлингаль был выбран не случайно. Орден Светопения веками был верным союзником Сияющих Дворцов, и никому иному Мириэлия не доверила бы сестру. Леяра, супруга Иерофанта Дариуса, была добрейшей женщиной и сама вырастила сына и двух дочерей и никогда бы не дала в обиду чужого ребёнка. И уж тем более — Мириэлия знала то, о чём не догадывался почти никто за пределами Нефелума: Орден располагал немалым числом воинов, умевших скрывать свою силу под рясами.

Аурика была в безопасности. В самой надёжной крепости, какую только могла представить Верховная Глава.

И всё же она сбежала.

«Если с Рири что-то случится...»

Перед глазами пронеслась череда образов.

Вот Аурика, потерянная в толпе, и чужие руки тянутся к её прекрасным золотым волосам.

Вот она кричит, а крик тонет в равнодушном гуле улицы.

Вот нефелиец отступает в тень, оставляя её одну против грязных рук, ножа, и равнодушной мостовой, что пьёт кровь так же жадно, как воду.

Каждая картина была выдумкой — и каждая невыносимее

предыдущей.

Пальцы впились в руку мужа. Дыхание перехватило.

— Мириэлия? — Зариан придержал её за локоть.

Она не слышала его. Перед внутренним взором всё ещё кружились варианты событий, и каждый разрезал её изнутри тупым лезвием.

Аурика, прижатая к стене грязного переулка.

Аурика, зовущая сестру, а сестра слишком далеко.

Аурика, лежащая на мостовой с перерезанным горлом и разорванным платьем.

Мириэлия резко отшатнулась от этих картин и только тогда заметила, что Зариан всё ещё держит её за локоть.

— Я в порядке, — отрезала она, хотя знала: без него она бы рухнула.

«На этот раз её легкомыслие зашло слишком далеко».

Ведь Аурика была хрупкой, как крыло мотылька, и столь же нежизнеспособной за стенами дворцов. Но дело было не только в ней. Был ещё Аэрион. А ему Мириэлия не доверяла с самого начала. И не без причин.

Дар рода Солейн — видеть сокровище — редко тревожил её по пустякам, но в этом году видения приходили уже трижды. Всегда короткие, всегда неясные — и всегда с ним в центре.

Она замирала прямо посреди Зала Совета, и голоса советников уплывали в гулкую пустоту, а перед глазами вставала одна и та же картина: нефелийский юнец топчет знаки Истинного. Идёт по осколкам священных символов босыми но-

гами, не замечая, как кровь течёт по белой робе. А потом — зеркала. Десятки зеркал со всех сторон, и он стоит в их перекрестье и смотрит. Смотрит в пустоту таким взглядом, от которого у Мириэлии леденело в груди. Пустым. Не святым и не грешным. Мёртвым. Словно всё, что делало его живым, уже давно вытекло из него, а оболочка ещё ходила и распевала молитвы.

Она приходила в себя в липком поту, ловя недоумённые взгляды представителей Орденов, и ровным голосом произносила: «Прошу прощения. Лёгкое недомогание». Никто не знал, что она видела. Даже Зариан.

И вот теперь этот юнец увёл Аурику.

«Это он увлёл её», — мысль была ясной и холодной.

Аурика никогда не сбежала бы сама — у неё не хватило бы ни дерзости, ни решимости. А вот Аэрион... слащавый, двуличный щенок в одеждах святости... он запросто мог сыграть на её любопытстве, а потом подставить под удар, променять на горсть серебра, лишь бы спасти свою драгоценную шкуру.

Перед внутренним взором снова вспыхнуло: Аурика, одинокая, напуганная, преданная. И его лицо из видения — пустое и мёртвое.

Мириэлия резко втянула воздух, оборвав себя на полувздохе.

«Непозволительно».

Она — скала, о которую разбиваются волны. Порядок, воплощённый в плоти. Никаким чувствам, даже страху за

кровную родню, не позволено колебать её фундамент. Но ледяной осколок тревоги уже вошёл в плоть, поселившись глубоко под кожей.

Аурика была отзвуком той девчонки, которой Мириэлия когда-то могла бы стать. Той части её души, что была принесена в жертву долгу, власти, необходимости быть сильной, когда весь мир рушился. И если эта последняя хрупкая связь с её собственным прошлым оборвётся...

Она выпрямилась, сбрасывая с себя тень слабости.

— Я найду её сама.

Платье взвилось, подхваченное резким движением, когда она развернулась, чтобы покинуть зал. Каждый шаг уже был продуман — сейчас она поднимет на ноги Пурпурную гвардию, заставит Золотых стражей прочесать каждый закоулок, перевернуть каждый кабак. Если понадобится — перекроет проливы, остановит караваны, заморозит торговлю до тех пор, пока каждый корабль в гавани не будет обыскан. И, если придётся, отменит проведение этого проклятого Турнира. В конце концов, это она держала в руках золотую жилу Империи. Что ей стоило нажать посильнее?

Она найдёт Аурику. Она вернёт её и тогда... тогда она устроит ей такую взбучку, что та навсегда забудет дорогу к любым побегам.

А в самой глубине, под слоем ярости и холодных расчётов, в том потаённом уголке души, который она сама давно замуровала, кроваво пульсировала иная правда. Правда, ко-

торуую она никогда не произнесёт вслух.

«Пожалуйста, пусть Рири будет жива. Пусть с ней будет всё в порядке. Просто... пусть будет цела и невредима».

Не забота о репутации мучила Мириэлию. Не страх за политические последствия. Слепой, всепоглощающий ужас при мысли, что в мире может не стать того единственного света, что остался от её собственного, давно умершего детства. Той части её самой, которую она годами отчаянно и жестоко отталкивала от себя, чтобы Аурика никогда не догадалась, как сильно её безупречная старшая сестра на самом деле боится темноты.

Но на поверхности ничего, кроме льда. Она — порядок. Она — закон. И движет ею только долг.

В конце концов, Аурика сама виновата. В том, что она... слабость. Такая невыносимая, и такая живая маленькая слабость, без которой Мириэлия не представляла, как дышать.

Зариан смотрел жене вслед. Никто не заметил, как дрожали её руки, — никто, кроме него. И только он один во всём мире знал, что за этим льдом прячется не гнев, а ужас.

Ужас старшей сестры, которая однажды уже потеряла родителей и не переживёт, если потеряет ещё и свою маленькую Рири.

Глава 11. Шёпот стали

«Пират, известный как «Безумный Пёс», — идеальный пример того, как культ Донатрикс плодит чудовищ. Носитель Метки, «баловень судьбы», он залил кровью половину Империи. И при этом богиня не отвернулась от него. Спросите у этих «добрых моряков», что они думают о своей Матери теперь».

— Из брошюры, распространяемой нефелийцами На обороте брошюры: «Автор забыл упомянуть, что Вальдеон получил Метку до того, как стал тем, кем стал. Может, богиня просто... надеялась на лучшее?»

В тёмном переулке, где тусклый свет луны дрожал, отражаясь в лужах, смех Эвендель и Вальдеона разносился эхом. Они опирались о покрытую мхом стену, сползая по ней от хохота, и слёзы блестели на их щеках.

— Хо-хо-о! — Пёс, задыхаясь от смеха, смачно хлопнул себя по колену. — Да вы, господа наследнички, и воробья обхитрить не смогли бы! Выбрались из золотых стен ради эля, а передрыг-то словили...

Две наследницы замерли, будто приросли к месту, а Амарант, прикусив губу, прятал улыбку в складках капюшона. Таариса скрестила руки, и пряжки её наручей коротко звяк-

нули. Её губы скривились, и даже в тусклом лунном свете стало заметно, что клыки у неё чуть острее, чем у обычного человека. Младшая наследница даже не пыталась скрыть свою неприязнь.

— Вы считаете это смешным? — в её тихом голосе звенела угроза.

— Вы... я вас знаю, — пальцы Феариды стиснули кинжал, спрятанный на поясе, до хруста. — Преступники... Пираты!

Пёс фыркнул, доставая из кармана плаща смятый, засаленный листок и швырнул его в руки Феариды. Бумага, хрустнув, развернулась в воздухе, подставив лунному свету ястребиный профиль и чернильную надпись, что сочилась угрозой: «Разыскивается «Безумный Пёс» Вальдеон. Живым — 10000 ауреусов. Мёртвым — втрое больше».

— А я? — Эва с наигранной обидой дёрнула Вальдеона за рукав. — Опять только твой портрет?

— Видимо, твои грехи, душенька, — пропел Пёс, с насмешливой нежностью глядя на неё, — лишь лепестки в моём урагане...

Бумажный листок выскользнул из пальцев Феариды — она просто разжала руку, не глядя, — и запорхал в сыром воздухе, прежде чем упасть в лужу. Девушка замерла, вжавшись спиной в холодный камень, и её взгляд быстро прошёлся по Эвендель. Женщина-пиратка стояла расслабленно, почти вальяжно, и оружия при ней видно не было. Опасна. Спина прямая, руки свободны, — но в драку, кажется, не

рвётся. Скорее отступит. Таариса справилась бы с ней играючи, если бы не одно «но»: Безумный Пёс. Феарида перевела взгляд на сестру и заметила, как у той напряглась шея. Та жаждала боя — и впервые Феарида испугалась не за себя, а за неё. Шансов против пирата у них не было.

«Если только не...»

Феарида скользнула взглядом вбок. Амарант стоял чуть впереди девушек, и выражение его лица заставило её на миг забыть о страхе. Он сиял. Глаза были широко раскрыты, по-детски округлены, а на губах блуждала чуть глуповатая улыбка, какая бывает у ребёнка, впервые увидевшего акробатов на ярмарке. Но Феарида заметила и другое: по тонким линиям на его коже пробежала едва заметная рябь света. Он был готов использовать магию в любую секунду.

Румяное лицо сильванорца озарилось восторгом, а зрачки расширились, вбирая в себя образы живых легенд. Он пристально уставился на Вальдеона, словно сверял грубоватые черты мужчины с рассказными из баллад, находя несоответствия. В его глазах читалось не только восхищение, но и тень сомнения, будто он спрашивал себя: «И *это* тот самый грозный Безумный Пёс?»

Но когда его взгляд перебежал к Эвендель, все сомнения растаяли, уступив место трепету.

— Если вы — Безумный Пёс, то... — Амарант шагнул вперёд, не веря себе. — Рядом с вами должна быть Серебряная Лисица, капитан Призраков Полуночи! Матушка рассказы-

вала, что ваш корабль режет волны быстрее, чем ветер, и растворяется в туманах, как мираж! И вы... — он заворожённо воззрился на Эву, потом смущённо выдохнул, сжимая руку у сердца в жесте, полном искреннего преклонения, — вы даже прекраснее, чем в балладах, леди! Ваша красота... она не идёт ни в какое сравнение с выдумками бардов!

Звонкий смех ещё вибрировал в спёртом воздухе переулка, но тут его разрезал иной звук — Таариса выхватила клинок. Сталь меча, украшенная алеющими рунами, дрожала в твёрдой руке, указывая прямо в сердце Вальдеона.

— Эй, полегче с железкой! — Пёс рывком заслонил собой Эвендель.

— Тоже мне легенды! — рыкнула Таариса. — Наслышана я о твоих «подвигах»! Реки крови... Женщины, дети... Чудовище в шкуре отродья!

— Ни одной, — Пёс не дрогнул, не отступил.

Эва смотрела на сталь, на его руку, на Таарису — разъярённую, жаждущую крови. Один неверный шаг — и Пёс умрёт. Или убьёт. Или...

Она могла бы сейчас сказать правду. Всю правду. О том, как он дрался со своей наставницей — насмерть, без пощады. Как однажды ударил её саму и бросил на Мёртвом острове умирать. Она не забыла. Но сейчас было не время сводить счёты — нужно было пресечь эту бойню, пока не стало хуже.

А правда, которую она знала точно: Вальдеон и впрямь не убивал женщин. Никогда. Только вот благородство тут было

ни при чём — он всегда относился к женщинам с каким-то почти суеверным трепетом. Эва знала это по себе. Но знала и другое: даже это не всегда могло уберечь.

Но она не скажет всего.

Не здесь. Не перед этими детьми.

— Правду говорит, — выдохнула Эва, выглядывая из-за его плеча. — Никогда он не поднимал руки на женщин. А на детей и подавно. Вот только меня и нашего друга он как-то вышвырнул на берег Мёртвого острова, представляете? Оскалился так и заявил: «Сгинуть тебе мало, стерва окаянная». А потом... нашёл. Недавно. Даже почти извинился, представляете? Почти!

Таариса нахмурилась. Выкованное в горнах Стальных Вершин остриё, жаждущее крови, метнуло в ночь злобный блик.

— Полукровка-убийца! — рявкнула она. — Орден Алых Лепестков не зря нарёк тебя Чумой Морей, шакал!

Вальдеон застыл, впитав движение и звук, и сам будто бы обратился в камень. Его лицо окаменело, став безжизненной маской — ни морщинки, ни дрожи. Лишь тени, ползущие по резким скулам, шевелились в такт его замедлившемуся дыханию, а в глубине единственного зрачка плясала сама тьма.

Он отодвинул Эву за спину, и пальцы пиратки вцепились в складки его плаща. И в тот миг, когда лезвие должно было вонзиться в плоть, его ладонь сомкнулась на клинке. Сталь впиалась в кожу с глухим скрежетом, но крови не последова-

ло.

— И что теперь, девочка? — каждое слово отдавалось холодной вибрацией в груди у всех присутствующих. — Ты думаешь, меня пугает это? — с металлическим звоном его когти скользнули по мечу, и в темноте вспыхнул сноп ослепительных искр, осветив пиратский оскал. — Смерть — моя старая подруга, а ты... ты дрожишь, всего лишь прикоснувшись к её подолу. Хочешь узнать, чем она пахнет? Толкни клинок. Ну же. Сильнее.

Напряжение в переулке повисло удушливой пеленой.

Таариса втянула воздух со свистом. Клинок внезапно стал невыносимо тяжёлым, выскальзывая из онемевших пальцев. Её стальная выправка, вымуштрованная годами тренировок, рассыпалась в прах перед этой бездной ярости. Вальдеон дышал ровно и глубоко, словно лезвие, впившееся ему в ладонь, было лишь укусом комара. Первая капля крови, густая и тёмная, медленно скатилась по полированной стали. Даже Амарант, чья улыбка прежде не сходила с лица, отступил на шаг. Его расслабленная поза сменилась боевой готовностью, а узоры на коже вспыхнули, наполняясь магией. И только Эва осмелилась нарушить противостояние: её ладонь легла на запястье Вальдеона.

— Угомонись.

Вальдеон замер. Буря в его взгляде утихла и пальцы медленно разжались, выпуская меч, но его тело по-прежнему оставалось заслоном между ней и остальными.

— Они лишь дети, — добавила она тише. — Мы пришли сюда за выпивкой, а не для того, чтобы хоронить глупых щенков. Они нам не враги.

Звонящую паузу прервал Амарант. Он ловко расправил плащ изящным жестом, больше подобающим бальному залу, чем грязному переулку.

— Не могу не согласиться с вами, милая леди! — воскликнул он, прищурившись. — К чему бессмысленная вражда? Вы — ходячие легенды, плоть от плоти баллад, а мы... — он галантно кивнул в сторону Таарисы, чьи пальцы всё ещё впивались в эфес меча, — всего лишь скромные искатели приключений, жаждущие вкусить их сладкий плод. Нам уж точно ни к чему лишние... *осложнения*. Не так ли?

Девушка-воительница уловила в его бархатном тоне тончайшую иглу упрёка и не то фыркнула, не то рыкнула, но клинка не опустила. Сильванорец с его цветистыми речами был для неё пустым звуком.

Феарида же, оценив и вмешательство Амаранта, и готовность Эвендель разрядить обстановку, шагнула к сестре.

— Убрать оружие, — произнесла она негромко. — Это приказ.

Разум Таарисы, взращённый долгом, на сей раз пересилил гордыню. Клинок, будто нехотя, с глухим стуком скользнул в ножны, однако рука Таарисы так и осталась лежать на рукояти.

— Обожаю, когда трезвый расчёт побеждает чужую глу-

пость, — проворчал Вальдеон, хищно ухмыляясь. — Что ж, ладно! Раз уж вы проявили такую редкую для вашего круга рассудительность, Безумный Пёс и Серебряная Лисица не останутся в долгу, — он широко раскинул руки, словно предлагая им всем объятие. — Сегодня мы с моей очаровательной спутницей пребываем в благородных настроениях и готовы одарить вас бесценным знанием. Мы поведаем вам о великом искусстве обхода родительских запретов и проникновения в самые охраняемые уголки этого города, оставаясь невидимыми для дозорных. Обычно такие знания от нас стоили бы целое состояние, но... — он многозначительно посмотрел на их бледные лица, — раз уж вы не побежали с криками к стражникам, сочтём это платой. Услуга за услугу.

Ночь, окутанная звёздной вуалью, вторила тихой грусти, таившейся в душе Амаранта. Их компания неспешно двигалась по аллее, где лунный свет дробился в волосах Феарида, превращая их в струящийся поток расплавленного лунного света. Юноша шагал рядом, искусно разбавляя лёгкими шутками циничные наставления пиратов о том, как оставаться невидимыми.

— Господин Амарант... — Феарида коснулась его плеча, лёгкое прикосновение, заставившее его замедлить шаг и пропустить вперёд остальных. — Та песня, что вы пели в таверне... в ней была такая боль. Она... о вашей семье, ведь так?

В груди Амаранта что-то болезненно дрогнуло, но губы уже растянулись в ослепительной улыбке.

— Божества наделили вас не только неземной красотой, но и даром видеть самые потаённые уголки души, серебряная госпожа, — он с изящным поклоном поднёс её пальцы к своим губам, пока внутри ворочались обрывки воспоминаний: мать, холодная и прекрасная; отец, бессмысленно бормочущий в пустоту строки на родном языке. — Но умоляю, не омрачайте свой дивный ум печальями о моём прошлом. Музыка — всего лишь эхо былых бурь. А любое эхо... рано или поздно растворяется.

Феарида нахмурилась, пытаясь поймать его беглый взгляд.

— Ваш отец... В песне говорилось, что он не просто лишился магии. Речь шла о...

— О безумии? — Амарант рассмеялся, задорно подмигнув девушке. — Ха! Цветок Судьбы — не безделушка для праздных волшебников. Попробуй уничтожить его — и гнев богини Илл'Танар обрушится на твой род. Отец сопротивлялся, о, как он сопротивлялся! Но после моего появления на свет... — он махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мошкары, — ветер унёс прочь его рассудок. А что до моей покойной сестры... ей было несколько месяцев, когда она исчезла двадцать пять лет назад. Анаксагор помнит её. Ему тогда было чуть больше двух, но пруденитский разум пугающая вещь — они помнят себя едва ли не с тех пор, как делают первый вдох. Он рассказывал мне, что видел маленькую принцессу на руках моей матери. И ещё — как мой отец ще-

котал его самого в тот момент. — Амарант снова усмехнулся, коротко и колко. — А теперь Илл'Лариэнель считают погибшей. И эта трагедия сделала меня наследником. Первым мужчиной — носителем титула наследника в нашем древнем роду. Ирония, не правда ли?

Воспоминания накатывали ядовитыми испарениями: отец, с размаху бьющийся головой о полированные мраморные плиты, его пальцы, судорожно сжимающие пустоту, глаза, в которых плескался призрак потерянной дочери. Рука Амаранта сама потянулась к медальону на шее. Изящная серебряная вещица — подарок мужчин их рода сестре при рождении, — которую он носил с тех пор, как научился ходить. Единственное, что осталось от Илл'Лариэнель у него.

Феарида замолчала, опустив голову.

— Мне... так жаль, — прошептала она.

— О, леди, к чему печалиться? — выдохнул Амарант, и прежде чем Феарида успела опомниться, её пальцы уже утонули в его ладони. Она ахнула, растерявшись, но вырываться не стала.

Сильванорец повёл её в импровизированном танце, и пыльная дорога аллеи стала бальным залом. Его шаги были невероятно ловкими даже в грубых дорожных сапогах, а рука, лежавшая на её спине, — твёрдой опорой и в то же время едва ощутимым прикосновением. Их слившиеся тени метались по каменной стене, как пара опьянённых мотыльков, пляшущих перед пламенем.

— Если бы сестра жила, — его тихий голос обволакивал сознание, — я бы сейчас не наслаждался благосклонностью такой очаровательной спутницы, ведь моё место заняла бы она. Судьба — капризная вышивальщица, не правда ли? Но, клянусь солнечным заревом над башнями Кора'Сириэль, если б моя милая Илл'Лариэнель была жива, я бы целыми днями выбирал ей шелка и купал бы все самые лучшие ингредиенты для «лунных слезинок» с рынков!

Танец внезапно замер. Его ладонь осталась на талии Феариды, а другую руку он вознёс к небесам, где холодным огнём горело созвездие Плачущей Гарпии.

— Смотрите, — шепнул Амарант, склонившись к самому плечу девушки, — даже звёзды застыли, чтобы стать свидетелями этого мгновения. У меня на родине они падают прямиком в Сад Вечной Памяти, и там, под сводами из хрустальных лиан, порхают огненные мотыльки... И ни одна душа не способна устоять перед их чарами.

Он вновь закружил Феариду, и шелест одежд слился с мелодией ночного ветра.

— Приезжайте. Я покажу вам аллею, где на рассвете распускаются цветы, меняющие оттенок от одного лишь взгляда. Выбирайте любой — алый, как капля вина на губах, или серебряный, как лунный свет, что отражается в ваших волосах, — его пальцы скользнули по её ладони, выводя невидимую руну. — А после я угощу вас шербетом в павильоне Поющих Водопадов. Говорят, если заглянуть в их воды, можно

увидеть отражение... своей прошлой жизни.

Феарида рассмеялась, сама не ожидая от себя подобной вольности, и тут же залилась краской.

— Вы приглашаете меня в гости, господин До'Ленн'Тар?

— Это всего лишь намёк на возможность, — Амарант с комичной торжественностью прижал руку к сердцу. — Представьте: вы в платье цвета серебра, я — в мантии, расшитой алыми листьями. Мы идём по набережной, а волны и ветер поют для нас одну-единственную песню... — он замолк, склонившись так близко, что её дыхание смешалось с его шёпотом. — Конечно же я серьёзен. Приезжайте. Хоть сразу после Турнира. Мой легион придворных поэтов уже воспекает оды вашему смеху и слагает баллады о вашей красоте.

Пираты, что уже давно прислушивались к сладким речам сильванорца, синхронно закатили глаза, но Вальдеон, скрестив руки на груди, одобрительно хмыкнул — мол, работаешь, братец, работаешь. Амарант, отпуская руку девушки, присел в безупречном реверансе.

— И не тревожьтесь о пути — мои корабли доставят вас так бережно, словно отнесут на лебедином крыле.

— Зачем столь утончённому сильванорцу общество простой воительницы? — выдохнула она, пытаясь скрыть дрожь волнения в голосе. — Наши Ордены веками точили зуб друг на друга...

Он откинул голову и рассмеялся.

— Ах, оставьте пыльные хроники писцам! И, простите

мою дерзость, но... простая? Вы — будущая хозяйка Гор и Стали. Гроза, закованная в серебро и укутанная мехами горных волков. И если когда-нибудь осмелитесь ступить в сады Лириэ'Арнес... — он внезапно замолк, притянул её ладонь к своей груди, где под тонкой тканью угадывался твёрдый контур медальона, — я научу вас слышать, как дышат цветы в полнолуние.

Феарида ощутила, как жар разливается по щекам, но не отпрянула. Её пальцы непроизвольно сжались в ответ.

— Это... и правда приглашение? — пробормотала она, утопая в его взгляде.

Амарант склонился, и его губы коснулись её ушка с почти невесомой нежностью.

— Обещание, — поправил он. — Ведь даже Илл'Танар, как гласят древние легенды, некогда не устояла перед красотой, что дарует избранным сама Луна.

Alexandra
Romanova

Alexandra
Romanova

Эвендель захлопала в ладоши с таким неподдельным, ди-карским восторгом, будто только что увидела, как горит им-ператорский дворец. Её смех, хриплый и громкий, раскатил-ся по переулку. Вальдеон же присвистнул — настолько по-хабно и оглушительно, что с ближайшей крыши, каркая от возмущения, сорвалась целая стая ворон.

— Bravo, принц-соблазнитель! — проревел Пёс, сопро-вождая слова хлопками. — Эй, а где твоя шляпа для монет? Дорогая, поддержим артиста!

Он уже потянулся к Эве, намереваясь по-свойски обхва-тить её за талию, но пиратка, даже не глядя, механически шлёпнула его по руке. Вальдеон отдёрнул ладонь и надулся — точь-в-точь обиженный пёс, которого хозяйка отогнала от стола.

— Держи, сердцеед, на кружку эля! — Эва недолго думая вынула из кармана один ауреус и подбросила его в воздух. Монета, блеснув в лунном свете, с лёгким звоном призем-лилась в раскрытую ладонь Амаранта. — Обжиматься с на-следницей стальной крови — это тебе не мокриц под камня-ми считать!

Сильванорец отвесил им грациозный поклон, одновре-менно подмигнув смущённой Феариде.

— Благодарю, щедрая публика! Завтрашнее представле-ние — с фонтанами из вина и лесными айтриллами⁴!

⁴ Айтриллы — сознание места, суть природы, обретшая разум и форму. Каж-

Феарида, пылая румянцем до самых ушей, попыталась укрыться за спиной сестры, но Таариса с силой схватила её за плечо.

— Смотри, — прошипела она, указывая на щёки сестры. — Вот он, настоящий герб нашего позора.

— Э-э-эй, расслабь хватку, Тасси, — Вальдеон с приятельским хохотом шлёпнул Таарису по спине так, что она непроизвольно качнулась вперёд, округлив глаза. — Пусть детки пофлиртуют, мир не рухнет.

Таариса мгновенно выпрямилась и обернулась. При её росте их лица оказались почти на одном уровне, и взгляд, которым она одарила пирата, упёрся в него, как клинок. Она ничего не сказала. Просто резко выдохнула, и демонстративно отвернулась.

— Ну и мордашка у тебя, словно у совы рассерженной, — весело мурлыкнула Эвендель, подмигивая Таарисе. — Выдохни! У вас, стальных дев, даже поцелуи, поди, скрежетом доспехов сопровождаются?

Таариса, брезгливо сморщившись, вцепилась в рукав сестры и потащила её прочь, бормоча под нос что-то о «разло-

дая айтрилла уникальна и привязана к своему источнику силы (лес, гора, море, небо). В пределах этой территории она могущественна, вне его — слабеет. Видеть их способны только те, кто напрямую связан с магией и кому сами айтриллы захотят показаться. Классов известно множество, и далеко не все из них были зафиксированы. Основные, условно выделяемые по стихии: сильванары (лесные), аквилоны (водные), петрионы (каменные), аэриды (воздушные). Существуют и другие, например, связываемые с огнём, льдом, болотами или пустынями, но информация о них отрывочна и часто противоречива.

жении основ» и «вечном позоре для их рода». Феарида, не находя слов, судорожно провела рукой по волосам — и замерла, наткнувшись на нежный, крошечный цветок, невесть как запутавшийся в её серебряных прядях. Амарант покоился на неё и, сделав вид, что изучает ночное небо, приложил палец к губам, мол, это только между нами. Но сдержать усмешку ему было не под силу.

До гостевого дворца Ордена Стальных Вершин оставалось несколько кварталов, и ночь не обещала снисхождения тем, кто шатался по столице без сопровождения. Впрочем, Вальдеон и Эва давно смекнули: гвардейцы искали, кажется, не этих птенцов — погони за ними не было, а улицы до сих пор были подозрительно тихи. И всё же, рисковать никто не собирался. Вальдеон, сделав знак остальным, первым скользнул вперёд, проверяя переулки. Двигался он бесшумно, и каждый его жест, будь то поднятый кулак или короткий кивок, был скуп и точен. Эвендель держалась чуть позади сестёр, прикрывая тыл, и её внимательный взгляд обшаривал окна и крыши.

Амарант замер на перекрёстке и плавно опустился на одно колено, касаясь ладонями холодной брусчатки. Его длинные уши чуть заметно дрогнули, прислушиваясь к чему-то за пределами слышимого, а линии на коже пульсировали мягким серебром. Феарида и Таариса следили за ним с одинаковым любопытством — они-то привыкли полагаться на слух и сталь, а здесь перед ними творилось что-то иное. Сами

ээрн'тале тоже не бездействовали: каждая ловила малейший шорох, выискивая в тишине стук чужих сердец. Сильванорец поднял руку и молча указал в обход освещённой площади, и вся компания двинулась, повинувшись его безмолвному сигналу, как если бы проделывали это уже сотню раз.

Луна, их молчаливая соучастница, нырнула в облака, когда сёстры приблизились к ограде.

— Благодарю за прекрасный вечер, прелестные госпожи, — произнёс Амарант, а Эвендель снова фыркнула, подталкивая девушек в спину по-дружески грубовато.

— Шевелитесь, птенчики гнезда аристократического, а то мы передумаем и сдадим ваши светлые головы стражникам за пару-тройку звенящих ауреусов!

Таариса, с привычной лёгкостью подоткнув подол туники за пояс, одним отточенным движением взлетела на ограду и исчезла по ту сторону. Феарида последовала за ней, но на самой вершине замерла, обернувшись.

— Я не забуду того, что вы сделали, — тихо сказала она, обращаясь ко всем троем. — Никто из вас не обязан был помогать нам вернуться.

Её взгляд скользнул по фигуре Вальдеона, и пират, поймав его, склонил голову в нарочито галантном поклоне.

— Благородная госпожа, — промурлыкал он, — не забудьте счистить с башмаков помои. А то ваши бдительные няньки заподозрят, что вы не с мечами всю ночь возились!

Девушки исчезли в глубоких тенях между колоннадами,

и лёгкий шорох их шагов смешался с монотонным стрёкотом цикад. Амарант, небрежно прислонившись к шершавому стволу дерева, не отводил глаз от фасада дворца, пока последний отсвет серебристых волос Феариды не растаял в тёмном проёме окна.

Едва сёстры скрылись из виду, сильванорец переключился на Эвендель. Он тут же завёл какую-то лёгкую болтовню — что-то про сладость ночных цветов и лёгкую горечь грейпфрута, неуловимо схожую с её духами, — и Эва, к удивлению Вальдеона, что явственно отразилось на его лице, не отмахнулась. Она улыбалась. Кивала. Даже рассмеялась несколько раз.

Тени переулка сгустились и поползли по камням. Вальдеон, привалившийся к стене, казался её продолжением, ввинчиваясь взглядом в юношу и выискивая в нём слабинку

— Ты либо круглый дурак, либо смерти ищешь, — неверяще процедил Пёс, раздувая ноздри. — Два пирата, в чьём послужном списке крови больше, чем вина в погребке Императора, а ты лыбишься, будто на придворном рауте.

— Милейший, ваши грозные тирады пугают меня куда меньше, чем ворчание моей почтенной бабушки, — Амарант лениво пожал плечами, хоть и не сводил с пирата взгляда. — И, признаться, я не ощущаю от вас достаточной... угрозы.

Эва прикрыла губы, сдерживая смешок, и с любопытством изучая, как мерцают узоры на коже сильванорца:

— Охота посмотреть, как этот благородный цветок станет

колоться шипами на Турнире Пяти Орденов.

Амарант, грациозно склонившись, галантно взял её пальцы в свои и коснулся их губами. Эва не отдернула руку, наблюдая за ним с лёгкой улыбкой и чуть склонив голову набок.

— Обязательно приходите, леди. Я покажу, как рождается магия под вздохи толпы, — в его голосе прозвучали нотки твёрдой убежденности. — Я намерен победить. И там я продемонстрирую всё, чему меня учили. Поверьте, посмотреть вам будет на что.

— Ну какой хорошенький! — Эва звонко рассмеялась, хлопнув в ладоши. — Я буду болеть за вас! С такой уверенностью вам не будет равных. Согласен, Вальдеон?

Пёс молчал. Его челюсть сжалась так, что послышался скрип зубов.

— Ты везде этот сироп разливаешь? — ворчал пират. — Или только перед дамами позу ломаешь?

— Каждая женщина — это цветок, уважаемый, — Амарант стряхнул с рукава невидимую пылинку. — Без должного ухода даже самая роскошная роза зачахнет. Взгляните на леди Эвендель — сияет, несмотря на ваш... шарм простолудина. Могу дать вам пару уроков. Сегодня я пребываю в особо благородном настроении, знаете ли. Обычно такие знания стоили бы целое состояние, но...

Тело Пса дернулось вперёд с пугающей скоростью, но Амарант был быстрее. Он плавно ушёл вбок, пропуская ку-

лак мимо, и его пальцы, обвитые вспыхнувшими серебристыми рунами, сомкнулись на запястье пирата. Камни мостовой под ногами отозвались низкой вибрацией.

Амарант не атаковал. Он направил магию иначе — мягко, успокаивающе, как умиряют дикого зверя или утешают плачущего ребёнка. Сильванорец попытался коснуться души пирата... и не нашёл ничего. Его сила просто скользнула в пустоту, не встретив ни отклика, ни сопротивления. А Вальдеон даже не дрогнул.

— Не стоит, пират, — произнёс Амарант тихо, в его лазурных глазах, ещё мгновение назад игривых, мелькнуло замешательство, которое он тут же подавил. — Не забывайте, с кем имеете честь говорить.

Эва молнией вклинилась между ними, прижимая ладони к груди Вальдеона и отталкивая его.

— Ну полно тебе, Вальди! — в попытке разрядить обстановку её смех прозвучал чересчур громко. — Юноша просто хорошо воспитан и галантен... Господин Амарант, он вспыльчив, прошу, не гневайтесь на дурака!

Вальдеон вырвал запястье из хватки сильванорца и отступил на полшага, но взгляда не отвёл, прожигая юношу многообещающим взглядом.

Амарант, мгновенно смягчившись, отступил с лёгким поклоном, хотя его пальцы ещё подрагивали от странного отзвука прикосновения к пирату. Сильванорец спрятал руки за спину — жест, который мог бы вполне сойти за светскую

непринуждённость, если бы не лёгкая дрожь в кончиках.

— Всё прощаю, раз уж вы просите, о, прекрасная, — он одарил Эву одной из своих самых обворожительных улыбок, намеренно не глядя на Вальдеона. — И, пожалуй, мне стоит продолжить прогулку в одиночестве. Ночь слишком хороша, чтобы тратить её на склоки.

Эва тепло улыбнулась ему в ответ и помахала рукой на прощание.

— Летите уж, ваше сиятельство. Пусть моя Удача коснётся и вас.

Удача. Для Эвы это было не просто слово. Амарант вспомнил рассказы матери о морском культе: диком, суеверном, но по-своему честном. И сейчас, получив благословение от капитана с Меткой, он не мог отделаться от чувства, что ночь вокруг и правда стала мягче, а путь впереди — яснее.

Принц благодарно кивнул, развернулся и зашагал прочь, но едва он миновал первые несколько шагов, как улыбка сползла с его лица. Он не оглядывался, но по напряжённым плечам и тому, как его пальцы то сжимались, то разжимались под тканью плаща, было ясно: Вальдеон его насторожил. Серьёзно. А вот Эва — другое дело. О Серебряной Лисице не рассказывали страшных сказок. Она не убивала безоружных и не держала в страхе целые эскадры. И потому к ней Амарант не чувствовал ничего, кроме благодарности и восхищения.

И едва сильванорец растворился в ночи, Эва с силой толкнула Пса в проём между домами. Её пальцы впились в грубую ткань его рубахи, прижав его к холодному камню.

— Совсем из ума выжил, идиот несчастный?! — голос сорвался на шёпот, полный ярости. — Какого хрена ты вообще полез на него? Он — наследник Ордена Алых Лепестков, Вальдеон! Решил устроить нам аудиенцию у палача?! — она задыхалась, грудь вздымалась часто и прерывисто. Взгляд, горящий в темноте, испепелял его, пытаясь докопаться до крупницы здравого смысла. — Это не просто юнец, это маг, мать твою! И только по чистой удаче мы сейчас не собираем собственные кишки!

Пёс даже не попытался скрыть самодовольную усмешку. Она расплзлась по его лицу, обнажив золотой клык и выдавая опасную беспечность.

— Да расслабься, Эв. Этот павлин просто зазнался. Важно не кто он, а что он может. А против меня... — он лениво повёл плечом, — против меня даже его хвалёная магия — просто фокусы для деревенской ярмарки. Пусть хоть сто лет учится. Не выстоит.

— Зазнался?! — её голос снова взлетел до визга. — Он, шип бы его побрал, и есть сама власть! И вёл себя при этом куда приличнее, чем ты в своих лучших снах! Галантно, понимаешь? А если бы он решил сдать тебя имперским стражникам? Что бы я тогда делала? А наш план? Ты хоть на секунду подумал о... вообще хоть о чём-то?!

— Волнуешься за меня, а? — промурлыкал он, и его улыбка стала ещё шире и опаснее, говоря о полном отсутствии раскаяния.

Эва смотрела на него, забыв дышать, и вдруг осознала, как близко он стоит. Тепло его тела и знакомый запах дыма, соли и металла ударили в голову. В висках застучало безумное желание — врезать ему. Со всей дури. Чтобы снести эту наглую ухмылку и выбить этот проклятый золотой зуб, который всегда её раздражал. Она заставила себя выдохнуть, вспоминая слова Торгара: ярость — сила, но не ты служишь ей, а она тебе. Резко разжав пальцы, она оттолкнула Вальдеона от себя, сделав шаг назад.

— Не льсти себе. Мы здесь по делу. У нас есть план, и команда ждёт золота, а не наших трупов. Так что хватит чесать языком и выяснять, кто сильнее, — она скрестила руки на груди и мотнула головой. — Идём. Дело ещё не сделано.

Два силуэта, слившиеся с прибрежным шиповником, наблюдали за портом. Солёный ветер шевелил волосы Эвы, а волны, с тихим шипением накатывавшие на сваи, глушили перекличку дозорных. «Серебряный Лис» дремал в нескольких лигах от порта — его белоснежная обшивка мерцала в тумане, как мираж, и даже Эва почти не различала контуры родного корабля.

«Идеальная маскировка», — с гордостью подумала она, прикусывая губу.

— Ходят по двое. Интервал — два часа, — прошелестел

её голос, и серебристый циферблат хронографа щёлкнул в её ладони. — Ночью — пятеро. Аэрн'талийцы... Слишком уж эти гордецы самоуверенны. Думают, их сила заменит бдительность.

Пёс, пригнув голову к коленям, посмотрел на неё искоса и выдавил усмешку:

— Ты им оды воспеваешь или план строишь? Расслабься. Наши команды — не безмозглые щенки.

Эва резко вдохнула. Где-то на борту «Лиса» ждали десятки жизней, доверившихся её расчётам. Один промах — и волны станут их саваном.

— Цель — «Стальной Горн», галеон аэрн'тале, — начала она, выцарапывая кинжалом чёткие линии на песке. — Там — состояние. Оружие, доспехи, слитки знаменитой стали, что не тускнеет веками. Всё это — дар их Ордена Императору, — лезвие ткнуло в нарисованный галеон, а затем указало на реальный корабль неподалёку, чьи украшения на носках тускло поблёскивали в ночи. — Забираем всё. Но не как воров, а как... новые владельцы.

Пёс приподнял бровь, но молчал, слушая.

— План прост. Их экипаж — не моряки, а солдаты. Сильны в бою, но в море беспомощны, как дети. Не будем пробивать силой. Мы войдём через парадный трап, — она провела линию от пустынного пирса прямо к борту галеона. — Я изучила списки. Спасибо нашему информатору — там было всё и даже больше. А сегодня я видела в гавани два пруде-

нитских корабля. Значит, старик Зантарий уже здесь, а с ним и его инспекторы. Сама судьба подкинула нам прикрытия.

Вальдеон хмыкнул, но не перебивал.

— Твои ребята — те, что больше всех на людей смахи-вают, в форме портовых грузчиков глушат ночной дозор на причале. Тихо, без крови. Мои, под видом пруденитских инспекторов, поднимаются на борт. Якобы внезапная проверка таможенных печатей. После того, что Куива'Нариен учудил в прошлом году на аурелийских верфях, ни один капитан не удивится.

— Это когда тот психанул и перерыл им все трюмы?

— Ага. Старый Хью рассказывал: на беднягу свалилось столько писем, что он, видимо, просто психанул. Император требовал срочно проверить аурелийские порты и корабли — говорят, искали скрывающихся полукровок, — а глава Хранителей, вместо того чтобы спустить это на тормозах, взял и устроил настоящую облаву. С инспекторами, печатями и протоколами. И знаешь, что? Ни одного полукровки не нашли. Зато нашли дюжину неучтённых грузов, три фальшивых манифеста и контрабанду, за которую местные до сих пор расплачиваются.

— Хью как всегда, — фыркнул Вальдеон. — Готов нос в любую политическую хрень засунуть, лишь бы историй пьяницам рассказать. А что до пруденитов... Император орёт «лови полукровок», а глава их сидит в своей башне и думает: «Ну-ну. Давайте посмотрим, что вы там ещё прячете, госпо-

да хорошие». Уважаю. И корабли у них что надо.

— Вот именно, — Эва кивнула. — Прудениты вообще не питают неприязни к полукровкам, но формальности соблюдают до последней запятой. Так что если мои люди явятся на борт с печатями и потребуют документы — никто не заподозрит подвоха. Пока их капитан ищет бумаги, мы безвредим охрану на палубе и запрём оставшихся в трюме. А дальше — твой выход, — её глаза сверкнули в темноте. — Ты пробираешься к штурвалу, и пока весь порт спит, «Стальной Горн» под твоей рукой плавно и тихо отходит от причала. Без паники, без тревоги. Словно сам решил сменить стоянку.

— А стража на берегу? — хрипло спросил Пёс, мысленно уже проходя маршрут: восточный риф, затем — против течения. Штурвал в его руках пел морские баллады, и каждый в море знал, что Безумному Псу нет равных в искусстве укрощения кораблей.

— Так это же аэртале. Будут стоять хмурить лбы и чесать затылки, соображая, что вообще поменялось, а мой «Лис» уже будет ждать в открытом море, чтобы принять тебя и забрать добычу. Туман спрячет нас лучше любого покрыва, — она обвела на песке широкую дугу. — Мы не грабим. Мы забираем своё. И корабль, и сталь, и их гордыню. Удача благоволит тем, на ком лежит её вечный след.

— И пока он горит — сама стихия склонит пред нами голову.

Эва обернулась так резко, что Пёс едва успел среагиро-

вать. Мгновение — и она уже тянула его за собой, прижимая к земле. Их тела слились с густым кустарником, и даже прибой затих, вместе с Эвой прислушиваясь к шагам дозорных. Пират замер, чувствуя, как её рука стискивает его плечо; губы непроизвольно дрогнули в усмешке.

— Ого, капитанша, решила порезвиться напоследок? — прошептал Пёс, напуская на себя томный вид. — Не знал, что тебе настолько нравится природа...

Эвендель бросила на него взгляд, в котором смешались ярость и едва сдерживаемый смех, и прижала руку ко рту пирата.

— Знаешь, — прошептала она, подавшись ближе, так что его щёки опалило тёплое дыхание, — я почти соскучилась по твоим пошлым шуткам. Но это не значит, что за каждую из них я не мечтаю тебя придушить.

Вальдеон ощутил, как кожу покалывает, и ухмылка расцвела на его губах.

— Придушить, говоришь? А я бы и не возражал... Только, может, оставим эти твои грязные мыслишки на потом? — он посмотрел прямо в её глаза, где тревога мешалась с насмешкой. — Сейчас ведь главное — задание, а после... после мы обязательно найдём время для более тесного знакомства моей шеи с твоими руками.

Она отпрянула, ткнув его пальцем в грудь:

— Хватит паясничать. Если всё испортишь, задую заранее.

Голос звучал сурово, однако Пёс заметил, как её рука дрогнула, задержавшись у его вороты дольше необходимого. Он усмехнулся в ответ, но подчинился, выбравшись из зарослей вслед за ней.

Глава 12. Гений, чьё сердце — вечный компас, указывающий в неизведанное

Причал встречает гения в пыли,

И для него Турнир — лишь шанс открыть миры.

Луна проглянула в разрыве туч — и крохотный кораблик, больше походивший на скорлупку, бесшумно вполз в порт. У причала сгрудились стражники, чьи факелы выхватывали из мрака облупившуюся краску борта и скрученные верёвки, и одинокую фигуру на палубе, судорожно чихавшую в пыльный рукав.

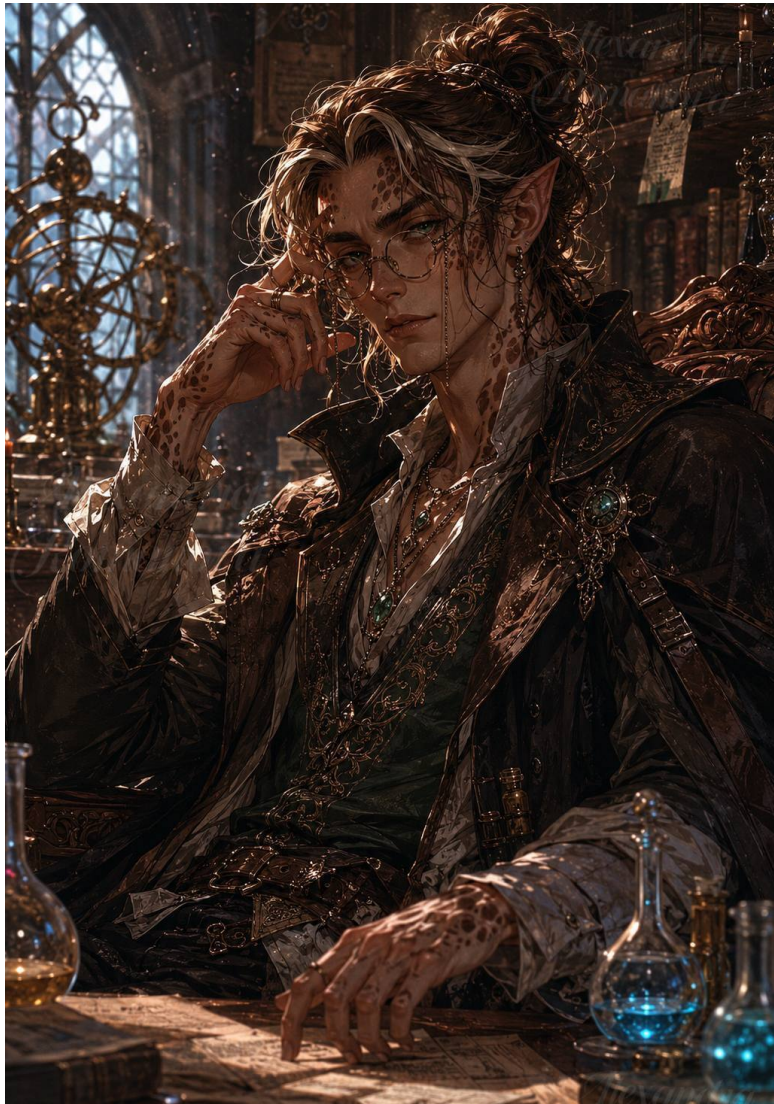
Он вывалился из лодки с грацией падающего кулька с грибами, и только тут стало ясно, насколько он высок. Худощавый, как стебель тростника, он, казалось, состоял из одних углов. Длинный плащ, когда-то бывший чёрным, а ныне отливавший цветом заношенных подошв, взметнулся, устроив вокруг небольшой шторм из пыли и рассыпавшихся крыльев засушенных мотыльков. У воротника торчала увядшая веточка, зацепившаяся за ткань, судя по всему, ещё на прошлой неделе. Очки, съехавшие на кончик носа, поймали от-

блеск факела, и трещина на левой линзе раздробила огонёк в калейдоскоп из бликов.

— Стой! — прогремел старший стражник, выставляя вперёд древко алебарды. Его перекосило от страха пополам с брезгливостью, причём брезгливость явно брала верх. — Назовись и объяви цель визита, оборванец!

Неизвестный выпрямился, судорожно поправив очки на переносице, и из его груди вырвался оглушительный чих, от неожиданности заставивший стражу дружно вскинуть щиты.

— Простите, господа, — голос оказался неожиданно глубоким и мелодичным. Он вытер нос рукавом и скинул капюшон, открыв мужественное, но странно одухотворённое лицо. — Анаксагор Куива'Нариен. Что же касается цели моего визита в ваш, позвольте заметить, весьма... аутентичный анклав, она продиктована желанием приобщиться к состязанию, коему суждено аккумулировать... — он заметил полное непонимание на лицах стражников и улыбнулся, мгновенно перестроившись. — Прошу прощения. Анаксагор Куива'Нариен. Прибыл для участия в Турнире Пяти Орденов.

Пруденит стоял перед ними, улыбаясь широко и ослепительно, но как-то механически. Его нездорово бледную кожу испещряли тёмные пятна на лбу и скулах — расовая метка, уходившая под воротник рубашки. Длинные каштановые волосы, перехваченные кожаным шнурком в высокий пучок, вздыбились непокорной гривой, а в чёлке и на левой брови выделялись светлые волоски — странно, но знающие шептались: это шрамы от магии, выжегшей из волос цвет. Его рука легла на нагрудный знак, и стражники тут же посерели.

— Орден Хранителей Бесконечных Свитков... Сын господина Зантария?! Простите, ваша милость, мы не узнали...

— Хо-хо! Не милость, а, если верить письмам отца и сестры, — хроническая головная боль, — ответил Анаксагор, смахивая с плеча пыль. Он широко улыбнулся, но взгляд оставался пустым, без малейшего отзвука чувств. — Да ладно, чего уж там. В этих одеждах меня и родная мать на порог не пустила бы, если бы не покинула этот мир ранее.

Он шагнул вперёд, чтобы раскланяться с показной галантностью, и сорвавшаяся с плеча сумка выплеснула на пирс груды странностей: позеленевшую астролябию, свиток с рунами, склянку, где пульсировало нечто синее. Стражники переглянулись. Младший из них не удержался — губы дрогнули в усмешке. Ещё бы! Ведь этот чудак был тем самым гением, о котором сплетничали в тавернах: тем, что в пятнадцать лет остановил чуму, разгадав, что крысы травятся

от масла огненного гиацинта. А в двадцать изобрёл «эликсир веселья», который заставил леопардов в Кора'Сириэль орать подобия славословий Истинному, чем привёл почтенную Алуя Бурю в состояние, близкое к припадку.

— Господин Куива'Нариен! — один из стражников, совсем юный, согнулся в глубоком поклоне. — Ваш отец... Вы... Ваши труды о чуме в Азорах спасли мой родной город! Моя семья... б-благодарю вас!

Анаксагор ошеломлённо моргнул. Его взгляд скользнул по лицу юноши, анализируя гримасу, слова, но не схватывая их эмоционального заряда. Он видел слёзы в глазах, слышал дрожь в голосе, но для него это были лишь данные, симптомы, не вызывающие «эмпатического резонанса».

— О, это... — он поправил очки и заговорил ровным тоном. — Мы с отцом всего лишь проанализировали цепь биохимических реакций. Логика подсказала верный путь. Э-э... — пруденит на мгновение замолк, догадываясь, что стандартная формула «не за что» здесь, вероятно, не подходит, и он искренне недоумевал, за что его благодарят — за выполнение логической последовательности? — Ваша... признательность... зафиксирована.

Он произнёс это с той же отстранённой учтивостью, с какой мог бы констатировать результат эксперимента. В его мире чувства были лишь переменными в сложном уравнении поведения, и он давно перестал пытаться его решать. Пруденит нагнулся за выпавшим грибом-биолюминофором,

и плащ распахнулся, обнажив камзол, увешанный всякой всячиной. К кожаному поясу были пристёгнуты десятки свитков, испещрённых формулами, которые, чудилось, шевелились на пергаменте. Стражники застыли между страхом и восторгом: перед ними расхаживала легенда. Безумец, спустившийся в кратер Вулкана Прозрений, чтобы «поговорить с магмой». Гений, чьё сердце — вечный компас, указывающий в неизведанное.

— Скажите, — Анаксагор стал ещё более серьёзен, — а мои уже здесь?

— Корабль вашего отца прибыл позавчера, — старший стражник согнулся в новом поклоне, но голос его дрогнул от внутреннего смятения: перед ним стоял живой парадокс — наследник великого рода в затёртом плаще, пахнущем пылью дальних странствий. — Позвольте проводить вас...

— Не стоит, не стоит! — Анаксагор уже сделал несколько неуклюжих шагов в сторону города, спотыкаясь о собственную сумку, из которой выкатился очередной свиток, отдалённо напоминающий звёздную карту, и пучок сушёных лягушек. — Я найду дорогу. Если, конечно, — он обернулся, и на его лице вновь вспыхнула та самая, словно бы искренняя, улыбка, — гостевой дворец не перенесли на луну с тех пор, как мой прошлый эксперимент вышел из-под контроля в районе винных фонтанов Императора.

Стражники переглянулись. Гений, чудак, спаситель — он был всеми сразу.

Охранники загалдели, словно стая воробьёв, наперебой тыча пальцами в разные стороны и перебивая друг друга:

— Гостевой дворец в квартале Лунных Арок, господин!

— Нет-нет, через рынок кузнецов быстрее!

— Я вас провожу, мудрый господин!

Анаксагор махал длинными руками, будто отмахиваясь от роя пчёл, но на его лице не было и тени раздражения — лишь лёгкая озадаченность.

— Благодарю, благодарю, искренне тронут вашим рвением! — в его тоне звучала не притворная, а логически выведенная вежливость. Он понимал, что они проявляют заботу, и, как воспитанный пруденит, обязан был это оценить. — Но не хочу вас утруждать. Знаю столицу, как собственный письменный стол, — он повернулся и начал тыкать длинным пальцем в пустоту, мысленно накладывая карту на реальность. — Там — театр, там — рынок, а по прямой, если пройти сквозь сад леди Лиоретт, — бани! Совершенно логичный маршрут.

Они расхохотались, забыв о церемониях и субординации.

— Кстати, — Анаксагор замер на полушаге. — Когда я подходил к порту, мне показалось... Нет, не показалось. В тумане определённо стоял корабль. Довольно крупный. Серебристый такой.

Стражники переглянулись, заметив, как пруденит нахмурился.

— Странно, — пробормотал он, скорее себе, чем им. —

Маскировка у него слишком хороша для торгового судна. Ни одного лишнего огонька, ни намёка на присутствие. И Орденских знаков я не разглядел... Хотя в такой туман, конечно, можно ошибиться, — он рассеянно махнул рукой. — Вероятность ошибки наблюдения в условиях плохой видимости составляет примерно...

Он замолк, поймав на себе выжидающие взгляды стражников, и вдруг вспомнил, что говорит с людьми.

— В общем, — Анаксагор поправил съехавшую сумку и улыбнулся, — в преддверии Турнира Пяти Орденов найдутся желающие воспользоваться суматохой. Пираты, контрабандисты, охотники за лёгкой добычей... Настоятельно рекомендую усилить охрану. Особенно в ночное время. И особенно там, где швартуются суда Орденов с ценными грузами.

Он на секунду замолк, а потом улыбнулся — на этот раз чуть рассеянно. Старший стражник вытянулся.

— Благодарю за предупреждение, господин Куива'Нарие-ен! — воскликнул он. — Немедленно усилим дозоры на всех причалах!

И когда высокая, угловатая фигура скрылась в узком переулке, стражники немедленно бросились исполнять приказ.

Гостевой дворец Ордена Хранителей дышал учёностью. Стены его были сплошь завешаны картами с пометками на полях, этажерки гнулись под тяжестью фолиантов, а воздух пах смесью ароматов старого пергамента, едких чернил и бодрящего аурелийского кофе. Анаксагор проносился по ко-

ридорам, оставляя за собой след из перьев, свитков и сушёных лягушек. Привратники обменивались улыбками, пропуская его: все знали — где появляется Куива'Нариен-младший, там неизбежно следует открытие или хаос. Чаще — и то, и другое разом.

Дверь в кабинет распахнулась сама, едва он к ней приблизился, будто чувствуя знакомый, суматошный энергетический след.

— Ну наконец-то! — голос отца прокатился по комнате, заглушая скрип старых половиц. Зантарий вскочил из-за стола с такой стремительностью, что опрокинул малахитовую чернильницу — фиолетовая лужа поползла, впитываясь в древние манускрипты. — Ты принёс с собой столько пыли, что я чихнул ровно трижды, пока ты поднимался по лестнице! И... — он оглядел фигуру сына с головы до ног, оценивая выцветший плащ, растрёпанные волосы и торчащую из сумки лапку сушёной лягушки. — Богов наша наука хоть и категорически отрицает ввиду отсутствия воспроизводимых доказательств, но... благие боги! Что с твоим видом? Создаётся впечатление, что последний отрезок пути до гостевого дворца ты преодолевал методом хаотического кувыркания!

Они столкнулись в объятиях — две долговязые тени, зеркальные и непохожие разом.

— У меня талант к приключениям! — Анаксагор, не выпуская отца из объятий, одной рукой вытащил из кармана смятый свиток, заляпанный засохшей глиной и чем-то бу-

рым. — Нашёл в болотах таблички с проклятиями! Посмотрим?

— Отлично! — Зантарий выхватил находку с жадностью коллекционера, тут же забыв и про внешний вид сына, и про фиолетовую лужу на столе. — Вечером будем их методично опровергать. Сразу после ванны. И... — он вдруг рассмеялся, ткнув пальцем в сломанные очки сына, — ты взял мои старые, с оптической лаборатории, да? Я так и думал. Никто, кроме тебя, не додумался бы носить эту рухлядь.

Они замерли, ухмыляясь друг другу, — не просто похоже, а зеркально, двумя половинками одного целого: два чудака, два гения, два листка, вырванные из одного фолианта. Где-то били дворцовые часы, возвещая о наступлении полночи, но здесь, в эпицентре бури из свитков, чернил и смеха, время отступало перед вечным диалогом родственных умов.

Зантарий Куива'Нариен возвышался посреди кабинета, как башня, сложенная из книг и вопросов. Черты его лица были резкими, плечи — острыми, а пальцы, изогнутые за десятилетия перелистывания манускриптов, напоминали причудливые ветви. Бледная, сухая кожа была испещрена тёмными пятнами — такими же, как у сына, только глубже врезанными в плоть. Из-под местами седой гривы волос, забывшей о существовании расчёски, выступали длинные, устремлённые вниз уши, но главной силой в нём были глаза. Глубокие, цвета потускневшего изумруда, они светились ровным огнём познания и в них отражались все прочитанные

им свитки и все разгаданные тайны.

— Кстати, а где Сапиентия? Я думал, встречу её здесь.

— Твоя сестра не смогла покинуть Голдмарк, — Зантарий прищурился с хитринкой. — Госпожа Солейн перед отъездом оставила её «за главную», как она выразилась. Сказала, что Сапиентия — самая вменяемая из всех, кто мог бы там оказаться. Так что теперь она утопает в бумагах по самую макушку.

— Одна? — Анаксагор приподнял бровь.

— Нет, конечно, — Зантарий махнул рукой. — Господин Тер'Айлин вместе с ней. Веселит её шутками, пока она разбирается с документами, полагаю.

— Вполне в стиле Антуриума, — хмыкнул Анаксагор.

— Сапиентия не жалуется, — Зантарий пожал плечами. — Она девочка умная. Да и дядюшка твоего друга весьма неглупый сильванорец. Он политик с огромным опытом, — Зантарий уже развернул свиток, который сын сунул ему ранее, и вглядывался в письмена. — Ты, к слову, забыл перевести руны на обороте. Здесь нет проклятий. Всего лишь рецепт от несварения. Думаю, нам пригодится после банкета на Турнире.

И их смех слился в унисон.

— К слову, об этом... Я уж думал, ты намеренно решил «заблудиться» по дороге на Турнир. На твоём месте я бы так и поступил. Даже рассчитывал, что ты сбежишь в сильванорские джунгли, — Зантарий ухмыльнулся, наблюдая, как сын

вытряхивает на стол содержимое сумок, больше напоминающее коллекцию птичьих гнёзд, чем учёные труды. — Один лишь вид этих церемоний способен отпугнуть даже гипотетические божественные сущности.

Анаксагор фыркнул, подбрасывая в воздух потрёпанный дневник, и поймал его за уголок, едва не уронив в фиолетовую лужу.

— Турнир? Суета для толпы. Победит Амарант, — он щёлкнул пальцами, и в воздухе на мгновение повисла переливчатая иллюзия магии сильванорцев. — Госпожа Кир'Лианна вложила в него все свои знания о магии, Антуриум дал политическую основу, а почтенная Эл'Лориэнтель — весь свой сарказм и солдафонскую дисциплину. Идеально для победы в подобном спектакле. Да и кому, как не Алым Лепесткам, стать следующим Верховным Орденом?

Отец, поправляя очки, одобрительно хмыкнул. Их семейная библиотека помнила Амаранта с тех самых пор, когда тот, худой и длинноногий, как жеребёнок, частенько пробирался в архивы тайком. И он же был соавтором большинства проделок Анаксагора — именно их дуэт когда-то подменил чернила в канцелярии на вонючий сок огненной лианы, вызвав чихательный рефлекс у всего Совета Пяти.

— А вот девушка-аэрн'тале... — Анаксагор скривился, разглядывая лист с генеалогическим древом семейства Аэлиндорн, нацарапанным по памяти. — О ней столько слухов! «Ведьма! Бледная как смерть! Мать нагуляла!» Всего-то

частичный альбинизм, но нет — бредовые слухи плодятся быстрее, чем кролики.

Зантарий согласно кивнул, открывая ящик с печеньем:

— А юную Аурику госпожа Мириэлия подготовила так же, как готовили меня к свадьбе с твоей матерью. То есть никак. До сих пор не улавливаю логики в её решении сослать сестру в нефелийский Орден. Чему её бы там научили? Лучше бы к нам прислали. А вот что до Аэриона... — он язвительно усмехнулся, с наслаждением отламывая кусок печенья. — Ну, с нефелийцами никогда не угадаешь. Их духовные искания напоминают мне принцип дымчатых частиц: чем больше наблюдаешь за их траекторией, тем менее предсказуемой она становится. Сегодня он медитирует на Истинного, завтра — вызывает прапрадедушку для совета по садоводству.

— Вероятно, у прапрадедушки был ценный опыт в выращивании плакучих ив, — с абсолютно невозмутимым видом вставил Анаксагор, наливая себе кофе.

— Без сомнений! — фыркнул Зантарий. — А послезавтра, когда ему это наскучит, он объявит, что нашёл нового бога в узорах на своей каше. Ну, богов и мертвецов тоже понять можно: скучно же им, наверно.

— Не знаю, что там у нефелийцев в их оперённых головах, но моя цель проста и элегантна, — Анаксагор развалился в кресле, закинув ноги на стол, заваленный чертежами. Он отхлебнул из кружки отца крепкий, как алхимический

реактив, кофе. — Остров Пятиконечной Звезды не всплывал три столетия! Представь, какая там могла сформироваться уникальная биома! Грибы, способные синтезировать свет, лишайники, поглощающие магические волны! Может, даже летучие мыши, в чьей слюне содержится катализатор, преобразующий воздух в плазму, — по сути, миниатюрные драконы! А айтриллы... — он закатил глаза, словно в религиозном экстазе. — Айтриллы! Зафиксировать их удаётся раз в поколение! Амарант как-то пытался призвать их при мне, но не вышло. Вероятно, мой резонанс не соответствует их эфирной частоте.

— Только ради блага науки, конечно, — съязвил Зантарий, сбрасывая ноги сына со стола. — Никакого личного, сугубо исследовательского интереса к огнеплюющим. Но если увидишь там что-то... э-э-э... с повышенной склонностью к спонтанному самовоспламенению — это я про Амаранта — вспомни: прудениты не участвуют в гонке за власть. Мы наблюдатели. Хранители. И...

— И мастера по избеганию проблем, — Анаксагор с торжествующим видом вытащил из рукава карту, усеянную пометками: «Стальные Вершины. Зона тектонической нестабильности (дракон? айтриллы? ледяные черви?)», «Лири-э'Арнес. Агрессивная флора (земля-людоед, лианы-хищники)», «Нефелум. Область перманентного иллюзорного воздействия (НЕ ХОДИТЬ — БОЛОТО! Топяные Ткачи. Русалки!!!)». — Смотри! Я даже составил карту потенциальных

угроз для своих экспедиций, на основе анализа исторических хроник и местного фольклора. Пригодилось. Обещаю, на Турнире тоже не стану отсвечивать. Разве что для калибровки приборов.

— Приборов, — без тени удивления повторил Зантарий, разглядывая карту. — Я так и думал. Ты взял спектрометр, сейсмограф и тот свой... агрегат для измерения настроения духов.

— Естественно! Без полного набора инструментов это будет не исследование, а путешествие! — Анаксагор вскочил, его глаза горели. — Я хочу зафиксировать всё. От состава почвы до эмоционального отклика айтрилл на музыку. Это же бесценные данные!

Он уже собрался продолжить, но на мгновение замер.

— Ах да, кстати, — добавил он уже спокойнее, но с той же лёгкой задумчивостью. — Пока плыл сюда, заметил в тумане корабль. Маскировка у него — загляденье. Если бы не случайный блик, я бы и не заметил.

Зантарий приподнял бровь.

— Пираты?

— Весьма вероятно, — Анаксагор беззаботно махнул рукой. — Я зарисовал силуэт. Мало ли, пригодится для исследования морских аномалий или для отчёта о контрабандных маршрутах. Кстати, неплохо было бы изучить, как они доби-
ваются такой поверхности...

— Анаксагор, — отец вздохнул, но в его голосе слышалась знакомая устало-ласковая нотка, — иногда мне кажется, ты готов изучать даже то, что находится за пределами нашего мира, если оно покажется тебе достаточно интересным.

— Ну, — Анаксагор поправил очки с самым серьёзным видом, — солнце — это всего лишь раскалённая глыба, а не колесница древней аурелийской богини. Кто знает, что ещё мы ошибочно считаем чудом? Вдруг за пределами нашего мира есть целые вселенные, состоящие из чистых формул?

Зантарий фыркнул, пряча улыбку:

— Ты бы ещё луну камнем назвал, который оторвался от Стен Предела.

— А что, — Анаксагор пожал плечами, — в этом есть логика... Надо будет записать эту мысль. Хотя до солнца мне

всё равно не достать, — добавил он мечтательно. — А вот с пиратами... С тем, кто владеет таким кораблём, было бы интересно пообщаться. Чисто в научных целях, разумеется. Расспросить о навигации в тумане, о способах маскировки... Жаль, что они вряд ли согласятся.

Зантарий только покачал головой, поднимаясь.

— Ладно, гений. Иди мойся. От тебя разит, как от свитка, пролежавшего в заброшенной гробнице пару столетий. А потом — ужин. Я велел подать твой любимый грибной суп и тот плесневый сыр с голубой культурой. Всё, как ты любишь.

— «Смердячка»! — Анаксагор прыгнул к двери, чуть не зацепив вазу с ядовитым плющом, который потянулся к нему с явной симпатией. — Ах, отец! Как же я скучал по всему этому! По разговорам, по супу... по тому, что меня понимают!

— Двадцать семь лет... — едва дверь захлопнулась, вздохнул Зантарий с деланной усталостью. — По пруденитским меркам — даже не треть жизни. И вся эта треть ушла на то, чтобы научить его мыться перед ужином...

Глава 13. Железный Бык

Каюта квартирмейстера «Серебряного Лиса» встретила Эву знакомыми запахами — смолы, старого дерева и книг. В скупом свете масляной лампы, подвешенной к потолочной балке, лениво кружилась пыль. За массивным дубовым столом сидел Торгар. Даже сидя он напоминал несокрушимый утёс, поставленный стражем в самое сердце корабля. Его руки, покрытые картой старых шрамов, лежали на столешнице, и даже свет лампы, падая на них, будто тускнел.

«Железный Бык». Прозвище было вытатуировано на его плече — вздыбленный бык, выцветший от времени и шрамов. Мускулы под кожей перекачивались при малейшем движении, как подземные толчки. В сплетённых в косички прядях бороды звенели железные кольца, а левом ухе, едва заметно поблёскивая в полумраке, мерцала перламутровая серьга. Но главной его силой была не грубая мощь, а тишина. Торгар молчал с такой интенсивностью, что чудилось, сам мир замирает в ожидании его слова.

— Дядюшка, — вырвалось у Эвы, едва она захлопнула дверь. Слово-привычка из того времени, когда за его широкой спиной можно было укрыться от любой беды. Он давно стал тихим стержнем её мира: безмолвно сносил капризы юного капитана, прикрывал в десятках стычек, а однажды, не проронив ни звука, вынес её на руках из огня, когда «Лис» едва не стал её могилой.

Торгар кивнул, и в паутине морщин у глаз появился намёк на улыбку.

— Будь Хильда мертва, — заговорил он, и голос его был низким и тяжёлым. — Она поднялась бы из могилы, чтобы придушить тебя за этот план. Много азарта.

— С ней всё понятно. А ты? — Эва вздёрнула подбородок, бросая вызов неподвижности соратника.

— Не знаю кто из вас двоих безумнее: ты или Пёс... Надеюсь, за вами никто не следил.

Он поднялся, и каюта мгновенно стала тесной. Даже пригнувшись, чтобы не задеть балки под потолком, он заполнял собой всё пространство, воплощая неумолимую мощь народа Стальных Вершин. Команда расступалась перед ним, движимая смесью страха и уважения, но шли за ним не только потому, что он ломал хребты врагам, словно те были хворостинками, а потому, что он никогда не отступал, всегда врываясь в бой первым — за неё.

— Говори, — отрубил он, сдвигая свитки.

«Говори» означало «я слушаю». «Говори» означало «ни одна твоя безумная идея не останется без моего участия».

И Эва заговорила, зная, что каждое её слово будет подхвачено этой железной волей, способной отлить авантюру в план.

— Информация есть, — начала она, откинувшись на дверной косяк. — Мы с Вальдеоном проследили за сменой дозорных.

Торгар повернул голову, и в его глазах, повидавших тысячи смертей, мелькнуло нечто тёплое.

— Пёс — ходячая беда. Команда у него — шакалья свора. Предадут, как только учуют слабинку или услышат звон чужой монеты. Посмеют рискнуть — и их черепа украсят наш форштевень, как бы сильно тебе это не претило.

— Он справится, — уверенно парировала Эва, уперев руки в бока. — Даже самых отъявленных негодяев обведёт вокруг пальца. Или ты забыл, как он провернул ту аферу, что-бы раздобыть тебе подарок на день рождения?

Уголок рта Торгара дёрнулся, морща старый шрам.

— Тогда он «раздобыл» мне бочку тухлой сельди вместо обещанного вина.

— Но ведь старался! — рассмеялась она и на мгновение снова стала той девочкой, что пряталась за его спиной. Снова посерьёзнев, она добавила: — Если всё полетит в Бездну, я прикрою вас. Уходите. Не оглядывайтесь. Гарт и Ми'рикат будут ждать вас на палубе.

— Уходить? — он фыркнул. — Ты до сих пор не научилась отдавать приказы, девочка. Мы тонем или горим — я буду здесь. Ты — мой капитан. Пока моё сердце бьётся, твоё тоже будет биться.

— Кстати, я не спросила... — взгляд Эвендель помрачнел, — мы ведь собираемся ударить по кораблю твоих же...

— Моя раса — экипаж «Лиса». Мой Орден — этот корабль. Всё остальное — пыль, — Торгар наклонился, и железные кольца в его бороде звякнули. — На аэрн'тале я готов плевать с самой высокой скалы Торвенгара. А что если тебе придётся выбирать между добычей и Вальдеоном? — спросил он внезапно, и в этом вопросе было всё, о чём они никогда не говорили: «Ты ведь его вытащишь, даже если это будет стоить нам состояния?»

— Его шкура, конечно, дорого стоит, но он сам о себе позаботится, — отмахнулась Эва.

Торгар лишь хрипло хмыкнул:

— Значит, бросишься вытаскивать. Как в тот раз, когда он полез на гарпунщиков с голыми руками.

— Это было десять лет назад, Торгар!

— А ты всё та же, — он ткнул в её лоб грубым пальцем, точь-в-точь как в детстве, когда ловил её с табаком. — Сорвиголова.

Эвендель закатила глаза, но спорить не стала. В его ворчании проступала забота, которую он не умел выражать иначе.

В этот момент дверь каюты с протяжным скрипом отво-

рилась, нехотя уступая напору. В проёме стоял Вальдеон — расслабленный, с ухмылкой, будто только что обыграл самого Императора в кости. Но вся картина переменялась от того, кто заслонял собой весь коридор позади него.

Пламя масляной лампы дрогнуло, сжавшись до синего язычка. Квартирмейстер Пса заполонил каюту, как ядовитый туман. Он был чудовищно огромен, его плечи, казалось, раздвигали сами косяки двери. Шрамы на его теле походили на трещины в высохшей земле. Левый глаз утопал в багровом рубце, татуировки на бритой голове извивались рунами, похожими на следы, оставленные слизнями, а рассечённая губа намертво застыла в оскале, обнажая ряд кривых жёлтых зубов.

— Эва, Дядюшка... — пропел Вальдеон, расставив руки с театральным шиком. — Готовы устроить самый громкий праздник в году? Торгар, твоя хмурая рожа — мёд для глаз. Давно не виделись. Это, к слову, Брут, — он кивнул в сторону громилы.

— Тебе я не дядюшка, — ровно ответил Торгар. Он не добавил ни слова, но взгляд его договорил: «Я помню, как ты полоснул её от груди до плеча».

Улыбка так и застыла на лице Вальдеона.

Эва молчала. Её взгляд прилип к полукровке за спиной пирата. Каждая частица этого существа излучала абсолютную угрозу. Торгар, не меняя выражения лица, сместился на полшага, снова став между ней и опасностью, как делал бес-

счётное количество раз.

— Говори по делу, Пёс, — пробасил он, и Вальдеон рас-
смеялся, небрежно поправляя перевязь с кинжалами.

Брут шагнул вперёд. Пол каюты жалобно застонал под его
тяжестью. Его единственный глаз, жёлтый и узкий, медленно
прополз по Эве, остановившись на шее. Она почувствовала,
как по коже побежали ледяные мурашки, а в висках резко
и коротко кольнуло. Торгар смерил того взглядом — от бри-
того черепа до кривых зубов — и отвернулся: видал и хуже.

— План? — просипел Брут.

Вальдеон щёлкнул пальцами прямо перед его неподвиж-
ным лицом:

— Всё просто. Вы — громите, тащите и, если понадобится,
режете. Слушаете меня и стараетесь недохнуть. По край-
ней мере, пока не отдам команду.

Глава 14. Последний приказ

Луна окончательно укрылась за завесой туч, оставив порт во власти зловещей темноты. Лишь силуэты кораблей аэрн'тале угадывались в ночи. Волны бились о сваи с приглушённым плеском. Эва ощущала каждый звук обострённо. Где-то там, в густом тумане, её «Серебряный Лис» оставался невидим и поджидал возвращения капитана, а часть команды уже приступала к работе здесь, на суше. Загримированные полукровки и прудениты готовились ступить на борт галеона, притворяясь внезапно нагрянувшей инспекцией, как вдруг из мрака к Эве выплыл Пёс.

— Жду не дождусь, когда канцелярия аэрнтале наутро начнёт рвать на себе волосы, обсуждая наш визит, — прошептал он. — Надеюсь, этот грабёж станет легендой.

Эва не удостоила его ответом, лишь резким кивком указав на причал. Команды заняли позиции, вливаясь в узор ночи. План работал. Торгар слился с очертаниями скалы, став её частью. Брут же прятался в кустах неподалёку, и ветер доносил от него приторный дух больной плоти — сладковатый и гнилостный, будто внутри у этого полукровки что-то давно и безнадёжно портилось.

Всё началось с идеальной тишины. Команда Пса под видом портовых грузчиков бесшумно скользнула к борту «Стального Горна». Всё шло по плану: не было слышно ни

единого крика. На мгновение воздух содрогнулся от сдавленного хрипа — звука перерезанного горла. И снова — ничего. Давящая тишина, нарушаемая только бормотанием волн.

Эва замерла, отсчитывая секунды в такт бешено колотившемуся сердцу. Пять. Десять. Пятнадцать... Слишком долго. Слишком тихо.

Внезапно — одиночный лязг. Откуда-то слева, из переулка. Чутьё взвыло секундой раньше, чем Эва успела осознать звук. Её пальцы судорожно вцепились в рукав Пса.

— Надо уходи...

Земля под ногами вздрогнула.

Из черных пастей переулков хлынул металл. Без единого окрика, без лязга незакреплённого оружия — монолитная стена тусклой стали. Аэрн'тале наступали безмолвно, как прилив. И тут же, ломая их идеальный ритм, клином врубились имперские гвардейцы. Пурпурные плащи, блеск парадных алебард, грохот кованых сапог по мостовой.

Они угодили в ловушку.

Тени у пирса пришли в движение: маскировочные робы пиратов полетели на мокрые доски, обнажая клинки.

— ЗАСАДА! К ОРУЖИЮ!

Рёв Торгара разрезал панику, прежде чем она успела созреть. Он вырвался из тени скалы и бросился вперёд, расчищая путь перед собой. Вальдеон с диким оскалом рванул наперерез стальному строю. Его команда, ведомая Брутом,

инстинктивно сомкнулась вокруг капитана, как стая вокруг вожака.

Эва почувствовала, как почва уходит из-под ног. Её отрезали сразу. Три фигуры в пурпуре выросли будто из-под земли. Кортик взметнулся навстречу первому удару сам по себе.

ЛЯЗГ!

Удар был такой силы, что кости запястья хрустнули, а её собственное лезвие отлетело назад, едва не располосовав ей лоб. Воздух у виска со свистом рассёк второй меч — срезанная прядь черных волос упала на землю.

Эва попыталась разорвать дистанцию, но подвернулся какой-то канат. Секундная потеря равновесия — и в неё намертво вцепились чужие руки. Грубые, закованные в сталь, пахнущие маслом и кислым человеческим потом. Одна — в горло, другая — в предплечье, выкручивая сустав. Её подняли с земли одним рывком, лишив опоры. Свет портовых фонарей безумно качнулся и поплыл. Воздух кончился. В ушах загрохотал пульс, заглушая крики и звон стали.

— Эва!

Пёс расталкивал строй, не разбирая дороги, — весь в тёмных брызгах, что ещё не успели впитаться. Сабля выскользнула из ножен с хищным шипением. Клинок, выкованный в горнах Стальных Вершин, был покрыт рунной вязью, хранящей почерк аэрт'альских мастеров. И резала он доспехи человеческих кузнецов так, будто те были сделаны из пергамента. Сверкнув, лезвие обрушилось на кисть гвардейца,

сжимавшую горло Эвы. Руны на клинке коротко вспыхнули — и сталь вошла в сочленение доспеха. Ладонь, всё ещё сжатую в перчатке, отбросило в сторону. Из обрубка в лицо Эве ударил фонтан горячей крови. Гвардеец заорал, но второй удар пришёлся ему в шею — туда, где парадный воротник отходил от шлема, оставляя ровно столько места, сколько нужно для хорошего фехтовальщика. Сабля вошла в неё с чавкающим звуком, и вышла с другой стороны. Тело же, ещё не осознавшее смерти, сделало один нелепый шаг и рухнуло.

Пёс даже не взглянул. Он шагнул вперёд, и сабля в его руке превратилась в смертоносный вихрь. Каждый удар сопровождался коротким, свистящим вздохом стали и глухим хрустом — похоронной песней, которую клинок напевал для каждого, кто осмеливался встать на пути.

— Беги! — он рывкнул, даже не оборачиваясь, одной рукой грубо отшвырнув Эву за спину.

Она впечаталась лопатками в холодный камень стены, выбив из лёгких воздух, и увидела, что сам Вальдеон не отступил ни на пядь, став щитом между ней и наступающим строем.

Новый противник бросился на него, заноса тяжёлый двуручный меч. Раздался оглушительный визг, и сноп искр захватил из полумрака лицо Вальдеона, искажённое оскалом. Клинок одного из гвардейцев полоснул по его боку, но пират не дрогнул. Тёмная кровь хлынула, заливая рубашку и брюки, а он лишь оскалился пуще прежнего, обнажая золотой

клык. Гвардеец в золочёных латах с глухим лязгом рухнул на плиты, а Вальдеон развернулся к следующему.

— Назад, твари! — прорычал он, и этот звук мало походил на человеческую речь.

Тяжёлая булава врезалась ему в плечо, и он зарычал от боли. Пират уклонился от второго удара, пропуская топор в миллиметре от лица, в ответ рубанув по незащищённой руке.

Эва, прижавшись спиной к холодному камню, видела, как полыхает его глаз. В нём не осталось ни толики обычной бешеной удали. Только огонь одержимости.

— Вальдеон, хватит! — выкрикнула она, и потянулась, чтобы схватить его за руку.

Но он был уже в движении, врезаясь плечом в воина, сбивая того с ног.

— Надо отходить! — выдохнула она с мольбой.

Когда сабля застряла в рассечённом панцире, Вальдеон не стал тратить время. Правая рука метнулась к лицу ближайшего воина. Раздался звук, от которого у Эвы заныли зубы. Пальцы, подгоняемые безумием, сорвали шлем вместе с кожей и волосами. Когти впились в глазницы — Эва услышала влажный хлопок лопнувших глазных яблок. Гвардеец завыл, захлёбываясь кровью.

Вальдеону будто было мало. Он навалился всем телом на следующего, сбивая его на скользкие от кишок доски. Зубы пирата впились в оголённую шею солдата. Яростный рывок головой — и Пёс вырвал кусок горла вместе с трахеей. Фон-

тан багровой жижи залил лицо, окрасив подбородок и грудь в сплошной алый.

Он уже не чувствовал, сколько ран на его теле. Бок горел огнём, левая рука висела плетью, но это было неважно. Сплюнув плоть себе под ноги, он зарычал на замерший строй, заставляя закованных в сталь имперцев сделать шаг назад.

Когда перед Вальдеоном осталась лишь тишина и груда тел, больше похожих на мясные лоскуты, Пёс обернулся. Дыхание сбилось, пар вырывался из ноздрей клубами в холодном воздухе. С подбородка, смешиваясь со слюной, тянулась густая алая нить. Его единственный глаз, дикий и невидящий, лихорадочно рыскал по сторонам. И нашёл.

Эва не сдвинулась с места, но тело отпрянуло само. Это был не Вальдеон, с которым можно было спорить, шутиливо драться или пить в тавернах. Перед ней стоял Безумный Пёс во всей своей красе — Король Ужаса из брошюр нефелийцев, страшных сказок моряков, и ночных кошмаров всех жрецов Донатрикс.

К горлу подкатила волна тошноты. В нос ударил запах свежей крови и смрад вывернутых внутренностей и испражнений. Эву едва не вывернуло. Смотреть на Вальдеона — на то, с каким чавканьем он сплёвывал чужую плоть, — было невыносимо. Удушающее отвращение на миг сковало лёгкие. Она не могла смотреть на это спокойно.

Но капитан в ней оказался сильнее.

Зажав рот ладонью, Эва судорожно вдохнула через нос, заставляя себя сглотнуть горькую слюну, и силой перевела взгляд на пирс, возвращая разуму холодную чёткость. Нужно было оценивать обстановку, пока их всех здесь не похоронили.

Картина боя складывалась паршиво. Хаос разделился на два фронта. Её ребята взяли на себя людей из императорской гвардии. Там дела шли неплохо. Людские воины, несмотря на весь свой парадный блеск, путались в пурпурных плащах, орали, ломали строй и спотыкались о портовые канаты. С ними они бы разобрались. Команда Эвы умела драться грязно, и человеческая гвардия была им по зубам.

Но на левом фланге, где команда Вальдеона вместе с Торгаром пошли против аэртале, творилось самоубийство. Эва прекрасно понимала, что шансов против северных воинов на суше у них нет.

Хаотичная ярость полукровок бессильно взяла в монолитной дисциплине северных воинов. Те наступали как бездушный механизм. Ни одного лишнего замаха, ни единой бреши в строю. Они методично зачищали сектор, выдавливая пиратов к воде. Ещё пара минут, и этот стальной пресс перемелет Торгара и парней Вальдеона в фарш.

— Их слишком много! — крик Эвы потонул в нарастающем гулком громе. — Торгар, мы не прорвёмся!

Торгар слышал её крик. Видел, как человеческие гвардейцы насаждают на капитана, как Вальдеон, израненный и исте-

кающий кровью, закрывает её собой, превращаясь в безумного зверя.

Это была беспросветная задница, и Торгар понимал это лучше других. Хуже всего были те, кто прижимал их к воде. Его собственные сородичи. Аэрн'тале. Те, с кем он был одной крови, теперь без тени эмоций втоптывали его друзей в портовую грязь. Глядя на их идеальные шеренги, Торгар ощутил, как внутри закипает злость.

Он смотрел на этот безупречный строй и понимал: он не такой, как они. Не бездушный солдат. Его с самого детства — жестоко и через боль — учили подавлять внутреннюю ярость. Вдалбливали, что истинный аэрн'тале обязан быть холодным, как лёд Стальных Вершин. Он обещал себе никогда не будить то, что спрятано на самом дне его естества.

Но дисциплина была бесполезна против этой стальной стены. Им нужна была не тактика. Им нужен был первобытный, неостановимый ужас.

И Торгар отпустил весь контроль, дав волю ярости, что веками питала их народ до того, как они заковали себя в латы и законы.

Мышцы на спине и плечах вздулись, и с сухим треском лопнула ткань рубахи. Кожа мгновенно покраснела и от тела повалил густой пар, будто внутри Торгара тлела сама память о первородном огне. Зрачки заволокло белесой пеленой. Даже чужая кровь, засохшая на его огромных ручищах, мгновенно потемнела, отливая в свете факелов тусклым багрян-

цем.

— Торгар... — успела выдохнуть Эва, но имя утонуло в другом звуке.

Рёв, вырвавшийся из груди аэрн'тале, не имел ничего общего с человеческим голосом. Это был грохот скального оползня, смешанный с хриплым рёвом медведя. От одной лишь звуковой волны дрогнули факелы в руках гвардейцев, а у Эвы пронзительно и больно зазвенело в ушах.

Раккар-Тор.

Благословение богини Ирагаст, выжженное в крови древних воинов. Или их вечное, несмываемое проклятие.

Имперские гвардейцы, вышколенные до тупой отваги, лишь на миг замешкались. Для людей этот преобразившийся исполин оставался просто очередной мишенью — огромной, бешеной, но смертной. С боевым кличем, сорвавшимся на визг, они на ходу сомкнули тяжелые щиты и ринулись вперёд.

Но воины аэрн'тале... они замерли.

Их хваленый железный строй и безупречная дисциплина в одно мгновение дали глубокую трещину. Глаза ветеранов, видевшие сотни смертей, округлились. Наступавшие шеренги единым судорожным движением отшатнулись назад, в священном трепете перед святыней. Перед безумным божеством ярости, которое внезапно сошло в этот мир грязи, портовой гнили и чужого дерьма.

Они слышали саги, распеваемые старейшинами у священ-

ных костров. Знали истинную цену этой силе — и ту страшную цену, которую платит тот, чьё тело она выжигает изнутри. Самые молодые воины аэртале, не осознавая, что делают, коснулись ладонями груди напротив сердца. Этому жесту их не учили на плацах — его помнила сама их кровь и сама кость.

Седоусый командир, чьё лицо было картой старых сражений, побледнел. Его челюсть задрожала, и он хрипло проскрипел на гортанном древнем наречии:

— *Рагнар кхольд...* Кровь древних горит...

И его отряд, подчиняясь древнейшим охотничьим инстинктам, не сговариваясь сменил тактику. Яростный натиск мгновенно превратился в окружение — так аэртале водят по кругу разъярённых скальных виверн. Один неверный шаг, одна упущенная секунда — и ты превратишься в кучу рваного мяса.

Но Торгар уже не принадлежал этому миру. Меч в его ручищах взвыл, рассекая влажный воздух, и руны на стали вспыхнули ядовито-синим пламенем.

— А-А-А-РГХ!

Первый бросившийся к нему гвардеец успел поднять ростовой щит. Бессмысленно. Удар Торгара сверху вниз не встретил сопротивления: кованая людская сталь сложилась и лопнула, как тонкое олово, а кости руки под ней превратились в кашу. Следующий человек замахнулся алебардой, но Торгар был быстрее. Его тяжелый клинок вошел в плечо

гвардейца и по диагонали прорубил его до самого бедра. Тело с протяжным треском распалось на две части прямо на ходу. Скользкие внутренности с глухим шлепком вывалились на холодные камни.

Фонтаны крови ударили в Торгара, коснулись пышущей жаром кожи — и с шипением закипели, испуская пар. Кулак вогнал доспех третьего воина прямо в грудную клетку. Четвёртый, ползший по кровавой жиже, запутался в собственных кишках, волочившихся по земле.

Торгар кружился, как вихрь, а его меч оставлял за собой кровавый шлейф. Его собственная кожа лопалась под страшным давлением раздувшихся мускулов, но эти раны лишь распаляли его ярость. Глаза ничего не видели. Ни друзей, ни порта, ни черного неба. Только мишени. Движение. Плоть, которую нужно разорвать. Сердца, что должны навсегда замолчать.

Имперский офицер бросился на него с копьём. Торгар не уклонялся. Его рука на лету поймала древко, и оно сломалось о его колено с сухим треском, а обломок обратным движением вошёл гвардейцу в щель под шлемом. Пальцы Торгара вцепились в золочённый металл забрала, и он смял его, как тонкую фольгу, вместе с тем, что было внутри. Кости хрустели под сапогами как щебень. Тонкие плёнки внутренностей налипали на лезвие его меча, и он счищал их о броню следующей жертвы.

И Торгар пел.

Низкий, гортанный рокот вырывался из его горла, уходящий корнями в те времена, когда предки аэртале высекали свои руны не на стали, а на самой плоти. Через этот рвущий связки рев в мир смертных снисходила сама Мать Крови и Ярости. Древняя богиня возвращалась к своим детям, чтобы явить миру свой страшный, первобытный голос. Она никогда не говорила через слабых. Её шепот и волю могли принять лишь единицы — лучшие из воинов, чьи тела могли выдержать её священное безумие и не рассыпаться прахом.

И в ответ на этот утробный гимн руны на его мече переродились. Синее сияние погасло, уступив место тусклому багровому свечению, словно внутри клинка заворочался тлеющий уголь, жаждущий выжечь эту ночь дотла.

— Подкрепл... — начал выкрикивать гвардеец, но его голос превратился в хриплый бульк, когда Торгар, низко опустив плечо, врезался в их строй. Пятеро слетели с ног, как разбросанные камни. Его кулак нашёл лицо одного и вдавил в каменные плиты.

— Остановите это чудовище! — визжали люди, в панике разбегаясь. — Почему ваши стоят?! Косматые ублюдки!

«Чудовище»?

Для аэртале, державших строй в двадцати шагах от побоища, человеческое слово было кощунством. Они не видели чудовища. Они видели Кровь Предков, закипевшую в одном-единственном сосуде. Видели легенду о Раккар-Торе — о том, во что превращается их народ, если ярость полностью

пересилит разум. Зрелище леденило душу и опаляло её одновременно. Первозданная мощь в её самом чистом и ужасающем виде.

Меч рассёк гвардейца от ключицы до бедра, и две половинки, ещё на миг связанные лоскутом кожи, рухнули врозь, обнажив дымящуюся грудь внутренностей.

И вдруг — тишина.

Торгар замер. Его могучая грудь вздымалась, как кузнечные мехи, выталкивая клубы раскалённого пара. С его подбородка, с клыков, с ободранных кончиков пальцев срывалась крупными каплями кровь. Вокруг него лежала чудовищная куча из обрывков алого сукна, раскуроченных доспехов и того, что несколько минут назад было людьми.

И за этим кольцом абсолютной смерти стояли его сородичи. Воины аэртале, синхронно опустившие оружие. В их глазах не было ни капли страха или жалости. Только суровая, ритуальная решимость. Они знали, что делать, пусть в их времена это встречалось всё реже. Древняя кость помнила ритуал усмирения. Воины замерли и задышали в унисон — один медленный, едва слышный вдох на весь отряд. Шеренга за шеренгой, они заставляли сердца замедлять ход. Укрощали саму кровь, погружаясь в мертвенный покой.

Их раса была слишком чутка к звукам. Мир для них вибрировал, и каждого смертного они могли узнать по особенному, неповторимому стуку крови в жилах. Но сейчас Торгар, ослепший от присутствия Ирагаст, искал в этом стуке

лишь новые мишени. Бешеный пульс людских гвардейцев обрёл их на смерть, став для безумного великана зовом. Теперь его сородичи умирляли себя сами, превращаясь в безмолвные тени. Ни единого лишнего удара, ни одного живого эха, которое могло бы выдать их присутствие и направить ярость Матерей Крови на своих.

Они стояли неподвижно и ждали, пока пламя не выгорит. Пока богиня ярости, призванная плотью одного из них, не уйдёт обратно в глубины крови.

— Торгар!

Крик Эвендель прорезал лязг и хрипы. Она едва дышала, лицо было залито кровью — секунду назад гвардеец едва не снёс ей челюсть щитом, и теперь она сплёвывала кровь, судорожно орудуя кортиком.

Вальдеон, ходячая груда изрубленного мяса, хрипел, но продолжал бешено вращать саблю, убивая одного за другим. Они держались на чистом упрямстве, но пират, объятый Раккар-Тором, оставался глух.

Отчаяние и злость придали Эве дикую силу. Выкрутившись из-под выпада очередного имперца, она рванула вниз, пальцы намертво вцепились в обломок тяжёлой алебарды. Не раздумывая, она с размаху швырнула тяжёлое железо в великана. Обух с унизительно тупым стуком врезался Торгару прямо в грудь. Царапины не оставил, но заставил голову механически повернуться. Пустые, молочно-белые глаза нашли её.

— Проснись, мать твою за ногу! — выплюнула она. — Ослепший урод каменнолобый, слышишь?! ПРОСЫПАЙСЯ!

Пёс, прикрывая её спину изодранным телом, принял на лезвие удар сразу двоих. Захлёбываясь кровавой слюной и диким смехом, он рявкнул:

— Тише ты, оглохнет старый! Ему и так не сладко!

Но Торгар уже поворачивался к ней всем корпусом. Его огромный меч дрогнул.

— Я сказала — ОЧНИСЬ, обезьяна корабельная!

Эва резко скользнула под замах очередного врага. Точным движением она вогнала узкое лезвие гвардейцу глубоко в бедро, пониже панциря, подрезая мышцу. Гвардеец с воплем повалился на доски, потеряв опору. Он ещё только падал, когда Вальдеон, возникший из-за плеча, с ходу вколотил саблю в разинутый рот, пригвоздив к настилу пирса.

Срываясь на визг, Эва ткнула окровавленным пальцем в сторону пирса:

— ПОСМОТРИ НА ЭТО!

Что-то шевельнулось в окаменевшем лице Торгара.

— РАГНХИЛЬДА БЫ ТЕБЯ ВЫПОРЛА! — взвыла Эвендель.

Имя сестры сработало как удар обухом по темени. Торгар вздрогнул всем телом, от плеч до пят и по его спине пробежала ледяная волна, гася жар. Взгляд, возвращаясь из белой бездны, метнулся к измождённому Вальдеону, к своим же

матросам, которые гибли под ударами, к лицу Эвы, перекошенному гневом. А затем — под ноги. И он увидел скотобойню, которую устроил. Увидел, что стоит по щиколотку в липкой жиже из мяса, испражнений и костей.

— Эва... — слово прорвалось сквозь сжатые челюсти.

— Шевелись, сука! — Эва пнула хнычущего раненого имперца и рванула Торгара за пояс. — Кливер тебе в глотку, бегом нахер отсюда! УВОДИ НАШИХ!

Торгар замер, его грудь вздымалась, каждый вдох был похож на стон. Пот с кровью заливал глаза, слепил. Глубокая рана на груди, которую он не чувствовал, пульсировала тупым, нарастающим огнём. И только сейчас его зрение, вернувшееся из белой бездны, разглядело то, что игнорировал слепой гнев: хромающий Бенедикт волок на плечах окровавленного Гнома; юнга Щербатый, рыдая, шарил в карманах мёртвого гвардейца — искал хоть монету, чтобы эта бойня не была напрасной.

— Вон же, гляди! — Пёс, с лица которого стекала струйка крови из раны на виске, перехватил его потерянный взгляд. Саблей он указал в сторону южного причала, где в лужах из мясного фарша бились в предсмертных судорогах двое. — Мои сопляки издыхают. Твои там же. ЗАБЕРИ ИХ И ДУЙ НА КОРАБЛЬ! Спасай, что осталось, дядюшка!

Эва мёртвой хваткой вцепилась в изодранный рукав Пса, оттаскивая того назад.

— Капитанский, блять, приказ! Хочешь выжить — бей

копытом на корабль! Иначе лично разнесу тебе башку веслом, когда вернусь! Клянусь Приливом!

Торгар рванул к причалу, прижимая ладонь к сочащейся ране на груди. Разум заглушал боль, оставляя лишь одну ясную мысль: спасти своих. Хоть кого-то спасти.

Шеренги аэрн'тале снова смыкались, отрезая путь к отходу. Торгар на ходу выдернул из-за пазухи небольшой флакон, и с силой швырнул его прямо под ноги наступающему строю своих сородичей.

Флакон разбился о камни.

В ту же секунду грохнуло, и наружу вырвался слепящий сноп шипящих искр, взметнувшийся на десятки футов. Туман окрасился в багровый цвет, а воздух затрещал от магии.

Для аэрн'тале, чья культура и законы презирали и смертельно боялись колдовства, этот колдовской всполох стал ударом. Воины отпрянули, закрываясь щитами, ломая ряды и пятясь от багрового сияния, как от чумы. Этого мига суеверного страха хватило, чтобы разорвать кольцо.

А для своих этот туман был сигналом бедствия. *«Мы здесь. И мы проигрываем».*

И туман ответил.

Из молочно-белой пелены выросла серебристая громада. «Серебряный Лис», до этого момента бывший не более чем миражом, разом обрёл плоть. Длинный, мерцающий корпус скользил без единого звука, рассекая воду так мягко, что даже волны не выдавали его присутствия. Он возник, как при-

зрак из тумана, и теперь его острый форштевень был направлен прямиком к месту побоища.

— На месте, старина! Тащи зверинец! — проревел с палубы Гарт.

Его голос, хриплый от морской соли и многолетнего ора, показался Торгару самым прекрасным звуком, какой он слышал за весь этот проклятый вечер. Боцман уже перегибался через планшир, его медвежьи лапы ловко подхватили матроса, который едва не сорвался с верёвочного штормтрапа.

— К БОРТУ! ВСЕ К БОРТУ! — рявкнул Торгар, его рёв, знакомый каждому на корабле, вернул выжившим остатки сил.

Они хлынули к краю причала — хромающие, хрипящие, таща на закорках товарищей с перебитыми ногами и развороченными животами. Штурман Ми'рикат, извилистый и быстрый, как угорь, метался по палубе, его резкий голос рубил ночной воздух:

— Лево на борт! Чтоб вас ветром сдуло, уходим!

Верёвки с петлями на концах полетели с высокого борта «Лиса». Отлаженный, до секунд просчитанный план. Последний приказ, отданный их капитаном перед тем, как всё полетело в Бездну.

— Петлю под мышки! Быстрее, сукины дети! — гремел Торгар.

Его раненная грудь неровно вздымалась, окрашивая остатки рубахи в багровый, но голос был твёрже стали. Квар-

тирмейстер не побежал к спасению первым. Выжившие подползали к нему по скользким доскам. Торгар на лету хватал канаты, пахнувшие дёгтем и морской солью, одним мощным движением обводил петлю вокруг тела очередного ослабевшего матроса, намертво затягивал морской узел, который не распустился бы даже в шторм, и лишь тогда кричал наверх: «Тащи!»

Их поднимали на борт, как тюки с контрабандой, — бережно, но быстро. Тот, кто сорвался от слабости и шлёпнулся в ледяную воду, не успевал пойти на дно — Гарт и ребята у планшира, будто обладая шестым чувством, мгновенно швыряли ему новые спасательные концы, вылавливая из темноты. На палубе уже копошились десятки спасённых. Там их тут же принимали другие руки — оттаскивали, на ходу зажимали раны, совали в пальцы заряженные арбалеты и редкие огнеплюи, чтобы прикрыть остатки команды.

— Кто ещё? — Торгар окинул взглядом причал, вытирая окровавленную ладонь о бедро.

Его глаза, уже ясные, выхватывали в темноте каждую движущуюся тень. Он видел, как Пёс, пятясь, отбивался от нападающих гвардейцев, прикрывая их общий отход.

— Все наши тут! — донёсся сверху голос Гарта. — Двигай, двигай, Торгар, сука, прыгай!

И пока имперцы и воины аэртале, ошеломлённые внезапным появлением корабля-призрака, приходили в себя, «Серебряный Лис» уже ловил ветер, его серебристые пару-

са наполнялись, унося тех, кого удалось спасти. Торгар, при-слонившись к планширу, в последний раз обернулся и сердце его пропустило удар.

Эвендель и Вальдеон стояли на самом краю, спиной к спине, у самой воды. Пурпурные плащи гвардейцев и тусклая сталь аэрн'тале смыкались вокруг них, отрезая любой шанс на прыжок. Ловушка, из которой они вытащили команду, захлопнулась на них самих.

— Взять их! Императору носители Меток нужны живыми!

— Пса вырубай, а Лисицу брать целой! — исходил сиплым ором людской командир, размахивая палашом.

Эва приняла очередной скользящий удар алебарды. Руку обожгло такой болью, что в глазах на миг потемнело, а ноги подкосились на скользких досках. Она не упала только потому, что Вальдеон, чьё тело уже превратилось в сплошной поток багровых ручьёв, потянул её на себя. Он устоял на ногах каким-то чудом, закрывая её от надвигающегося строя собой.

— Капитан!!! — взвизгнул Ми'рикат на палубе уходящего корабля, вырвав из рук юнги подзорную трубу. — Леди Эвендель... они не прыгнули! Они остались!

Словно по сигналу, все головы на палубе повернулись к удаляющемуся берегу. Среди измождённых, залитых кровью и грязью лиц вспыхнуло одно-единственное слово, которое переросло в панический гул:

— Капитан... Она же там!

— Мы не можем её бросить! Разворачивай!!!

— Право на борт, сукины дети, разворачивай руль! — закричал кто-то из молодых матросов, в отчаянии хватаясь за канаты.

Возмущение, отчаяние и слепая верность поползли по палубе, угрожая смести всякое повиновение. Еще мгновение — и команда силой повернула бы судно обратно на убой.

И в этот самый миг сквозь матросский бунт прорвался голос Торгара:

— СТОЯТЬ!

Гвалт оборвался на полуслове.

Торгар стоял посреди палубы, тяжело завалившись набок. Одна его рука была прижата к сочащейся дыре на груди, а пальцы другой так яростно впились в деревянный планшир, что дубовая обшивка затрещала.

— Она отдала приказ! — прогрохотал он, и в его глазах стояла та же боль, что рвала сердце каждому на этом корабле. — Её последний приказ был — УХОДИТЬ! Кто ослушается своего капитана — швырну за борт!

В наступившей гробовой тишине был слышен только ветер в снастях и далёкие крики с пирса. Матросы медленно опускали головы, до белизны суставов сжимая кулаки. Дисциплина и верность долгу, вколотенные в них годами пиратской жизни, оказались сильнее страха потери.

— Круче на ветер... — сдавленно бросил Торгар, отвора-

чиваясь от берега.

Он больше не мог на это смотреть. Силы покидали его, кровь толчками уходила сквозь пальцы.

— Уходим.

«Серебряный Лис», послушный воле рулевого, со стоном подставил ветру серебристые паруса. Острый форштевень рассекал ночные волны, а молочный туман цеплялся за реи и мачты. Он скрывал их бегство, унося корабль подальше от места, где они только что заживо похоронили часть души.

Глава 15. Удача благоволит тем, на ком лежит её вечный след

«Среди баловней судьбы, несущих на себе Метку Матери Приливов, правит один завет. Заслышав в портовой толпе иль в открытом океане клич: «Удача благоволит тем, на ком лежит её вечный след», отмеченный Меткой обязан отозваться.: «И покуда он горит на коже, сама стихия склонит перед нами голову». Струсишь, утаишь Метку — и гнев богини иссушит твою удачу, навек сделав тебя чужаком среди своих».
— **Неписанный кодекс морехода**

Эва и Пёс, прижавшись спинами друг к другу, отбивали отбивали атаку за атакой. Рука Эвы онемела от бесконечных блоков, подобранный обрубок копья дрожал в пальцах, но она не отпускала его — не могла. Пёс, окровавленный и хрипящий, крушил врагов, как загнанный зверь. Их окружили.

Пёс метнул взгляд на Эву — её перепачканное лицо всё ещё хранило упрямую решимость.

— Беги, — прошипел он, с трудом вгоняя клинок в горло ближайшему воину. Его самого уже шатало. — Я задержу

их, сука... беги!

— Вместе, — перебила она, отражая удар, — или никак.

Он хотел возразить, но атака пришла оттуда, откуда не ждали. Деревянная рукоять алебарды обрушилась на затылок Эвы с глухим стуком. В голове вспыхнула боль, искры поползли по краю зрения, и она рухнула на колени, хватая ртом воздух.

Всё, что оставалось в Вальдеоне человеческого, исчезло в один удар сердца.

— ЭВА-А-А!

Берег огласился рёвом зверя, у которого заживо вырвали душу. Он увидел, как офицер вздёрнул её за волосы и поволок по камням. Разум Пса отключился, уступив место слепой ярости.

Его левая рука не слушалась, бок горел огнём, в глазах темнело, но шторм безумия гнал это изрубленное тело вперёд. Он бросился вперёд и вцепился в горло ближайшему стражнику, не обращая внимания на удары по спине. Пальцы сжались, хрящи с хрустом поддались... и Вальдеон швырнул окровавленное тело в толпу, сбивая с ног других.

На него разом навалились шестеро, пытаясь скрутить. Вальдеон извивался, рычал, пуская изо рта кровавую пену, и грыз всё, до чего мог дотянуться. Его локоть с глухим треском сокрушил челюсть одного из гвардейцев. Зубы Пса впились в незащищённую кисть другого стражника, вырывая плоть.

— ОТПУСТИТЕ ЕЁ! СУКИ, ОТПУСТИ-И-И! — орал он, захлёбываясь кровью и яростью.

Пёс рванул к Эве, но тяжёлая рукоять меча обрушилась ему на спину, заставив осесть. Тяжёлый сапог вдарил по ногам. Вальдеон рухнул на мокрые камни, но даже теперь не остановился, продолжая ползти к ней, волоча непослушные ноги и со скрежетом царапая камни когтями. В его хриплом рыдании было больше боли, чем гнева.

— ПРОСНИСЬ! ЭВА, ПРОСНИСЬ, СЛЫШИШЬ?!

Его окончательно прижали к земле, заломив уцелевшую руку за спину. На шею накинута грубую кожаную удавку, затягивая до упора. Вальдеон задыхался, лицо посинело, из носа и рта текла кровь, но единственный глаз до самого конца не отрывался от удаляющейся фигуры Эвы.

Он видел, как её волокут в темноту, и этот образ вырвал из горла пирата вопль бессилия. И даже когда его потащили следом, в глубину казематов, он не умолкал. Надрывный рёв эхом разносился под сводами, сливаясь со скрежетом цепей и размеренной поступью стражников — последний салют погибшей свободе.

Эвендель швырнули на сырой, заплесневелый каменный пол. Кандалы с грубым лязгом впились в запястья, и холодный ржавый металл тут же принялся вгрызаться в израненную кожу.

Вальдеона волокли вшестеро. Имперские гвардейцы, теснясь в душном полумраке камеры, заталкивали его скопом,

обливаясь паническим потом. Они отчаянно пытались держать напыщенные позы, сохранять уставной блеск и чеканить шаг, но их руки ходили ходуном, а в глазах застыл ничем не прикрытый ужас.

Пёс бесновался. Даже изрубленный, истекающий кровью, с вывихнутыми суставами и сломанными костями, он уже не напоминал даже полукровку. Каждая жила на его шее вздулась толстым канатом. Он рвался вперёд с таким остервенением, что железные кольца в стене звенели, грозя вырваться с корнем вместе с кусками кладки. Из глотки его вырывался утробный рёв, от которого сворачивалась кровь. Гвардейцам, пытавшимся защёлкнуть замки, он со всей силы выплюнул в лица кровь вперемешку со слюной.

— Суки! Твари имперские! Подойди ближе, ублюдок! — рычал он. — Я тебе твои же кишки на горло намотаю! Только сунься!

Гвардейцы в долгу не оставались. Страх делал их жестокими, а застарелая, впитанная с молоком матери ненависть к полукровкам развязала руки.

— Пасть заткни, полукровное отродье! — один из стражников со страху наотмашь врезал Вальдеону обухом палаша по рёбрам.

Раздался сухой хруст, пират глухо зарычал, но взгляда не отвёл.

— На колени его! Дави тварь! — орал другой, со всей силы наступая кованым сапогом на его и без того покалечен-

ную ногу.

— И на ноги ему цепи! Живее! — орал командир, со свистом переводя дыхание и утирая разбитый нос. — Чтобы не вздумал пинаться, выродок. Пусть попляшет в железных лаптях, пока не смиритсЯ.

Солдаты забивали клинья в замки дрожащими пальцами. Пёс, поймав взгляд командира, снова дёрнулся, заставив всю шеренгу стражников отшатнуться и схватиться за рукояти.

— Покрепче вяжите, — скомандовал офицер, медленно пятясь к выходу и не сводя с Пса взгляда. — Отходите к дверям. Он и на привязи опасен.

Один из молодых стражников, чьё лицо сравнялось цветом с мелом, нашёптывал молитвы Истинному, глядя на то, как Вальдеон, лютуя, грызёт зубами оковы:

— Говорят же... «Безумный Пёс». Думал, рассказы старых матросов... А он ведь и впрямь не человек. Чистый зверь. Полукровка проклятая.

Командир хмыкнул, в последний раз смерив пленников безжалостным взглядом, и бросился вон. Тяжёлая, обшитая железом дубовая дверь с грохотом захлопнулась, отсекая пиратов от мира. Многопудовый засов снаружи щёлкнул.

За дверью ещё доносились глухие, искажённые голоса стражи.

— Ну их в Бездну, — горестно и устало выдохнул кто-то из бойцов. — Скоты портовые... Столько наших парней полегло на этом пирсе из-за двух недобитков с Метками...

— Не ной, — оборвал его жёсткий голос командира, хотя в нём самом сквозила печаль. — Мертвых не воротишь. Зато завтра утром — Турнир. Хотя бы на это зрелище поглазеть успеем, если эти двое в камере не вздумают буяннить.

— Турнир... — пытаюсь забыться, протянул молодой. — Весь город гудит. Говорят, сильванорский принц выйдет красивее всех. Ставлю годовой оклад, он победит.

— Шагай давай, знаток, — хмыкнул ветеран постарше, и звук их шагов начал медленно удаляться по коридору. — Сильванорец сильванорцем, а без пруденита, что указал на этих птичек, мы бы до утра перед канцелярией аэртале на коленях отчитывались за международный скандал. Ох, и полетели бы наши головы...

Пёс уже не разбирал слов — только общий гул голосов, удаляющийся вместе со стуком сапог. Звериная ярость, секунду назад разрывавшая стены, осыпалась, и Вальдеон обмяк. Без зрителей, без врагов, перед лицом неподвижной Эвы его ярость обратилась в чистую боль.

— Эв... — голос его дрогнул, потеряв всю свирепость, и теперь звучал как мольба.

Вальдеон из последних сил потянулся к ней, натягивая цепи до предела. Железо скрежетало, ржавые кольца вгрызались в разодранные запястья, но он не чувствовал боли, всматриваясь в её силуэт на полу.

— Очнись... Ну же, Эва, проснись. Пожалуйста. Слышишь меня?..

Она не отвечала. Тёмные ресницы лежали на бледных щеках, а руки безвольно свисали в тяжёлых наручниках. Пёс стиснул зубы до хруста, чувствуя, как ярость снова вгрызается в виски. Он с силой дёрнул кандалы снова — сталь вспорола кожу, но боль лишь взбесила его пуще.

Его затрясло. Сначала мелко, затем всё сильнее, пока цепи не зашлись судорожным перестуком. Из рта вырвался сухой звук — то ли задушенный всхлип, то ли жуткий смешок.

— Ты не умерла. Нет-нет-нет... — шептал он. — Не смей закрывать глаза, Лисица... Слышишь? Не смей. Я всё исправлю. Я всё отдам.

Он рванулся вперёд, едва не ломая руки об оковы, и слюна потекла по подбородку вместе с кровью. Взгляд его стал блуждающим, смотрящим сквозь стены.

— Я вырежу этот город, Эва... Слышишь? Весь город, до последнего младенца, до последней крысы в порту. Я найду того ублюдка, что ударил тебя... Я сниму с него кожу живьём. Буду срезать по куску в день и заставлю его жрать собственное мясо, только не молчи... Я их всех на ремни пущу... Императора, гвардию, принцев этих проклятых... Стены казематов кровью умою, алтарь из их кишок сложу! Слышишь?!

Он задыхался, но остановиться уже не мог.

— Заберите меня... Мать Приливов, твари из Бездны, кто угодно! Сдерите с меня шкуру, бросьте на дно, сожгите! Заберите мою кровь, всю до капли, подавитесь ей! — его шёпот перешёл в надрывное шипение, а из глаза покатилась слеза,

пробивая дорожку в запекшейся крови и грязи. — Только пускай она дышит... Пускай она сделает вдох... Пожалуйста... Эва... Не бросай меня здесь...

Тьма отступала лениво. Сознание цеплялось за неё, тянулось обратно, в небытие. Первой пришла боль. Разрывающая, будто кто-то с извращённым наслаждением, вбивал ей в затылок гвозди. Эва издала то ли стон, то ли хрип, пытаюсь оторвать голову от холодного камня. Стены камеры поплыли, сливаясь в серое месиво. На языке остался знакомый мерзкий привкус: медь, соль и горечь поражения.

— ЭВА! — надтреснутый крик, лишённый привычной насмешки.

Она зажмурилась, заставила себя — раз, другой — открыть глаза, пока мир не обрёл чёткость.

Из полумрака проступил силуэт.

Вальдеон.

Прикованный к стене массивными цепями, с такими толстыми звеньями, что они казались выкованными не для человека, а для дикого зверя. Его протащили по всему портовому мусору — пыль, гравий и запёкшаяся кровь покрывали его сплошной коркой. Пальцы впились в железо кандалов, суставы побелели, а в глазу стоял животный испуг.

— Ты... жива? — выдохнул он.

И в этих двух словах, сорвавшихся с пересохших губ, Эва услышала то, от чего её боль на миг отступила. Голый страх. Такого она не слышала никогда. Даже в бою, даже когда

смерть дышала в лицо.

Она попыталась улыбнуться, но разбитые губы закровоточили сильнее.

— Кажется, да... — прошептала она, и слова царапнули горло изнутри. — Или мы оба в особом отделении преисподней.

Он дёрнул цепь. Железо скрежетнуло по вмурованному кольцу, осыпав пол ржавой пылью.

— Мать твою, Эв, я думал... — он осёкся, прикусив язык. Челюсти свело, желваки заходили под кожей. Он не позволил словам вырваться.

Эва прикрыла глаза, на миг отдаваясь спасительной тьме. Память возвращалась осколками: вспышки пурпурных плащей, оскаленное лицо Торгара, свист стали, оглушающий удар в затылок... И рёв Вальдеона, полный такой ярости и бессилия, что даже сейчас у неё похолодело внутри.

— Сколько времени прошло? — Эва медленно, преодолевая слабость, подняла закованную руку.

Железо наручников впилось в запястье. Онемевшие пальцы с трудом нащупали затылок. Там была липкая, мерзкая на ощупь корка. Эва неосторожно надавила — и перед глазами полыхнуло белым. К горлу подступила горячая, кислая тошнота.

— Пара часов. Не больше. — Вальдеон издал звук, похожий на смешок, но вышло криво. — В этой дыре время течёт, как дёготь.

Эва потянулась к нему, но цепи коротко и зло лязгнули, отбрасывая её руку назад. Пёс заметил это движение и его пальцы с такой силой впились в звенья кандалов, что казалось, сталь вот-вот поддастся.

— Я вырвусь, — прошипел он, и в его голосе зазвучала решимость, что пугала даже её. — Сломаю запястья, выверну суставы, но вырвусь.

— Вальди...

Имя сорвалось с её губ само. Отзвук тех портовых закоулков, где они были двумя голодными детьми без имени и будущего. Имя, которое она не произносила годами. Вальдеон замер. Всё напряжение, скручивавшее его мышцы, разжалось одним махом. Плечи обвисли. Он опустил голову, и в полумраке его лицо стало просто тенью.

— Не надо, — прошептала она.

Он не ответил. В гробовой тишине камеры теперь были слышны только прерывистые, хриплые вдохи, будто он пытался втянуть в себя боль, перемолоть её внутри и выдохнуть уже тишиной.

Эва заставила себя дышать глубже, через тошноту, через туман в голове. Капитан должен думать, даже когда мир рушится.

— Нас предали, — еле выговорила она, и от этой мысли тошнило куда сильнее, чем от раны на затылке. — Ловушка была слишком идеальной. Они знали всё, Вальдеон. Время, место, точный маршрут отхода... Сами имперские ищейки

ни за что бы не додумались выставить засаду именно там. Им слили детали. Нас сдали.

Она закрыла глаза, с нарастающей паранойей прокручивая в голове тот роковой вечер. Мысли цеплялись за каждого, кто был причастен к их вылазке. Кто?

Посланник информатора — невзрачный щенок с вечно дрожащими руками. Эва списала его мандраж на страх перед репутацией Серебряной Лисицы и Безумного Пса. А он просто боялся смотреть ей в глаза, зная, на какой убой их посылает.

А может, девчонки из аэртале? Они ведь сбежали из дома, искали приключений, связались с пиратами. Что, если их поймали? Если их высокородный папаша выбил из них признание, где и с кем они ошивались? Но нет, им бы самим не поздоровилось.

Тогда кто?.. Сильванорский принц?

Эва едва заметно мотнула головой, преодолевая новую вспышку боли в затылке. Нет. Только не Амарант. Да, этот высокородный мальчишка повздорил с Вальдеоном, их едва не пришлось разнимать, но с самой Эвой принц был подчёркнуто обходителен и пугающе очарователен. Эва не чувствовала — или просто малодушно не хотела верить, — что этот юноша с такими ясными, добрыми глазами мог хладнокровно сдать их.

Сильванорцы вообще обладали этой притягательностью, перед которой пасовала даже вечно настороженная Лисица.

И сейчас разум услужливо искал для Амаранта любые оправдания. В конце концов, откуда ему было знать? Принц ведь понятия не имел, что именно они собирались грабить в порту и на какой конкретно корабль нацелились!

Но как бы Эва ни пыталась защитить этот светлый образ, внутри неё холодело от другой мысли. Это вполне мог быть Амарант. Идеальное алиби, добрый взгляд, а за спиной — все ресурсы, чтобы выставить безупречную засаду.

— Мы здесь... надолго, — голос её стал плоским. — Будут держать до конца этого проклятого Турнира, а может, и дольше. До тех пор, пока не выжмут всё. Им нужны координаты свободных флотилий. Место расположения верховной Первой Отмеченной.

Вальдеон вскинул голову. Он понимал, чем они рискуют: за жрицей Донатрикс охотилась вся Империя. Но важнее другое: сама Мать Приливов избрала Эву щитом для Первой Отмеченной. Об этом статусе знали лишь единицы внутри культа, и для имперцев Эва пока была просто опасным пиратским капитаном с Меткой. Но если они узнают... Если они поймут, кто она на самом деле...

— Они не остановятся, пока не сломают нас, — Эва уставилась в потолок, покрытый плесенью. — Но им неизвестно, кто я для культа. И что только я знаю, где сейчас Первая Отмеченная. Если я заговорю — всё кончено.

Мысль, уродливая и логичная, вращалась в сознании. Не простой сговор. Тоньше. Кто-то знал её жажду к удару по

Имперской пята. Знал и подсунул приманку, отравленную насквозь. И она, всегда осторожная, всегда недоверчивая Эвендель, проглотила её.

— Это либо сам информатор, либо его посыльный. И се-ребро, что мы заплатили за «информацию»... оно сейчас в кармане того, кто нас сдал. Весь план... изначально был ловушкой.

Вальдеон молчал дольше обычного, вслушиваясь в её хриплую тираду. А затем вдруг задумчиво произнёс:

— А может, твой щенок-информатор тут и ни при чём.

Эва с трудом повернула голову, преодолевая боль в шее.

— В смысле?

— Да так, — он дёрнул здоровым плечом, и цепи отозвались коротким звоном. — Стражники говорили, что нас сдал пруденит. Кто-то из их Ордена наверняка увидел нас в порту и тут же доложил властям, в обмен на какую-то сучью выгоду.

— Бред, — отрезала Эва, но в тоне её на миг мелькнула неуверенность. — Мы оба проверяли доки. Трижды кружили перед высадкой. Хвоста не было. Не под кожей же у нас этот пруденит сидел!

— Какая уж теперь разница, — Пёс дёрнул цепь, тщетно пытаясь податься вперёд. — Ну и что теперь, капитан? Каков план? Будем просто гнить в этой дыре и ждать, пока нас пустят на фарш, или как?

— Сдохнем мы на плахе, — поправила его Эва, с тру-

дом прислоняясь к стене. — Империя любит публичные зрелища. А сломанные руки... — она кивнула на его окровавленные запястья, где среди рваной плоти одна Метка Удачи оставалась нетронутой, — только приблизят миг, когда мы ничем не сможем помочь друг другу. Прекрати их рвать.

Вальдеон рванулся всем телом, выгнув спину, и закричал — крик ударился в сырые стены, отскочил приглушённым эхом:

— Конца не будет, слышишь?! Я вырвусь! Я...

Он осёкся, увидев, как Эва зажмурилась, лицо её исказила боль. В один миг лицо его преобразилось — бешенство сменилось паникой. Пёс потянулся к ней, забыв о кандалах, и железо снова впилося в запястья, пуская кровь.

— Эв, — выдохнул он тихо. — Ты... только дыши. Пожалуйста. Просто дыши, хорошо?

Она медленно открыла глаза, и он замер: её взгляд, полный боли и нежности, пригвоздил его к месту.

— Не смей сдаваться, — в его сиплом выдохе звучала отчаянная убеждённость. — Я вытащу тебя, клянусь. Как ты тогда вытащила меня, в бурю, в бухте Трупов, помнишь?

Эвендель рассмеялась, но как-то печально.

— Ты тогда чуть не утонул, дурак, пытаюсь спасти мой сундук с картами.

— А ты вытащила меня за волосы, — ломано усмехнулся Вальдеон. Он смотрел на неё снизу вверх, ловя каждое дыхание, готовый стерпеть что угодно, лишь бы она продолжала

говорить. — Так что теперь моя очередь. Я долги возвращаю.

В его взгляде на миг мелькнуло что-то застарелое, тёмное. Долг, о котором они молчали, но который Вальдеон был готов оплатить каждым днём верности. Долг, оплаченный жизнью — шаг за шагом.

— Если... — начал он вдруг, покосившись на массивную железную дверь. — Когда мы выберемся отсюда... я построю дом. На самом краю света. Там, где только белый песок и бесконечные волны. Переплавлю все свои сабли на инструменты. Буду мастерить безделушки и кинжалы с рукоятками из цветного морского стекла, чтобы продавать их богатым дуракам.

Эва приподняла бровь, изучая его профиль.

— Переплавим? — протянула она насмешливо. — Ты, который дважды чуть не сжёг свой корабль, пытаешься создать лучшие пушки? Не дури.

— А моя жена бы смеялась надо мной, сидя у камина, — Вальдеон повернулся к ней, и в глазу полыхнуло что-то острое и одновременно нежное. — Быть может, даже с парой орущих спиногрызов на коленях. Я бы мог рассказывать им байки до рассвета. Столькому научить...

Эва прикрыла глаза. Память отбросила назад: они у костра, а он — совсем ещё зелёный тощий сорванец с разбитой губой — клянётся, что станет самым богатым пиратом в Империи.

— Жена, дети... — она намеренно растягивала слова, на-

блюдая, как он ёрзает на привязи, заставляя цепи позванивать. — И кто же, интересно, отважится зайти в твой дом? Ты ведь как та блохастая собака Старого Хью. Вечно в крови и драках.

— Хах, Грог! — на мгновение лицо его озарилось волчьим оскалом прежнего бесшабашного мальчишки. — Лучший пёс на всем Острове...

Вальдеон наклонился ближе, насколько позволяли кандалы.

— Ну а ты? Ты бы зашла? В такой дом.

Эва молчала, смотря на того с удивлением. Где-то в сырой темноте капала вода, отсчитывая секунды.

— Чтобы потом прибирать разгром после твоих пьяных дебошей и латать твои дырявые бока? Пришлось бы, — она попыталась издать привычный вздох, но на последнем слове голос предательски дрогнул.

Вальдеон отвёл взгляд и сглотнул ком в горле, сжав ладонями холодное железо цепей.

— Ладно, это всё... бред. Тюремный бред, — пробормотал он, нервно дёргая цепью с показным раздражением. — Каменная клетка быстро сводит с ума... Хотя, кому я вру? — он вдруг коротко хохотнул. — Пытаться лишить рассудка того, кого вся Империя кличет Безумным Псом — так себе затея для этих застенков.

— Вальди... — её пальцы в кандалах дрогнули, совершив крошечное движение в его сторону. — Ты же ненавидишь

тишину и покой.

Он фыркнул, но звук вышел скомканным, и прошептал:
— Ненавидел. До того, как чуть не потерял тебя, — И добавил чуть тише: — По своей же вине...

Эва рассмеялась снова, и на этот раз смех был теплее, рождаясь где-то в груди. Цепи зазвенели, когда она откинула голову, и в тусклом свете на её щеке проступил тёмный синяк.

— Значит, план прежний? — она повернулась к нему, и глаза их встретились.

Пёс засмеялся — хрипло, с надрывом, — и вдруг резко встал во весь рост, заставив оковы взвыть от натяжения.

— План... — Он зашагал по короткой, отмеренной цепью дистанции. — Убьём стражу, сожжём эту проклятую тюрьму до основания и украдём самый быстроходный фрегат на королевском рейде.

— Как в старые добрые? — Эва плотнее прижалась к стене, наблюдая, как из него снова хлещет бешеная энергия. Её боль отступала перед этой заразной неукротимостью.

— Да! — он обернулся на месте, и в глазу вспыхнул азарт, зажигающий их самые дерзкие авантюры. — С ромом, драками и...

— И твоими очередными идиотскими идеями, — закончила она за него, с видимым усилием поднимаясь на ноги.

Боль в затылке пульсировала в такт грохочущему сердцу, но на её губах заиграла привычная ухмылка.

— Ты ведь без меня сгинешь в первой же приличной та-

верне, Вальдеон. Даже до порога не дойдёшь.

— Без тебя? — Пёс фыркнул, но внезапно замолчал. Его голос мгновенно потерял запал, став пугающе серьёзным. — Никогда. Знала бы ты... Знала бы ты, сколько всего я отдал и сколько сжёл, чтобы просто снова найти тебя. Я больше не имею права тебя терять. Костями лягу, но не потеряю.

— Жаль только, что в этих казематах нет рома... — негромко протянула Эвендель, снова прислоняясь к холодной стене, но теперь уже не от слабости, а чтобы лучше видеть его.

— И правда, — Вальдеон кивнул слишком резко и принялся дёргать кандалы, будто эта бессмысленная борьба могла помочь.

И в этот самый миг сквозь толщу каменных стен, сквозь кованое железо дверей до них докатился низкий, протяжный гул.

Эвендель, вытянув шею, замерла. Она прислушалась к едва уловимой дрожи, заходившей по воздуху. Даже здесь, в сердце враждебной Империи, проснувшийся ветер донёс дыхание океана: запах соли, йода и далёкого шторма. Вальдеон откинулся к стене, опустив веки. Под ладонью холодный камень вибрировал в такт глухим ударам, будто сама стихия была в гигантский барабан. Шторм бушевал за много лиг отсюда, но его голос легко пробивал расстояния. Ветер высквозь щели заунывной, знакомой песней, зовя блудных детей домой. Гром рокотал приглушённо, прорываясь сквозь

туман и городской шум. С каждой секундой грохот нарастал.

Небеса бесновались, отзываясь на боль двух баловней судьбы. И под кожей у обоих Метки Матери Приливов запрыгивали обжигающим теплом.

— Слышишь? — прошептал он, и губы растянулись в оскале, полном радости. — Она негодует, что мы здесь отлыниваем. Придётся и правда ломать к хренам эти стены, Эв, раз уж нас зовут обратно.

— *Удача всегда благоволит тем, на ком лежит её вечный след,* — произнесла Эва, и её голос приобрёл прежнюю уверенность.

— *И покуда он горит на нашей коже,* — подхватил Вальдеон и его смех смешался с воем ветра за стенами, — *сама стихия склонит перед нами голову, душа моя!*

Глава 16. Маскарад обмана

Под маской смеха — боль, за троном — жмётся страх,

И яркий лучик света их рассеет в прах.

Таверна «Золотой Лев» обволакивала гостей роскошью. Высокие стены, украшенные парчой цвета спелой сливы, отражали мерцание хрустальных люстр, чьи подвески звенели при каждом дуновении ветра, залетавшего с улицы. Столы ломились. Серебряные блюда с мясом в густом вишнёвом соусе, пряные паштеты и запечённая дичь благоухали шафраном и корицей, смешиваясь с дурманящим ароматом выдержанных южных вин.

Аурика и Аэрион, полулёжа на бархатных диванах, наблюдали за этим пиром избранных, где даже воздух пропитался золотой пылью.

Здесь безраздельно правили люди. Гул их голосов, звон бокалов и взрывы смеха, густо приправленного вином, заполняли зал. Лютнист выводил игривые мелодии, пары кружились в танце, и струящиеся шёлковые платья вспыхивали в свете свечей.

Но взгляд Аурики неизменно цеплялся за тех, кто в эту человеческую массу не вписывался.

Сильванорцы из Лириэ'Арнес были воплощением чистой магии. Один из них — юноша с волосами цвета луны — с изяществом танцевал прямо на дубовом столе. Его ноги порхали, словно крылья бабочки, а полупрозрачные одежды беззастенчиво обнажали точёные плечи, щедро усыпанные мерцающей пылью. Драгоценные кристаллы в косах рассыпали по залу радужные блики. Его спутники аккомпанировали на арфах, напевая песни на древнем языке, похожем на журчание ручья.

«Как же они прекрасны...» — заворожённо подумала Аурика, чувствуя, как от этого зрелища и выпитого вина приятно кружится голова.

И тут же — разительный контраст: в тени, за массивным дубовым столом, грузно сидели три воина аэрн'тале. Их плащи, чёрные как ночь, поглощали свет, а лица, частично скрытые шлемами, напоминали каменные изваяния. Голоса северян гудели, точно приближающийся гром. К предложенным хозяином заведения кружкам с дорогим элем никто из них даже не прикоснулся — они пили исключительно чистую воду из собственных походных фляг, как и полагалось воинам стали. Никто из захмелевших гостей не рисковал приближаться к их столу ближе, чем на пять шагов.

«Люди, сильванорцы, аэрн'тале...» — мысленно перебирала Аурика, лениво обмахиваясь ладонью. — «Но аурелийцев здесь нет».

И это было предсказуемо. Её благочестивые сородичи

предпочитали отходить ко сну с первыми лучами заката, справедливо полагая, что ночные пиршества — это удел варваров, губительный для священного сияния кожи.

«А уж нефелийцев здесь и подавно не сыскать», — девушка украдкой покосилась на своего спутника.

Присутствие Аэриона в этом вертепе сытости и греха было вызовом самой сути его Ордена. Большинство его истощенных постом соплеменников в этот час уже до крови сбивали колени в полуночных молитвах в своих холодных кельях. Посещение таверны для нефелийца считалось вопиющим святотатством, оскверняющим саму суть их возвышенного учения.

— Нравится? — Аэрион лениво переменил позу на бархатном диване, указывая на танцующего сильванорца.

Глаза нефелийца блестели чуть ярче обычного, а движения стали более расслабленными и тягучими. Он явно был уже весьма хорош, хотя природная выправка и острый ум ещё не давали ему окончательно скатиться в пьяное забытьё.

— Их наряды, сияющая моя, обошлись бы в годовой доход моего нищего Ордена, — хмыкнул он, и в его голосе проскользнула пьяная ирония. — Каждый стежок на этих тряпках пропитан высокомерием и оплачен магией лесов. А мы... мы продолжаем штопать свои серые рясы суровыми нитками и думать, что это приближает нас к святости. Какая глупость. Впрочем, — нефелиец подмигнул ей, покачивая кубком. — Справедливости ради, моему Ордену грех жало-

ваться. Нам с сёстрами хотя бы дозволено ходить в жемчугах. В Нефелуме этой блестящей дряни столько, что хоть алтари ею засыпай. Высокородные девы расшивают им свои подола, искренне веря, будто перламутр — это застывшие слёзы Истинного, а не просто известковый мусор, который наши ныряльщики тоннами выгребают со дна. Так что, видишь, Рирри, мы тоже своего рода франты. Просто... очень набожные франты.

Аурика брезгливо поморщилась, когда слуга попытался поставить перед ней тарелку с исходящим паром окороком. От одного запаха жареного мяса в вишнёвом соусе её подташнивало — она ведь ничего толком не съела. Алкоголь, который она переносила из рук вон плохо, уже вовсю хозяйничал в её крови, окрашивая щёки под вуалью в пунцовый цвет. Она раздраженно отодвинула кубок.

— Они выглядят так, словно готовы проклясть каждого в этом зале одним лишь мимолётным взглядом, — проворчала она, пытаясь сфокусировать плывущее зрение на сильванорце.

— О-о-о, нет, моя дорогая, ты путаешь их с нашими угрюмыми горными друзьями, — Аэрион запустил руку в серебряную вазу, стоявшую на соседнем столе, безошибочно выудив оттуда крупное яблоко с лоснящимся бочком и протянул Аурике. — На, погрызи. А то твоя аурелийская гордость окончательно растворится в вине, и мне придется тащить твое святейшество на плече. К мясу ты всё равно не

прикоснешься, скорее согласишься умереть от голода на моих глазах.

Аурика сердито выхватила яблоко и с хрустом впиалась в него зубами. Кислый, освежающий сок немного протрезвил её, уняв подкатывающую тошноту.

— Благодарю за заботу, святой отец, — съязвила она, пережевывая кусок. — Сам-то сколько уже выпил? Твои братья по Ордену сейчас, небось, уже вовсю отмаливают твою грешную душу.

— Пусть молятся, у них это хорошо получается, — Аэрион сделал очередной внушительный глоток, ничуть не смутившись. — Вернёмся к нашим блестящим обезьянкам. Они не проклинают, а очаровывают. Собственно, исключительно ради этого их мужчины сюда и приехали. Торговля лицом перед Турниром — их главное ремесло. Но вот их женщины... — нефелиец вдруг подался вперёд: — Женщин-сильванорок в подобных помойках ты вряд ли встретишь. Особенно в такой час.

— Почему это? — Аурика прижала ладонь к наливающейся тяжестью голове, продолжая жевать яблоко.

— Сейчас, когда луна набирает полную силу, их жрицы и старейшины заняты настоящими делами. Они проводят ритуалы там, в лесах. Обращаются к корням вековых деревьев, слушают тайный говор ручьёв, вплетают свою капризную волю в самую ткань этого дряхлого мира. Их истинная сила — в абсолютном единстве с природой. А здесь им что делать?

— Аэрион сделал размашистый жест рукой, едва не плеснув вином на собственный рукав. — Их магия чахнет вдали от родных лесов, сияющая. И они становятся просто диковинными куклами для развлечения людей.

Смех Аэриона — лёгкий, с горчинкой и пьяной развязностью — угас, поглощённый гулом таверны.

Теперь Аурика с плохо скрываемым любопытством разглядывала воинов аэрн'тале. Северяне казались порождением совсем другого, жестокого мира, где нет места шелкам и сладостям. Один из них вдруг повернул голову. Через узкую щель в шлеме блеснул колючий, тяжёлый взгляд — глухое презрение к празднику сытых южан. Аурика поспешно отвернулась, утыкаясь носом в огрызок яблока. По спине пробежал холодок. Хмель на мгновение отступил, сменившись противным стуком в висках.

Таверна жила, как единый хмельной организм: волны разгульного смеха, пронзительный звон серебряной посуды и приглушённые угрозы северных воинов. И где-то посреди этого хаоса затерялись два беглеца, отчаянно пытающиеся исчезнуть в золотом мареве чужого праздника. Вот только один из них растворялся слишком буквально.

Аурика с нарастающей тревогой наблюдала, как Аэрион всё глубже и охотнее погружается в хмельное забытие. Коварное сладкое вино из южных виноградников окончательно сорвало с его речей последние покровы сдержанности.

Сначала он благодушно подпевал лютнисту. Его голос,

идеально поставленный годами церковных песнопений, звучал так ясно, что несколько сидевших рядом человеческих купцов удивлённо обернулись.

Теперь же Аэрион во всю орал непристойную портовую балладу.

— Аэрион, замолчи, во имя Истинного, — Аурика ущипнула его за локоть. — Ты привлекаешь внимание. Мы прячемся, забыл?

— О, сияющая моя, скрываться нужно на самом видном месте, чтобы никто не заподозрил, что мы прячемся! — громко и ясно отозвался он, даже не думая понижать голос.

Юноша стремительно развернулся к соседнему столу, где сидел тучный торговец тканями, и со всей пылкостью принялся рассказывать ему какую-то сомнительную историю из жизни нефелийских монастырей. Аэрион жестикулировал так размашисто, что задел рукавом изящный серебряный кувшин, и тот с грохотом покатился по столу, заливая безупречно белую скатерть багровой лужей. Купец лишь пьяно захохотал, посчитав нефелийца отличным собутыльником.

Аурика в третий раз тихо, но настойчиво перехватила его руку, пытаясь отобрать вновь наполненный кубок.

— Хватит. Прекрати сейчас же. Ты едва на ногах держишься.

Но Аэрион лишь отмахнулся от неё с какой-то нарочитой весёлостью.

— Не порть вечер, сияющая! Когда ещё доведется ис-

пить этого нектара? В Нефелуме нам вместо вина наливают святую воду, настоянную на молитвах и пыли. Мерзость редкостная! Да ты и сама прекрасно помнишь, нечего глаза округлять, — он пьяно ткнул в её сторону указательным пальцем, заставив Аурику отпрянуть, — три года под одной крышей с моей почтенной семейкой прожила в роли гостьи — небось, до сих пор этот благочестивый отвар в кошмарах снится? Помнишь, как мой папаша заставлял нас пить его каждое утро по серебряной ложке, чтобы «очистить помыслы»? Вот то-то же! Твои помыслы, может, и очистились, а вот мои только сильнее загнили!

Его смех становился всё громче, теряя прежнюю бархатистость и приобретая истерические нотки, а движения сделались смазанными и угловатыми. В глазах нефелийца, обычно таких ясных и проницательных, теперь появилась нездоровая поволока. Алкоголь безжалостно срывал с него маску за маской, обнажая тщательно скрываемую под слоями иронии пустоту.

И Аурика всерьёз испугалась, что, когда эта маска упадет окончательно, то всё, что она увидит, ей не понравится.

Часовые стрелки ещё не перешагнули за полночь, когда Аурика, сжав всю свою волю в кулак, наконец выставила его из душного зала. Звуки лютни и пьяный хохот остались за тяжёлой дубовой дверью. Остался лишь рваный шорох ветра в листве да неровное дыхание Аэриона, который шатался, что корабль в шторм. На улице его разморило окончательно:

ноги подкосились, голова рухнула на плечо, а тело превратилось в балласт.

Аурика физической силой никогда не отличалась. Тонкая, хрупкая, привыкшая к изящным движениям и невесомым тканям, сейчас она проклинала всё на свете. Аэрион, конечно, не был широкоплечим гигантом вроде тех воинов аэр-н'тале — он был довольно изящным, сухопарым юношей, — но для миниатюрной Аурики его рост и вес стали настоящим проклятием.

— Эри, переставляй ноги, ну же! — выдохнула она, стиснув зубы.

Аурика обхватила его за талию, упираясь плечом ему в подмышку, пока длинная рука нефелийца безжизненно болталась где-то сбоку. Носки его дорогих сапог то и дело чертили по каменной мостовой уродливые полосы, цепляясь за стыки плит. Аурику шатало из стороны в сторону, вслед за другом. Её собственные колени подгибались от тяжести, а пальцы, судорожно вцепившиеся в серую ткань, взмокли от холодного пота.

— Рири-и-и... — невнятно протянул нефелиец, обдав её густым запахом перебродившего винограда. — Ты... сияешь. Даже в темноте. Красиво...

— Заткнись, — выдохнула она, едва не рухнув вместе с ним на повороте.

Внутренности от напряжения скрутило узлом, хмель из её собственной головы испарился, уступив место тревоге. Лю-

бая случайная банда в этой подворотне — и они покойники. Тащить Аэриона до гостевого дворца на себе в одиночку через ночной город было чистым самоубийством.

Первой мыслью было, конечно же, призвать магию, но реальность быстро осадила её. Солнце давно зашло, а небо заволокло плотными тучами. Ни малейшего просвета даже от луны, а без света её внутренний источник магии был пуст. Выжать из себя хотя бы крошечную искру сейчас стоило бы колоссальных усилий.

О пространственном переходе нечего было и думать, но даже если бы Аурика каким-то чудом сумела соскрести со дна души остатки сил на короткую телепортацию, последствия были бы катастрофическими. Пространственная петля и так знатно выворачивала наизнанку даже некоторых трезвых магов, а уж если швырнуть сквозь неё пьяного нефелийца... Аурика живо представила, как Аэриона гарантированно и с особой жестокостью вывернет в ту же секунду, как они материализуются в коридорах дворца. И ладно бы на паркет, но ведь он неизбежно загадит её платье и расшитые туфли, которые она с таким трудом спасала от портовой грязи.

Аурелийку передёрнуло от омерзения, и она без колебаний выбросила идею с магией из головы. Лучше она сорвёт себе спину, таща полумёртвый груз на закорках, чем пожертвует чистотой своего гардероба ради неблагодарного святоши.

Упрямая родовая гордость и страх остаться одной в тём-

ном чужом городе заставляли её шаг за шагом двигаться вперёд, увлекая за собой пошатывающееся тело.

Кое-как, задыхаясь от натуги и спотыкаясь на каждом выступе, Аурика вытащила нефелийца на небольшую, зажатую между каменными фасадами, городскую площадь. В центре неё сиротливо журчал закрытый на ночь фонтан. Лёгкие девушки горели, а мышцы сводило судорогой. И именно здесь, под первыми тяжелыми каплями шторма, её худшие опасения шагнули ей навстречу.

Из густой тени, отбрасываемой аркадой закрытого рынка, выросли три фигуры. Пурпурные плащи сливались с ночью, но доспехи сверкали, как звериные клыки. Старший патруля уверенно шагнул вперёд, и его сапог гулко чавкнул по мокрому булыжнику:

— Госпожа Солейн? Господин Амис'Драэль? — голос гвардейца из-под забрала прозвучал сухо. — Нам приказано немедленно сопроводить вас в гостевой дворец Ордена Светопения.

Аэрион, до этого висевший на Аурике мёртвым грузом, медленно и как-то неестественно ровно поднял голову, шумно вдыхая ночной воздух. Винный перегар из его рта смешался с тонким душком страха, что исходил от Аурики.

— На хер... иди, — отчётливо выдохнул нефелиец, глумливо ухмыляясь прямо в лицо офицеру-человеку.

Аурика, похолодев, со всей силы толкнула его локтем в бок.

— Не слушайте его! Он... он не соображает, что говорит! Мы последуем за вами, разумеется. Просто дайте ему минуту прийти в себя...

Аэриона от её толчка лишь покачнуло сильнее. Он едва не увлёк девушку за собой на камни, но в последний момент упрямо выпрямился.

— Пшли вон, шавки! — рыкнул он уже куда громче, спяну замахиваясь на стражника, точно на надоедливую муху. — Или я вам... я вам прямо здесь рты порву!

— Он абсолютно пьян, он невменяем! — заговорила Аурика, отчаянно пытаюсь перекрычать его бред, достучаться до него и хоть как-то спасти ситуацию перед имперцами.

Аэрион резко дёрнулся, с силой вырвав свою руку из её пальцев.

— А ты вообще пасть заткни! — рывкнул он ей в лицо.

И в его поплывшем взгляде на миг мелькнуло кое-что страшнее хмельного угара — кристально-трезвый гнев.

— Мы вернёмся... когда сами захотим.

Он качнулся вперёд и ткнул пальцем прямо в нагрудник старшего гвардейца. Человек инстинктивно отступил на шаг назад, а его брови под шлемом взлетели вверх. Такого от нефелийца, высокородного наследника святого Ордена Светопения, не ожидал никто.

— У нас приказ от Верховной Леди, господин Амис'Драэль, — цедил слова гвардеец.

— Ха-а-а! На херу я видел приказы твоей Золотой Суки!

— Аэрион вдруг запрокинул голову, заходясь в смехе. — А ты, пёс, уберись с моих глаз долой.

Гвардейцы ошарашенно переглянулись в нарастающем недоумении. Аурика снова попыталась оттащить друга назад, испуганно бормоча что-то о недоразумении, но Аэрион с неожиданной силой вырвался из её хватки. Он сделал широкий шаг вперёд, сокращая дистанцию так стремительно, что его породистый нос почти коснулся стального забрала стражника.

— Ну? Чего встал? Проваливай, отродье людское, — прошипел Аэрион, и его фиалковые глаза на секунду бешено блеснули из-под упавшей на лоб чёлки. — Не тебе указывать Гласу Истинного.

Даже ветер притих. Сначала на брусчатку легли тени. Потом послышался мерный гул копыт, бьющих о камень. И тогда явилась сама Золотая гвардия Сияющих Дворцов.

Закованные в латы из полированного орихалка, они шли сплошной стеной. Их белоснежные плащи не колыхались, а лица скрывали шлемы с прорезями. И в центре этого сверкающего строя, величественная и невозмутимая, ехала сама Верховная Леди.

Мириэлия восседала на холёном белом жеребце, чью гриву оплетали тонкие золотые нити. Лицо её, вопреки ожиданиям, являло собой образец бесстрастного совершенства.

Аурика порывисто двинулась вперёд. На лице вспыхнула надежда, губы украсила улыбка, полная облегчения, а руки

сами собой потянулись к сестре, словно ища спасения, но Мириэлия подчёркнуто проигнорировала младшую сестру, будто Аурика была портовой грязью под копытами её коня.

И этого хватило.

Аурика так и застыла на месте. А её надежда на тёплое воссоединение, после трёх лет разлуки, разбилась о глухую стену сестриноного презрения.

Верховная Леди осадил жеребца прямо перед покачивающимся Аэрионом. Скользнув по нему язвительным взглядом, она произнесла ровным голосом:

— Вы удивительно много и складно говорите для того, кто едва держится на ногах, господин Амис'Драэль. Весьма вдохновляющее зрелище. Должно быть, сказывается многолетний навык держать речь перед паствой?

Аэрион попытался было что-то хмыкнуть в ответ, но Мириэлия уже потеряла к нему всякий интерес. Не меняя царственной осанки, она отдала короткий приказ замершим гвардейцам:

— Отправить во дворец нефелийцев. Будут сопротивляться — связать.

Глава 17. Глас Истинного

В приёмном зале царила гробовая тишина.

Родители Аэриона, возглавляющие Орден Светопения, восседали за массивным столом из отполированного мрамора. Их лица были бледными масками, под которыми бушевали полярные бури: у одного — крушение надежд и ущемлённое величие, у другой — материнский ужас. Дариус и Леяра Амис'Драэль застыли в креслах, и хотя позы их оставались безупречными, в них читалось напряжение: побелевшие костяшки пальцев, закушенная изнутри щека.

Благородная седина на висках Дариуса, Иерофанта Ордена Светопения, обычно придававшая ему вид мудрого пророка, сейчас только сильнее подчёркивала мертвенную бледность голубоватой кожи. Взгляд серых глаз скользил по замысловатому узору на полу, будто в переплетениях он искал ответ на вопрос: «Как?», а сложный магический знак на его лбу прерывисто мерцал серебром, выдавая нарушенную внутреннюю гармонию.

Рядом с ним Леяра казалась хрупкой птицей, застывшей в облаке струящегося шёлка. Её тонкие пальцы, украшенные кольцами с молочно-белыми лунными камнями, с нервной навязчивостью перебирали конец идеально уложенной косы с вплетённой белоснежной лентой. Нижнюю половину лица женщины скрывала полупрозрачная вуаль, делавшая её чер-

ты расплывчатыми.

Дариус глубоко вздохнул и повернул голову к жене, ища в её лице привычное отражение собственной праведной ярости и поддержку перед лицом позора. Леяра же упорно не смотрела на мужа. Стоило Дариусу повернуться к ней, как её глаза поспешно переместились туда, где стоял их сын.

Сам Аэрион стоял у подножия мраморного возвышения. Его отчитывали долго, методично и беспощадно. Несколькими минутами ранее Дариус обрушивал на сына поток гнева, обвиняя в предательстве идеалов и осквернении сана, а стоявшая чуть поодаль Мириэлия Солейн добавляла к этой экзекуции ледяные замечания со стороны Сияющих Дворцов. Теперь же Верховная Леди Аурелии замерла у высокой колонны на другом конце зала и ждала свою сестру.

Но самым невыносимым для Дариуса и самым пугающим для Леяры было то, что Аэрион за всё это время не проронил ни единого слова. Ни оправдания, ни мольбы о прощении. Юноша просто застыл под этим градом упрёков, упрямо смотря прямо перед собой, и это молчание взбесило Иерофанта сильнее любого дерзкого ответа. Теперь же Дариус наказывал сына своим самым страшным, как ему казалось, оружием — тишиной. Он нарочито глядел сквозь него, словно строптивного юноши вовсе не существовало.

Леяра же не выдерживала. Она резко выпрямилась в кресле, подалась вперёд, и в её глазах, устремлённых на Аэриона, плескалась тревога, смешанная с роем вопросов. Она была

готова прямо сейчас сорваться с места, наплевать на приличия, на Дариуса и даже на замершую у колонны Мириэлию, и просто закрыть сына собой.

Аэрион наконец поднял голову и поймал этот полный боли и любви взгляд матери. Его фиалковые глаза на секунду блеснули прежней осмысленностью. Так, чтобы этого не заметили ни взбешённый отец, ни Верховная Леди, ни стоящие позади гвардейцы, — он коротко качнул головой.

«Молчи. Я знаю, что делаю», — читался в этом мимолётном жесте понятный только им двоим приказ.

Леяра судорожно сглотнула. Ком в горле никуда не делся, но она заставила себя откинуться на спинку кресла, снова приняв вид кроткой супруги Иерофанта.

— Он растоптал всё, Леяра, — процедил Дариус. — Многовековые труды нашего рода, репутацию Ордена перед Сияющими... Гласа Истинного притащили во дворец гвардейцы Аурелии, пьяного, как портовое отребье. Что теперь будет с Орденом? Неужели его безрассудство погубит всё, что возводилось поколениями?

Леяра провела ладонью по коленям, разглаживая заломы на шёлке.

— Меня сейчас меньше всего волнует Орден, муж мой, — тихо ответила она, сжав кончик косы. — Мои мысли только о сыне. Аэрион знает лишь бесконечные проповеди и молитвы, но не знает жизни простого юноши.

Дариус резко повернул голову, будто его хлестнули. Гла-

за нефелийца сузились, и в них мелькнуло что-то острое и недоброе. На мгновение он замер, переваривая услышанное. От жены он ожидал поддержки и привычного кроткого кивка, но никак не упрёка.

— Ты говоришь как мать, — произнёс он с холодной назидательностью, — а не как супруга Иерофанта. Твои тревоги... понятны, но неуместны. Наш сын — не простой юноша. В первую очередь он — Глас Истинного. И его место не в тавернах, а на коленях перед алтарём.

Леяра не обернулась, не удостоив Дариуса даже взглядом. Она чуть сощурилась и лёгкая тень прошла по её лицу, скрытому полупрозрачной вуалью. Иерофант же молча отвернулся и уставился на дверь, барабанив пальцами по подлокотнику.

Дверь ударилась о стену, и в зал хлынул ледяной сквозняк. Аурика влетела в помещение, спотыкаясь о порог. Её взгляд, полный растерянного ужаса, заметался по залу и нашёл Мириэлию. Та стояла у колонны и её пальцы с такой силой впились в крылатого воина Истинного, вырезанного в камне, что казалось, вот-вот раскрошат мрамор. Лицо аурелийки, всегда безупречное, искажала гримаса гнева: губы подрагивали, ноздри раздувались, а на виске билась тонкая жилка.

Аурика, пошатнувшись, сделала шаг вперёд, и из её пересохшего горла вырвался шёпот:

— Сестри...

Хлоп!

Звук удара ладони по щеке отозвался эхом под сводами. Аурика рухнула, ударившись коленями о холодный пол. Перед глазами всё расплылось от слёз. Щека пылала, и каждый удар сердца отдавался в ней острой пульсацией. А где-то в стороне Аэрион развалился на лавке, запрокинув голову, и безучастно наматывал на палец прядь волос.

— Бестолковая! — шипение Мириэлии эхом разлетелось по углам. — Малолетняя, глупая дрянь! Я зубами вырывала наше право просто жить после того, как не стало отца и матери! Я заживо похоронила себя на этом проклятом троне, чтобы у тебя было всё! Чтобы тебя, ничтожество, не сожрали в первый же день!

Аурика прижала ладонь к пылающему лицу. Сквозь пальцы сочилась тёплая кровь — кольцо с рубином на руке сестры рассекло ей губу.

«Это для её же блага, она должна понять», — бешено стучало в висках у Мириэлии.

Но чем сильнее душил её пережитый страх за жизнь девчонки, тем более жестокими становились её действия. Рука, будто жившая своей собственной волей, намертво впилась в золотистые волосы сестры, и с силой дёрнула вверх.

Аурика по-детски беспомощно вскрикнула.

— Прости... — прошептала она, преданно глядя снизу вверх.

И в этих влажных, невинных глазах, в которых застыл животный страх, Мириэлия на долю секунды увидела ту ма-

ленькую девочку, которая когда-то пряталась в их цветущем саду от скучных уроков, дарила цветы нянькам и смеялась до слёз над шутками отца. Единственную ниточку, что связывала её с прежней, счастливой жизнью. От этого узнавания страх потери вспыхнул в груди Верховной Леди с утроенной силой, требуя немедленно уничтожить источник этой слабости.

Хлоп!

Второй удар, ещё более звонкий и жестокий, пригвоздил Аурику к полу. Кровь брызнула на полированные плиты, и алые капли затанцевали в холодных бликах света.

Нефелийские слуги, опустив головы, испуганно зашептали молитвы. Дариус вжался в кресло и его лицо сделалось совершенно бесстрастным — он демонстративно не вмешивался в чудовищную расправу внутри союзной семьи. Лея-ра рывком вскочила с места. Её глаза беспомощно метались от окровавленной девочки к лицу мужа, который оставался неподвижным. Ногти нефелийки вонзились в ладони.

— Сядь, — сказал Дариус. — Это не наше дело.

Она не села. Вместо этого она перевела взгляд на сына, и ахнула, прикрыв рот рукой.

— Вставай! — задыхалась от гнева Мириэлия. — Вставай и отвечай мне: ради чего весь этот позор?! Чтобы я выковыривала тебя из портовых канав?! Чтобы я смотрела, как ты сама прыгаешь в могилу вслед за родителями?! Отвечай!

Аурика уже не слышала слов. Только жалобно скулила,

свернувшись в комочек на грязном полу. Эти удары полностью стёрли её волю — осталась только всепоглощающая физическая боль, животный страх и удушающий стыд. И где-то в самой глубине гаснущего сознания пульсировала одна-единственная отчаянная мысль:

«Она меня ненавидит... боги, за что она меня так ненавидит?»

— Слуги, вон, — приказ Аэриона прозвучал негромко, но вибрирующая магия в голосе заложила уши всем присутствующим.

Мириэлия на миг застыла, но высокомерно проигнорировала его. Послушники же мгновенно растворились в тенях, безмолвно повинаясь своему истинному господину.

— Ты позоришь меня, — шипела Мириэлия. — Вместо того чтобы готовиться к Турниру, ты шляешься по всяким борделям, пороча имя...

Удар, занесённый Мириэлией, так и не обрушился. Её рука, готовая обжечь новой пощёчиной, зависла в воздухе, наткнувшись на невидимую преграду.

В ту же секунду сильные, ледяные пальцы обвили шею самой Мириэлии и сдавили так жёстко, что перед глазами заплескали чёрные точки, а в ушах зазвенело от прилившей крови. Аэрион, бесшумно подошедший сзади, наклонился, и его холодные губы коснулись её уха.

— Теперь твоя очередь слушать *Меня*, золотая сука.

Одним резким движением он развернул её к себе, и крик

Мириэлии застрял в перехваченном горле. Аэрион стоял совершенно спокойно, слегка склонив голову набок, но это была лишь жуткая пародия на его прежний облик. Исчезла вся нефелийская мягкость, вся привычная святая утончённость. Его глаза, обычно сиявшие ясным светом, превратились в два чёрных провала. Ни отблеска, ни тепла, только голодная тьма, в которой исчезало всё живое. Черты лица заострились, кожа натянулась на скулах, а губы растянулись в неестественно широком оскале.

— Ударь её ещё раз, — он подался ещё ближе, и от него потянуло стылым духом древнего склепа, — и я не стану сдерживать себя. Я выпотрошу твоего выродка. Поверь, мои пальцы будут очень нежными, когда они станут вытягивать кишки из чрева твоего драгоценного наследника. Я разложу его внутренности на твоих глазах. Орган за органом. Ты поняла меня?

Голос его гудел, накладываясь сам на себя — будто говорили двое: один — знакомый, мелодичный, другой — скрежещущий и глубокий.

Мириэлия попыталась отстраниться, но его пальцы впились в её шею с силой тисков. Дыхание стало хриплым, и по телу побежал холод. Воздух вокруг них загустел, наполняясь мерцающим синеватым инеем, и на мраморе пола выступили призрачные узоры изморози.

— Ты... — просипела она, и язык едва повиновался, заплетаясь.

Аэрион лающе рассмеялся, а Дариус и Леяра замерли, будто удару подверглись они сами. Лицо Иерофанта сделалось смертельно бледным, будто из него разом вытекла вся кровь, а пальцы с силой впились в резные подлокотники кресла. Леяра же стояла с округлившимися от ужаса глазами, не в силах пошевелиться.

Глас выпрямился во весь рост, и тени под ним сгустились, поползли по стенам вверх, поглощая свет витражей и погружая зал в склепный полумрак. В воздухе стоял низкий гул, словно сама ткань мироздания натужно скрипела, грозя лопнуть под его тяжестью.

Юноша двинулся вперёд. Его привычная грация сменилась звериной жёсткостью.

— Какая же ты пустоголовая тварь... — его смех заполнил всё пространство. — Скажи мне, кто виноват, что девочке плевать на твой Турнир? Не ты ли сама отреклась от неё и швырнула в мои земли? Что? Твой крысиный ум не просчитал, что Остров Звезды поднимется из Бездны именно сейчас? Когда твой выродок ещё настолько мал и бесполезен?

Он встряхнул Мириэлию, будто бы она ничего не весила. Её ноги судорожно забились в воздухе, изящные расшитые туфли слетели на пол, золотая серьга сорвалась с мочки и с глухим звяканьем отскочила по мрамору. Брови Аэриона сошлись у переносицы, губы искривились, обнажая белые зубы.

— Ты думала, сынок подрастёт и станет твоей очередной послушной куклой? — он притянул Мириэлию так близко, что их лбы почти соприкоснулись. — Что он сядет на трон, а ты будешь продолжать вертеть Орденами, как марионетками? Ха! Ты сама загнала девчонку ко мне. А теперь вымещаешь на ней собственную никчёмность?

Голос Аэриона ударил стеной: низкий, рокочущий, подобный подземному толчку. Хрустальные подвески массивных люстр бешено зазвенели, платья женщин затрепетали, а все ритуальные свечи разом погасли. За высокими окнами с воём взметнулся ночной ветер, в котором отчётливо слышались десятки шепчущих голосов.

Мириэлия отчаянно билась, силясь дотянуться до обидчика хотя бы одним движением, но её удары не достигали цели. Кулак, направленный в висок Аэриона, соскользнул в сантиметре от его кожи, будто его окружала незримая стена.

Она не могла коснуться его. *Не могла!*

В медных глазах Верховной Леди клокотала лютая смесь ужаса и яростного отрицания. Губы беззвучно шептали: «Как?» Как он смеет? Как он может?! Он ведь нефелиец! Декоративный святой в жемчугах, умеющий только красиво петь и убаюкивать толпу молитвами! Откуда в нём *это*?!

— Сын... — голос Дариуса прозвучал хрупко, и нефелиец вжался в резное кресло глубже. Лицо, всегда носившее маску спокойного величия, стало совсем серым.

— Молчать, — бездна глаз Аэриона оставалась прикова-

на к Мириэлии, но голос раскололся надвое, загремев под потолком. — Червь не смеет перебивать. *Он* желает, чтобы Глас говорил.

И Дариус послушно захлопнул рот. Его челюсти сомкнулись с болезненным щелчком, а в глазах, полных бессильного гнева, промелькнул ужас, смешанный с благоговейным трепетом перед этой силой. Он покорился. Как и всегда.

Леяра не вынесла этого зрелища. Она рухнула на колени прямо в напольный ковёр, её руки обняли воздух, пытаясь ухватить призрак своего прежнего мальчика.

— Аэрион, сыночек мой! Умоляю, отпусти её! — её крик рассыпался эхом, теряясь в гнетущем гуле зала.

Юноша медленно повернул к ней голову.

— Мама, — произнёс он.

И сквозь скрежещущий гул вдруг прорвался настоящий голос Аэриона — чистый, охрипший, полный сдерживаемой боли.

— Не лезь... прошу.

Леяра разрыдалась, зажимая рот ладонями, её плечи содрогались в немом отчаянии. Дариус, отвернувшись, лихорадочно шептал древние защитные молитвы, но святыя слова застревали в горле, бессильные против того, что заполнило зал. Тени Аэриона жили собственной жизнью: извивались по стенам, как чёрные змеи, и стелились по полу.

Мириэлия окончательно обмякла в его хватке, тело стало безвольным, а разум стремительно затягивало в омут. По-

следнее, что она услышала, было полное ненависти шипение, впившееся прямо в её гаснущее сознание:

— Когда я доберусь до твоего паршивца... я разорву его на части. Я сожру его имя, вскрою его плоть, кость за костью, и заставлю тебя благодарить меня за каждый его предсмертный визг. Ты думала, что власть — это трон, золото и приказы? Дура. Я покажу тебе, что такое Истинная сила. Та, что стирает в прах. И твои страдания станут для меня нектаром, золотая сука. Я буду пить их до дна, пока от тебя не останется скулящая оболочка, хрипящая *Моё* имя.

— Аэрион... — имя сорвалось с губ Аурики едва слышно. Она подняла лицо, залитое дорожками слёз, и её золотые глаза теперь встретились с его взглядом. Аурика смотрела без упрёка, но с безмолвной мольбой, отчаянием, и, вопреки всему, упрямыми искрами надежды. Имя, произнесённое ею, стало заговором. Аэрион замер. На одно мгновение в бездне его зрачков вспыхнули и погасли знакомые фиалковые отблески, пробивая чёрную пелену. Рука, сжимавшая горло Мириэлии с ужасающей силой, дрогнула, его пальцы разжались, и аурелийка с глухим стоном рухнула на холодные плиты, ловя рваными глотками воздух.

— И какого ты расселась тут? — хрипло произнёс Аэрион и присел рядом с Аурикой, резким движением протянув ей руку. — Вставай. Покажи ей... что она здесь не единственная, кто может быть золотой сукой.

Аурика ухватила за его ладонь. Прикосновение было

ледяным, но где-то в самой глубине она ощутила смутный отголосок знакомого тепла. Девушка поднялась, выпрямив спину с таким усилием, будто поднимая и всю свою растоптанную гордость.

— Может, это тебе стоило переехать в Орден Светопения, Мири, — голос Аурики дрожал от обиды и едва сдерживаемых слёз. — Научиться хоть капле сдержанности.

В дверях мелькнула тень — Зариан. Бледный, с глазами, полными ужаса, он бросился к жене, обхватив её плечи, но Мириэлия с силой вырвалась, поднимаясь на ноги с трудом.

— Проклятый щенок... — рыкнула она со злобой. — Одно моё слово — и Император лишит тебя права участвовать в Турнире, а твой Орден станет изгоем...

Аэрион шагнул к Аурике, бережно, но настойчиво подхватывая её под локоть. Он уже развернулся к выходу, увлекая её за собой, когда за спиной раздался голос Мириэлии. Он остановился и медленно обернулся через плечо.

— Повтори-ка, — улыбнулся он.

Мириэлия инстинктивно отпрянула, вцепившись в рукав мужа. Её пальцы, униженные тяжёлыми перстнями, с такой силой впились в дорогой шёлк, что ткань едва не треснула.

— Что ты посмеешь сделать мне? — глас Аэриона раскатился громом, заполняя зал эхом, и он развёл руки.

Пространство вокруг него исказилось, заколебалось, озарив всё вокруг мерцающим, призрачным сиянием. Этот свет не был ни добрым, ни злым — он был древним, как само

небо, безучастно взирающее на суету смертных. От его кожи исходило странное, двойственное ощущение — жгучий мороз и глубинное тепло одновременно, похожее на прикосновение тысяч молитв, веками выжигаемых в самой плоти.

— Мне, Избранному Сосуду, Гласу Божьему! Тому, кто вещает устами Бога нашего Многоликого, кто есть путь, показывающий и направляющий к Свету Истинному! — произнёс он, и каждое слово падало с весом кузнечного молота, высекая из камня пола искры незримой силы. — Гласу Того, чьё имя ты благоговейно шепчешь по ночам, молясь за своего сына!

Мириэлия отступила, споткнувшись о собственный подол. Её тень, отброшенная на стену, изогнулась и поползла прочь, будто живое существо, жаждущее сбегать от происходящего.

— Ты уже вкусила гнев Его, — продолжал Аэрион, и сияние вокруг него пульсировало в такт его речам. — За скверну, что сеяла пред ликами святых. За мерзость, что творила на земле, по которой ступаю я — создание, коему даровано быть ближе всех к лику божественному!

Он снова шагнул вперёд, и пол под ним с глухим стоном поддался, мраморная плита раскололась звёздчатой паутиной трещин.

— Но Он милостив. Истинный, Отец наш Всемогущий. Создатель небес и земли, видимого и незримого, да выведет Он душу твою к Свету. Ибо Он есть Справедливость, и нет

в Нём лжи, — голос его внезапно смягчился, обретая мелодичность. — Он дарует шанс. Расплавит тьму в тебе... если ты смиришься. Но обрушит Он кару свою на всех тех, кто мраку потворствует, кто тьму сеет в мире нашем, кто оскверняет имя Его и попирает заповеди Его!

В зале воцарилась тишина, тяжёлая и звенящая. Дариус и Леяра, как по сигналу, прижали ладони к груди в заученном молитвенном жесте. Их пальцы отчаянно дрожали, ведь они впервые оказались рядом с этой силой так близко. Леяра беззвучно шептала слова на древнем наречии, не сводя взгляда с сына.

Аурика застыла, её золотые глаза расширились от ужаса. Мириэлия съёжилась. Её роскошное платье безвольно обвисло, а взгляд, всегда такой острый и властный, стал пустым и выжженным. Зариан, подобравшись, обхватил её за плечи и начал пятиться к выходу, не прекращая низко кланяться. Его приглушённый шёпот смешивался со звуком отступающих шагов:

— Простите... умоляю, простите...

Аэрион стоял неподвижно, наблюдая, как они исчезают в сумраке коридора. Мерцающее сияние вокруг него медленно угасло, оставив после себя запах холодных камней и странный, душный аромат увядающих лилий.

Секунду он стоял, прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем тряхнул головой и повернулся.

— Ну всё, хватит, — маска божественного гнева рассыпа-

лась, сменяясь знакомой ухмылкой. — Пойдём скорее отсюда, сияющая моя. Залатаем твою физиономию, а то ходить будешь, как после драки в портовой таверне.

Он подмигнул, и в этом жесте не осталось и следа от только что звучавшего вселенского величия — лишь едкая усмешка и лёгкая дрожь кончиков пальцев, ещё помнящих тяжесть незримой силы, что через них изливалась. Его взгляд на мгновение скользнул к родителям, всё ещё застывшим в молитвенных позах, и в его движении появилась нервная поспешность. Он взял Аурику за локоть, торопливо направляя её к выходу.

— Турнир уже утром, — бросил он чуть громче и быстрее, чем обычно. — Ты должна блистать так, чтобы даже сам Истинный, взглянув, восхитился и забыл все каноны. Так что шевелись, принцесса.

Глава 18. Ложь во спасение

Аэрион шатался, цепляясь за плечо Аурики, и сминая её шёлковый рукав. Девушка вглядывалась в его лицо — бледное, с каплями пота на висках, — и не находила в нём ни следа недавнего божественного сияния. Только запах перегара.

«Что это было?» — мысль билась в голове Аэриона, заглушая даже боль в висках. Он помнил вспышки, голоса, чужую волю, втискивающуюся в его сознание. А потом — пустота.

— Эри, что с тобой? — тихо спросила Аурика. — Это... связь с Истинным? Ты отдал Ему слишком много?

Он фыркнул.

— Истинный? — Аэрион махнул рукой, едва не задев стену. — Да я пьян, как крыса в винном погребе!

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и нелепые.

— В смысле... — прошептала девушка.

Он наклонился, взяв в руки прядь её волос и нежно закрутил их вокруг пальца. От нефелийца пахло хмелем и чем-то металлическим — будто кровь, смешанная с ладаном. Его руки ещё мелко тряслись, и эта дрожь вызывала в нём отвращение к себе.

— Душа моя, — пробормотал он с хриплой игривостью. — Я просто... заигрался и побоялся, что твоя сестра мне голову оторвёт. Пришлось импровизировать.

«Импровизировать?» — эхо собственных слов отдалось в

висках болью. Он не помнил, как это делал. Вообще ничего не помнил — до того мгновения, пока Аурика не окликнула его по имени. Только страх перед тем, что рвалось из него наружу.

Аурика отпрянула.

— Что?! — её голос взлетел до визга. — Ты просто притворялся?! Ты...ты... Ты ужасен! Я так испугалась, поверила в этот бред, а это был всего-навсего жалкий спектакль!

«Лжёт», — промелькнуло у неё в голове с кристальной ясностью.

Слишком торопливо он отмахивался, слишком натужной вышла маска пьяного балагура. Она видела, как дрожат его пальцы, слышала древнюю силу в голосе — такое не подделать. Но в его глазах плескалась такая паническая мольба — отступи, не копай глубже, — что Аурика сдалась.

Аэрион перехватил её взгляд.

«Она знает. Или догадывается. Или просто чувствует...»

— Меня чуть удар не хватил от твоего «творчества»! — с притворным возмущением выдохнула она, закатывая глаза к потолку.

Она позволила голосу дрогнуть от обиды и облегчения, делая вид, будто поверила. Сыграть оскорблённую простушку оказалось куда проще, чем признать: только что она стала свидетелем чего-то древнего и пугающего, что пряталось внутри её друга. Того, чего он сам, судя по всему, так отчаянно боялся.

Юноша схватил её за руку, потащив вперёд по коридору.

— Тише ты, красавица! — зашипел он, озираясь. — Увидят меня в таком виде — всё насмарку... Вот уж точно не хочу объяснять отцу, что не только напился, но ещё и цирк устроил, обманув всех. Ещё и мама расстроится...

«Будь это обман... Да если бы я сам мог это контролировать...»

Ввалившись в покои Аурики, Аэрион рухнул на кровать, заставив пружины жалобно взвизгнуть. Секунду он лежал, прикрыв глаза, а затем приподнялся на локте. Взгляд, ещё затуманенный хмелем, но уже острый, упёрся в неё. Аурика сидела рядом, теребя складки испачканного платья, и упорно отводила глаза.

Аэрион хмуро наблюдал за ней, и сквозь алкогольную муть пробивалось неприятное осознание: она поняла. Не поверила в дурацкую басню про импровизацию. Но он и вправду едва держался на ногах, голова раскалывалась, и единственным желанием было остаться в тишине и темноте — там, где не нужно ничего изображать и где всё это наконец оставит его в покое.

«Оставит ли?» — спросил он себя, закрывая глаза.

И не нашёл ответа.

— Давай сюда свою царапину, — буркнул он, ткнув пальцем в её распухшую губу. Движение вышло резким, но прикосновение — на удивление осторожным.

— Эри, ты... богохульник, — выдохнула Аурика, и каж-

дое слово, полное наигранного укора, отзывалось болью в разбитой губе. — Играл святого! Лгал всем в лицо! Ещё и речи такие громкие толкал! И как только не стыдно?

Аэрион дёрнул головой, и пучки перьев на ушах взъерошились, выдав его напряжение.

— Я тебя защищал, дура! — выпалил он, упорно глядя в пол. — Увидел, как она тебя бьёт, и... взбесился. — Он осёкся, сжимая кулаки. — Плевать, что она теперь обо мне думает. Но если б я не встал...

Аурика потянулась к его руке, но остановилась в сантиметре от сжатых пальцев. В его глазах, обычно насмешливых и ясных, мелькнуло что-то беззащитное: страх, стыд и едва уловимая печаль.

«Знает, что я вижу его насквозь», — пронеслось у неё в голове, и сердце сжалось от жалости.

Хотелось обнять его, сказать, что она всё понимает, — но это было опасно. Гораздо безопаснее оставаться для всех — и для него тоже — легкомысленной дурочкой Аурикой, готовой поверить в любую ложь.

— Ты рисковал всем, — прошептала она, нарочно округлив глаза. — Ради меня... Тебе не стоило подставляться, рисковать своим положением и репутацией Ордена. — Она покачала головой, изображая упрёк, за которым пряталась горькая благодарность. — Мириэлия этого никогда не забудет.

Он фыркнул и отвёл взгляд. В повисшей тишине Аурика

разглядывала его взъерошенные кудри, выбившиеся из некогда безупречной причёски, и вдруг поняла с пронзительной ясностью: под всеми этими личинами — святого, циника и пьяного буяна — прятался всё тот же мальчишка. Тот, кто панически боялся, что кто-то заметит, как сильно он способен привязываться. И не было в нём под этими наслоениями ни всепоглощающей тьмы, ни ослепительного света.

Был просто... нефелиец.

Юноша, чьё сердце вопреки догмам Ордена не выносило несправедливости — особенно когда она обрушивалась на тех, к кому он, пусть нелепо и бестолково, но прикипел. Вся его «импровизация» оказалась не игрой, а отчаянной попыткой защитить, прикрывшись самым грозным оружием из всех, какие он знал, — подобием того самого божественного гнева, под чьим гнётом вырос.

Аурика видела, как он внутренне сжимается, ожидая насмешки или разоблачения. Она лишь молча протянула руку и осторожно поправила сбившуюся прядь у оперённого уха.

Пусть думает, что она ни о чём не догадалась. Пусть считает наивной дурочкой.

Быть мишенью для его колкостей куда безопаснее, чем сделаться причиной нового, ещё более глубокого отчаяния. Ведь она видела ту долю секунды, когда в его глазах помимо ярости и силы мелькнул настоящий испуг. Не перед Мириэлией — перед бездной, что на миг приоткрылась в нём самом.

И если её притворная глупость и готовность принять любую, даже самую нелепую отговорку удержат его в знакомой реальности, где он всего лишь «нахальный нефелийский щенок», а не сосуд чего-то древнего и пугающего... что ж, она согласна до конца играть эту роль. Согласна терпеть его насмешки — лишь бы в душе у него не селилось ещё большее одиночество. Её собственное сердце могло разрываться от этой игры, но сострадание к его тайному страху было сильнее любой личной боли. Быть мишенью безопаснее. Для него. А его покой — пусть хрупкий, пусть построенный на лжи — значил сейчас куда больше, чем её уязвлённая гордость.

— Какая же ты глупышка, Аурика... — Аэрион повернул её лицо к свету, и в его насмешливом взгляде заплескали тревожные огоньки — брешь в притворстве, сквозь которую сочилась болезненная забота. — Ну и вмазала же она тебе... До чего стервозная баба.

Его ладонь легла на распухшую щёку: кожа оставалась прохладной, но прикосновение вышло осторожным. Аурика опустила веки; по спине побежали мурашки, воздух между ними сгустился, наполняясь гулом магии.

— Слуги Духа, Кровь рода моего... — зашептал он, и слова потекли не молитвой Истинному, а полузабытым заклинанием — обращением к тем, чьи имена высечены в родовых скрижалях Амис'Драэлей, к предкам, чью память его Орден столетия назад объявил ересью.

«Снова», — мелькнуло у Аурики. Она видела это не раз

— ещё в Эйлингале, когда его младшие сёстры-близняшки, Илория и Элоана, украдкой лечили её разбитые колени и исцарапанные ладони после падений на скользких камнях на бережной.

— Услышьте. Влейте силу вашу в руки мои, что направляю я к исцелению сего тела раненого...

От пальцев потекла прохлада, впитываясь в рану. Аурика вздохнула — острая боль уступила место приятному покалыванию. Аэрион склонился ближе; его дыхание, ещё хранившее запах вина, смешалось с её, и сердце аурелийки забилося громче.

— Мир вам... — выдохнул он, отнимая руку. Сияние погасло, но тепло задержалось глубоко в коже. Рана затянулась без следа. — Лучше? — спросил Аэрион, поспешно оправляя дрогнувшие пучки перьев и глядя куда угодно — в стену, в окно, — лишь бы не на неё.

— Да. — Аурика поймала его взгляд, не давая ускользнуть. — Спасибо.

— Ерунда, — он вскочил с кровати. — Просто... магия. Не люблю я, когда портят красивые лица.

Но Аурика не отпускала. Мягко, однако настойчиво, встала, преграждая ему путь к двери.

— Ты... хороший друг, — проговорила она тихо, вкладывая в слова всю благодарность, какую не могла выразить иначе. — Заботишься, хоть и притворяешься, будто тебе плевать.

— Бредни, — фыркнул он.

— Молчи, — перебила она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Ты рисковал... ради меня.

Он нахмурился; перья на ушах мелко задрожали.

— Ты несёшь чушь. Я просто...

— Твои поступки говорят громче твоих ядовитых слов, — мягко возразила Аурика. — Сегодня. И всегда.

— Всё, прекрати! — он резко отступил к двери, ища спасения в бегстве, но задержался и обернулся. — Не надо меня жалеть. И не жди, что я вдруг превращусь в принца-добрняка из твоих дурацких сказок.

Она не спорила и не удерживала. Просто смотрела, как он уходит — шатаясь от усталости и остатков хмеля, но отчаянно стараясь держать спину прямо, как подобает наследнику.

Дверь захлопнулась. В воздухе ещё витал тонкий, почти призрачный аромат дождя и лотосов — сладковатый и холодный, как дыхание его запретной магии. А на щеке, где он касался, горел след, уходящий глубже кожи — в самую душу, оставляя после себя смесь боли, благодарности и щемящей нежности.

Аурика медленно прикоснулась пальцами к тому месту, где ещё хранилось эхо его силы и трепетной заботы. И в тишине опустевшей комнаты к ней пришло понимание: его грусть — не напускная. Не минутная слабость. Она была как тайная, могучая река, что течёт в крошечной тьме под толщей непроницаемого льда.

Глубокая. Холодная. И невыразимо одинокая.

Глава 19. Солнце не знает слёз

Карета плыла по улицам, сверкая позолотой. Вслед скакали воины, и их шлемы блистали так яростно в свете уличных фонарей, что редкие прохожие жмурились и отшатывались. Внутри же кареты, за непроницаемыми шёлковыми занавесками, царил мрак.

Мириэлия сидела в тишине словно окаменев, с неестественно прямой спиной. Её взгляд, застывший и пустой, скользил по затемнённому стеклу, не замечая города за ним. Она видела иное: Голдмарк, плывущий в мареве памяти. Там, за раскалёнными песками, белые дворцы её детства поднимались из миражей, как цветы. Она вспоминала прохладную пыль мрамора, остывшего под ночным небом, терпкий дым сандалового дерева, вкус сладких фиников, и тень пальм, склонявшихся к изумрудным водам внутренних садов. И беззаботный смех Аурики, когда они вдвоём носились по бесконечным галереям.

След на шее — пять синевато-багровых пятен от пальцев нефелийца — пылал как клеймо. Она непроизвольно коснулась их кончиками пальцев, и память дёрнула за болезненную ниточку: малышка Рири, вся в ссадинах, рыдающая после падения с пони.

«Не реви, — сурово говорила тогда Мириэлия, вытирая слёзы с её щёк. — Солнце не знает слёз».

Но сегодня запретная влага стояла в её собственных глазах.

Зариан сидел напротив, затаив дыхание. Его пальцы нервно перебирали шёлковые кисти пояса, но он не смел протянуть руку, чтобы коснуться жены. Знал: её гордость в такие моменты была хрупка — одно неверное движение, и всё пойдёт трещинами, обнажив отчаяние, которое она так тщательно прятала.

Сквозь узкую щель в занавеске пробился лунный отблеск шлема и упал прямо ей в лицо, заливая глаза светом. Мириэлия не моргнула, не отвернулась. Будто испытывала себя, как закалённую сталь, — выдержит ли, не даст ли трещину от жгучего прикосновения. Память, неумолимая, унесла её на террасу дворца в Голдмарке. Они сидели там втроём — она, отец и ещё совсем крохотная Аурика. Отец обнимал их обеих, указывая за стены, на бескрайние пески, которые ветер превращал в танцующие золотые вихри.

«Сила, доченька, не в остроте меча, — его голос всегда был тихим, но твёрдым. — Она в том, чтобы заставить весь мир поверить, будто он у тебя есть. И тогда он станет реальнее любой стали».

Теперь она владела Орденами, носила корону, от которой уставала шея, её слово заставляло трепетать перед ней тысячи жителей Империи. Только пустыня, о которой она так часто вспоминала, оказалась не снаружи. Она была внутри. И с каждым днём она росла, безжалостно пожирая последние

хрупкие оазисы тёплых воспоминаний. Она снова стала той маленькой девочкой на террасе, но отца, к которому можно было прижаться и спросить: «Что же мне делать?», — уже не было. Осталась лишь корона и необходимость быть незыблемой твердыней для всех.

Для сына. Для Аурики. Для Ордена.

Для всех, кроме самой себя.

Мириэлия вспоминала, как Сияющие Дворцы возвышались над всем Голдмарком. Их колонны и шпили вздымались к небу, где на сводах застыли лики богов с перламутровыми глазами, взиравшими на смертных с холодным любопытством. Фонтаны пели тихую песню, а сквозь витражи пробивался свет, дробившийся на тысячи изумрудных и рубиновых зайчиков, что плясали по отполированному мрамору. В садах, где пьянящий аромат олеандров спорил с дурманящим жасмином, растворялись две фигурки — воплощённая строгость и солнечный хаос.

Мириэлия шла впереди, и платье цвета слоновой кости, расшитое узорами из золотых нитей, струилось за ней тяжёлой волной. Пышная коса волос мерцала, как отполированный слиток. Каждый шаг был отмерен, и под этот незримый ритм замирали садовники. Даже струи фонтанов, казалось, вздымались выше, когда она проходила мимо.

За ней, спотыкаясь о собственную тень и разбрызгивая воду из луж, бежала Аурика. Семилетний ураган в платице, испачканном пятнами цитрусового сока. Её кудри цвета зо-

лота вихрем разметались вокруг смуглого личика, а глаза, сияющие, как два расплавленных самородка, с восторгом ловили каждое движение старшей сестры.

— Мири, подожди! — Аурика носилась меж олеандровых кустов, оставляя за собой шлейф золотистых искр магии. — Покажи ещё раз, как ты это делаешь!

Мириэлия обернулась на зов, и солнечный зайчик, упавший от водной глади и пойманный её изящной ладонью, рассыпался в воздухе сотнями зеркальных осколков. Она сделала один шаг в блик, лежавший на мраморной плитке, — и исчезла, чтобы мгновенно возникнуть на три шага впереди, у самой чаши фонтана.

— Рири, — голос прозвучал эхом, одновременно справа и слева. — Найди меня.

Аурика топнула туфелькой, капризно надув губки.

— Нечестно! Ты же сама меня учила — магия должна быть красивой, как песня!

— Красота — в безупречной точности, — возразила Мириэлия, лёгким движением коснувшись зеркальной струи. Её отражение тут же размножилось, окружив сестру со всех сторон хороводом неотличимых силуэтов. — Поймай же меня.

Аурика на мгновение зажмурилась, собрав всю свою волю, и вскинула ручки. Солнечный лучик, игравший у неё между пальцев, вдруг вспыхнул и разросся в ослепительный шар. С торжествующим возгласом она швырнула его в бли-

жайшее отражение — и по саду прокатилась световая волна. Под её напором миражи дрогнули и развеялись, а сама Мириэлия выступила из света.

— Попала! — девочка триумфально подпрыгнула и повисла на сестре, обвив её шею тонкими ручками. — Теперь ты водишь!

Губы Мириэлии на миг разомкнулись, выпуская улыбку. Пальцы рассекли воздух, и пространство вокруг них взорвалось тысячью сияющих призм. Каждая пойманная солнцем грань зажигала на траве, платьях сестёр и древесных листьях мириады танцующих солнечных зайчиков.

— Раз... два... три... — едва слова смолкли, сама Мириэлия растворилась во вспышке, оставив Аурику одну в самом сердце внезапно возникшего лабиринта.

Сад, ещё мгновение назад бывший мирным уголком, преобразился. Теперь его наполняли стены из переливающегося света и десятки искажённых отражений самой Аурики. Девочка, не растерявшись, ринулась в пляс между миражей. В руке у неё, словно клинок фехтовальщика, сверкал сгусток солнечного луча, которым она тыкала в обманчивые видения.

— Нечестно! — её смех, звонкий и заразительный, раскатывался по волшебному лабиринту. — Совсем-совсем нечестно! Я ещё маленькая и глупенькая! Меня так обманывать нельзя!

— Маленькая и глупенькая? — тёплый голос прозвучал

прямо у неё за ухом, а следом за ним появились и руки, мягко лёгшие на плечи. — А кто это вчера устроил пожар в папином кабинете, пытаюсь призвать рассвет на пару часов раньше?

Щёки Аурики мгновенно залил румянец. И вместо оправданий она, ловко вывернувшись, взметнула вверх руку, обдав сестру целым фейерверком сияющих искр.

— Поймала! — торжествующе выкрикнула она.

Они повалились на траву, и воздух наполнился счастливым смехом. Мириэлия, отдышавшись, нежно поправила выбившиеся из причёски растрёпанные кудряшки сестрёнки. Та в ответ ткнула в её щёку коротким пальчиком.

— Мири, ты даже когда смеёшься, вся такая... изящная! Я тоже хочу так!

— Тогда тренируйся, — с улыбкой ответила Мириэлия, приподнимая подбородок сестры. — Настоящие правительницы не сутулятся.

— Не хочу я быть правительницей! — фыркнула Аурика, вскакивая на ноги и вновь воображая себя лихим наездником на невидимом скакуне. — Буду твоей защитницей! Самым верным воином! Буду отгонять от тебя всех драконов и этих... высоких воинов, от которых пахнет ледяным ветром!

— Драконов в наших землях, к счастью, не водится, — усмехнулась Мириэлия, пока пальцы вырисовывали в воздухе мерцающий силуэт крылатого змея. — Да и аэртале, кстати, совсем не злые. Они союзники. Империя едина.

— Ну тогда, — Аурика вскочила, озарённая новой идеей. Она взмахнула рукой, и солнечные лучи сплелись у неё над головой, образуя сложную сияющую карту далёких земель, — я буду путешествовать! На папином золотом корабле! Открою все острова на свете!.. И на балы! На все балы буду ходить! С тобой, Мири! — выпалила она. — И мужа найду самого красивого! Он будет самым сильным и смелым, и будет путешествовать со мной, и мы вместе будем драконов... э-э-э... удивлять своей красотой!

Мириэлия, которая до этого с умилением наблюдала за фантазиями сестры, не выдержала. Прижав ладонь к губам, она попыталась сдержать смех, но он вырвался наружу звонким, беззаботным хохотом.

— Прости, прости, свет мой, — выдохнула она, пытаюсь унять дрожь в плечах. — Просто твой «самый красивый муж»... Я сразу представила, как он пытается одновременно и на балу галантно танцевать менуэт, и на палубе отбиваться от тех самых драконов. Юноша редких умений, вот уж правда.

Аурика грозно нахмурилась, но в её глазах уже плясали весёлые искорки.

— Он всё умеет! — парировала она. — Он... он волшебный!

— Не сомневаюсь, — Мириэлия потянулась и с нежностью поправила растрёпанные волосы сестры. — Такого героя ещё поискать надо. Но для начала, моя будущая прави-

тельница морей и балов, помоги мне собрать эти солнечные нити. А то мама вернётся и увидит, что мы её сад в световой хаос превратили.

Они носились меж кипарисов до самого вечера, пока длинные тени не начали красть у мира краски, одну за другой. Аурика, запыхавшись, уткнулась лбом в плечо сестры, и её голос прозвучал приглушённо, словно из другого, беззаботного времени:

— Мири... А мы всегда будем вместе?

— Всегда, — без тени сомнения ответила Мириэлия.

Где-то вдалеке голоса слуг, звавших их к ужину, терялись в шелесте листвы, но девочки не двигались. Две фигуры, слившиеся в одно золотое пятно на фоне угасающего лилового неба.

Тогда Верховная Леди ещё не знала, что годы спустя эти мгновения станут осколками в памяти — острыми, способными ранить при одном неосторожном прикосновении. Что солнце Аурики будет медленно гаснуть в тени холодной необходимости и долга Мириэлии. Но пока ветер играл их косами, смешивая аромат ночного жасмина со сладким вкусом детства, — вечность лежала у них на ладонях и казалась такой тёплой и осязаемой.

Карета мерно покачивалась, словно плыла по тёмным волнам ночи. Мириэлия сжала кулаки так, что ногти впились в кожу ладоней, но эта физическая боль была ничтожной рядом с той, что разрывала её изнутри. Перед глазами снова

встало лицо Аурики: искажённое недоумением и болью, с губами, беззвучно шепчущими один-единственный вопрос: «За что?»

— Нет... — хриплый стон вырвался из горла, обращаясь к богам, которых она давно перестала чувствовать.

Слёзы хлынули внезапно, обжигая щёки. Она вцепилась в платье, пытаясь подавить рыдания, но её тело выло само по себе, издавая глухие, животные звуки, которых она стыдилась.

— Мири, милая... — прикосновение Зариана к плечу заставило её дёрнуться и отпрянуть, как дикое, загнанное в угол существо.

— Не смотри! — прошипела она, закрывая лицо руками. Она отчаянно пыталась спрятать свою боль и стыд, но он уже обнимал её, прижимая к груди, где билось знакомое до каждой ноты сердце.

— Всё, всё, — шептал он, его пальцы осторожно разглаживали её волосы, спутавшиеся с холодными зубцами короны. — Я здесь. Я с тобой...

Мириэлия сопротивлялась мгновение, всё её существо протестовало против этой жалости, но потом тело обмякло, сломленное тяжестью вины. Она уткнулась лицом в его шею, впитав запах сандала и чего-то неизменного, что всегда означало «безопасность». Здесь не было Верховной Леди Света — только она, Мириэлия, разбитая на тысячу острых осколков.

— Я... я не хотела... Я избивала её, Зариан, — слова ломались в горле, превращаясь в бессвязное бормотание. — Собственную сестру! Ту, которую обещала отцу и матери всегда оберегать и защищать! Я смотрела, как она плачет, и... и не могла остановиться. Словно что-то чужое внутри меня взяло верх. Я не знаю, что это было... И не понимаю, кто я теперь.

— Тише, тише, — он прижал губы к её виску, и в этом прикосновении было больше понимания, чем в любых словах. — Всё будет хорошо, милая.

Его ладонь медленно водила по её спине, рисуя успокаивающие круги, — точно так же, как несколько лет назад, после тяжёлых родов, когда она, обезумев от боли и страха, рыдала в его объятиях с малюткой Раэлем у груди. Он и тогда не говорил лишнего. Просто был рядом.

— Она возненавидит меня, — всхлипнула Мириэлия.

— Нет, — Зариан мягко отстранил её, заставив встретиться с его взглядом. Его глаза, тёплые, как мёд, не позволяли солгать или уклониться. — Ты знаешь Аурику лучше, чем кто-либо. И ты знаешь, что её сердце не выучено ненавидеть. Она любит тебя всей душой. И это навсегда. Она обижена, безусловно, но... она простит тебя, если ты попросишь её, Мири.

Мириэлия снова всхлипнула, пряча лицо. Вина растекалась по венам, жала ядом. Она вспомнила, как Аурика засыпала, лишь вцепившись мёртвой хваткой в её руку. Как шептала сквозь сон: «Мири, не уходи...»

Тогда она была для сестры целым миром — после того, как мир рухнул для них обеих. Отец — гордый воин и могущественный правитель, мать, чья красота соперничала с рассветом. Страшный шторм унёс их жизни, разбив корабль о скалы в ночь, когда Мириэлии исполнилось восемнадцать, оставив её с младшей сестрой и короной, которая жгла виски.

«Ты теперь глава рода», — сказали тогда старейшины.

Она не плакала. Не позволила себе. Просто надела корону и начала править. А по ночам сидела у кровати Аурики, боясь, что та перестанет дышать во сне, и шептала: «Я не дам тебя в обиду. Никому. Никогда».

И вот — она сама стала для неё угрозой.

— Я хотела её спасти, — слова были горькими, как полынь. — От себя самой... От этой жизни. Поэтому и отправила к нефелийцам. Там... спокойнее. Там лучше. Там нет интриг, нет падали, что смотрела бы на неё как на трофей, там... там куда безопаснее.

Зариан не стал спорить. Он просто крепче обнял жену, словно пытаясь собственным теплом собрать её душу, разлетевшуюся на осколки. За окном уже мелькали огни приближающегося дворца, но здесь, в качающейся колыбели кареты, время остановилось, дав ей передышку.

— Что со мной? — она содрогнулась всем телом. — Почему... почему я не могла остановиться? Она же моя кровь. Моя маленькая сестрёнка. Я люблю её больше жизни, Зари-

ан, а в тот миг... я смотрела на неё и видела только врага.

Зариан молчал. Он не знал ответа. И просто вытирал её слёзы.

— Она простит тебя, — тихо сказал он, и она поняла: он знает.

Знает, что вся её сила — это хрустальный панцирь, давший сегодня глубокую трещину. Знает, что внутри — всё та же девочка, что ищет руку сестры в темноте, которая так её пугает. Девочка, которая до сих пор тоскует по ушедшим родителям.

Она прижалась к нему, слушая ровный стук его сердца, и позволила себе эту маленькую, украденную у судьбы слабость.

Всего на миг. Пока никто не видит.

Глава 20. Шесть Истин

Империя застынет, затаив дыхание,

В момент, когда легенды обретут звучанье.

Императорская столица сияла. Воздух пел, наполненный многоголосым гомоном, смехом, музыкой и звоном монет. Вился спиралью дым от жаровен, где шипело мясо в пряных травах, плыл с украшенных платформ аромат экзотических цветов и хватал за носы пьянящий дух медовых пирогов.

По улицам, запруженным до отказа, текла пёстрая река народов Империи. Златовласые аурелийцы — темнокожие, невысокие, но полные энергии — ловко лавировали в толпе, и то тут, то там слышался их звонкий торг. Рядом с ними скользили высокие и ослепительно прекрасные сильванорцы, чьи босые ступни не боялись раскалённых солнцем камней. Они дарили прохожим цветы, сотканые из магии, и их мелодичный смех рассыпался серебром. Поначалу на сильванорцев косо поглядывали бледные аэрн'тале, а их не менее статные женщины с холодной вежливостью отвечали на поклоны, щурясь от яркого солнца. Даже нефелийцы — невысокие, худые, с кожей, отливавшей голубым цветом, — обычно далёкие от мирской суеты, сегодня взирали на толпу

с тихой благосклонностью, ничего не покупая на рынке, но всё замечая. А прудениты — вечные затворники — вынырнули из библиотек, с жаром споря о последних открытиях и отчаянно размахивая руками, перепачканными в чернилах.

Все спешили к главной площади — сердцу праздника. Улицы, ведущие к ней, были завешаны гирляндами из живых цветов, собранных со всех концов света: пустынные зла-тоцветы сплетались с нежно-голубыми эдельвейсами и алыми амариллисами тропических джунглей. Всё это великоле-пие искрилось в обрамлении тысяч хрустальных подвесок, дробивших солнечные лучи на мириады бликов. Над голо-вами гордо плескались на лёгком ветру знамёна пяти вели-ких Орденов — шёлковые полотнища с гербами, где каждый стяг — история и слава. Каждый камень мостовой, каждое окно, каждый взгляд напоминали: к этому дню готовились месяцами, и теперь столица, затаив дыхание, ждала начала великого Турнира.

На одной из оживлённых улочек, ведущих к главной пло-щади, стихийно возник театр. Ящики из-под товаров стали сценой, а декорациями — пёстрая толпа, собравшаяся во-круг. В центре, ловя на себе все взгляды, стоял черноволо-сый юноша, которого улицы Императорской столицы знали не понаслышке. Он воздел руки, и громкий голос легко пе-рекрыл городской гул.

— Слушай, слушай, добрый народ! — возвестил он. — Топчетесь тут, поглазеть на знамёна да яства, а ведаете ли,

ради чего весь переполох?

Толпа затихла, а он тем временем сделал паузу, обводя зрителей хитрым взглядом.

— Говорят, календаря для этого дня не существует! — продолжил он, понизив голос, и зрители невольно наклонились ближе. — Не отмерен он ни годами, ни веками. Ждёт своего часа в глубине океанской пучины великая тайна — Остров Пятиконечной Звезды!

В этот момент его товарищи, до того изображавшие сучающих зевак, оживились. Один, накинув на плечи и голову синий отрез ткани, стал «океаном» и начал медленно колыхаться. Другой, взгромоздив на макушку картонную звезду и раскинув руки, замер в ожидании.

— Невидим он для простого глаза, — голос юноши зазвучал вновь, — сокрыт за завесой самых древних чар! Пребывает в дремоте, покуда мир живёт своей жизнью. Но приходит миг... — рассказчик вытянул палец, и все взгляды устремились за ним, — когда в мире рождаются герои, столь сильные, что могут бросить вызов самому Верховному Ордену!

«Океан» позади него начал волноваться сильнее, а «звезда» привстала на цыпочки. Третий актёр, изображая учёного пруденита в очках из проволоки, уставился в подзорную трубу, словно в телескоп, и начал комично щёлкать языком, а четвёртый, приложив руку к ушам как чуткий сильванорец, изображал, что ловит неведомые звуки природы.

— И тогда... — голос сказителя взмыл, перекрывая го-

мон, — тогда Остров пробуждается! Он всплывает из пучин, озарённый светом, что затмевает солнце! Звёзды сходят с небес, чтобы указать путь достойнейшим!

Его свита устроила настоящее представление: «океан» бушевал, «звезда» сияла, подняв руки, «пруденит» и «сильванорец» в изумлении пали навзничь. Толпа смеялась и ахала, захваченная одновременно и легендой, и её весёлым воплощением.

— Вот для чего всё это! — заключил юноша, снова овладев вниманием. — Не для пира и не для зрелищ! А чтобы найти Сильнейшего среди Сильнейших! Чтобы открыть новую эпоху! И кто знает... — он многозначительно улыбнулся, — кто из наследников великих Орденов станет следующим Верховным Главой Пяти Орденов?

Сказитель умолк, но рождённая рассказом энергия не угасла — она перекинулась на толпу, превратившись в гул оживлённых пересудов.

— Говорят, что девчонке аэрн'тале придётся одолеть невиданного ранее зверя, — причитала тучная торговка пирожками, смахивая с прилавка крошки. — Она же такая маленькая по сравнению с остальными их воинами. Ох, Истинный... хоть бы беды не случилось!

— Бредни несёшь, женщина, — фыркнул молодой кузнец, вытирая потный лоб закопчённой рукой. — Она куда здоровее нас, людей, будет! Да и один пруденит рассказывал мне, что на Острове том девы волшебные живут, что жизни

наследников охраняют. Коли было б это так опасно, кто бы детей туда отправлял королевских, скажи-ка на милость? А ещё я слышал, что испытанием для наследника Знания станет лабиринт!

— Только слухи распускать и горазды! — крикнула, проходя мимо, молодая торговка с густой косой, что колыхалась почти до пят. — На Турнире-то уж точно расскажут, что ждёт наследников, вот любители-то языком молоть! Лучше б работали с таким рвением!

— А то! — гаркнул в ответ кузнец, заразительно хохоча и провожая румяную девушку долгим взглядом. — Брехать — не мешки ворочать!

Пока кипели споры, тот самый юноша-сказитель молча собирал свой незамысловатый реквизит. Он улыбался, ловя обрывки самых невероятных теорий и домыслов. Подхватив костюмы, он обернулся к толпе, всё ещё бурлящей у его импровизированной сцены. Звучный голос вновь воспарил над гомоном, на этот раз окрашенный лёгкой иронией:

— Смотрите-ка, народ уже новых легенд накрутил, а Остров-то, гляди, ещё и не показался как следует! — он подбросил картонную звезду в воздух и ловко поймал её. — Эх, знать бы, какая из этих баек правдивее... Может, та, про зверя? Или про лабиринт? А может, их ждёт нечто такое, чего мы с вами и вообразить не смеем?

Он многозначительно подмигнул самой шустрой торговке, заставив её смущённо фыркнуть, и, перекинув «океан»

из синего полотна через плечо, спрыгнул с ящика. Его свита, смеясь и толкаясь, двинулась за ним, растворяясь в празднике, оставляя за собой шлейф из смеха и веселья. Толпа, подхваченная всеобщим потоком, понесла их по улице, мощенной золотистым камнем.

Юноша-сказитель шагал впереди своей небольшой ватаги, лавируя между людьми.

— ...а последний-то Турнир, — говорил он, ловко уворачиваясь от торговца с подносом, полным дымящихся лепёшек, — случился аж триста лет назад! В совершенно другую эпоху. Тогда венок победителя взял Орден Сияющих Дворцов, эти самые аурелийцы. С тех пор их Верховная глава — вторая по значимости фигура после самого Императора!

— Ох, гляди-ка, наш бродяга и историю знает, — поддразнил один из его друзей, коренастый парень с веснушчатым носом. — Откуда у тебя, уличной пыли, такие познания? Выкопал древний свиток на свалке пруденитской?

— Может, у него бабка пиратницей была, и она ему на ушко нашёптывала вместо сказок на ночь? — вторил ему другой, неуклюже пытаясь повторить трюк жонглёра и едва не уронив бутафорский жезл.

Юноша лишь игриво показал им язык и развёл руками с таким театральным вздохом, будто признавал своё поражение.

— Ах вы, неблагодарные зрители! — воскликнул он, но в его глазах плясали весёлые огоньки. — Неужто думаете, я

просто дурак безродный? Как бы не так!

Он сделал паузу для драматического эффекта, пока они сворачивали в переулок, чуть менее запруженный народом.

— Ваш покорный слуга, — он отскочил на шаг назад и сделал виртуозный поклон, — не кто иной, как Лир Искроуст, придворный шут и глашатай его Императорского Величества! Вот так-то!

Они так и замерли с открытыми ртами.

— Придворный... шут? — недоверчиво переспросил коренастый. — Ты? В дворцовых покоях?

— Самый что ни на есть! — Лир лукаво улыбнулся. — Сижу себе в уголке, по виду — просто дурачок, а уши-то вот, — он дёрнул себя за мочку, — на месте. Много чего интересного можно услышать, пока сильные мира сего решают судьбы.

Он снова пустился в путь, и друзья, опешив, поплелись за ним.

— Так что, — обернулся он к ним, уже выходя на окраину главной площади, где гул толпы становился оглушительным, — когда я рассказываю вам про то, как прудениты скрупулёзно изучают пророчества, а сильванорские жрицы за год чуют рождение Острова... знайте: то не сказки. Многое видишь, когда тебя все считают лишь дураком с бубенцами.

Он повернулся и, не дав им опомниться, рванул вперёд, в самое сердце празднества, оставив друзей ошеломлёнными и с новой порцией легенд — на этот раз о нём самом.

Шум площади был сметён единым, нарастающим аккордом. Звуки арф, лютен, флейт и торжествующих барабанов слились в мощную, строгую мелодию, возвещающую о прибытии того, чья воля двигала мир. Толпа, ещё секунду назад бывшая нестройным морем, замерла и расступилась, образуя живой коридор.

И тогда, ослепляя величием, явился он — Элидар I Кастодиан, Император, чьё слово было законом, а власть простиралась от Сияющих Дворцов до Стен Предела. Высокий и темноволосый, он с возрастом не утратил, но приумножил свою властную красоту. Черты его были отточены и решительны, а осанка — безупречна. От него исходила почти осязаемая аура силы, словно он был самой судьбой, облечённой в плоть. Говорили, что из шести Истин, на которых стоит мир, Власть избрала своим сосудом именно человеческий род — и, глядя на Элидара Кастодиана, в это легко было поверить. Пурпурные одеяния, расшитые золотом и драгоценными камнями, горели на солнце, будто в ткань вплавили осколки заката. Он занял почётное место в центральной ложе, вознёсшись над толпой.

Рядом, в тени его величия, почти неприметно сидела Мириэлия Солейн. В её осанке не было и тени привычного высокомерия, а только усталая сдержанность и глубокая задумчивость. И даже её остроконечная корона казалась теперь не символом власти, а тяжёлым бременем.

Толпа затаила дыхание, увидев, как Император поднял-

ся. Его голос, усиленный придворными магами, накрыл площадь, и воздух задрожал от его мощи:

— Приветствую вас, народы Великой Империи Зельваль-т'андор, собравшиеся в сей судьбоносный час! — начал он бархатным баритоном. — Сердце моё преисполнено гордости, ибо величайшее из событий, предсказанное самой поступью времени, свершается в моё правление! Под скипетром Кастодианов мир достиг невиданного единства и мощи. И сегодня мы станем свидетелями того, как это единство будет скреплено общим праздником!

Его взгляд скользнул по сидящим рядом с ним правителям всех Пяти Орденов, ненадолго задержавшись на задумчивом профиле Мириэлии.

— Остров Пятиконечной Звезды пробудился! — провозгласил Элидар. — И вскоре наследники величайших родов докажут, что достойны нести факел нашей цивилизации в грядущую эпоху! Пусть же их сила, их мудрость и их отвага послужат залогом грядущего расцвета для всех нас!

Его взор, тяжёлый и всеобъемлющий, касался каждого — от знатного вельможи в первых рядах до последнего нищего на задворках площади, даря им всем ощущение причастности к истории.

— Да начнётся же Турнир Пяти Орденов! — его голос вновь взмыл, наполняясь мощью. — Состязание не только стали и заклинаний, но ума и духа! И пусть победит достойнейший! Тот, чья мудрость озарит наши сердца, чья сила за-

щитит наши земли, чья добродетель станет путеводной звездой для всех народов Империи! Да благословит Истинный юных наследников и направит их на путь чести, отваги и вечной славы!

С последним словом Император Элидар Кастодиан, с силой, рождающей эхо, хлопнул в ладоши, и звук прокатился над площадью, возвещая о начале.

И тут те, кто всего час назад смеялся на улице, застыли в изумлении. Мелькнули яркие одежды, расшитые золотом и серебром; они сверкали так, что слепили глаза, — словно воплощение сильванорской огненной птицы. И под этим великолепием обнаружился тот самый юнец — Лир Искроуст.

Он воздел руку, и его голос, тот самый, что так звонко пересказывал легенды толпе, разнёсся над площадью, заставляя трепетать не от смеха, а от благоговения.

— Леди Аурика Солейн, наследница Верховного Ордена Сияющих Дворцов!

«Ну и ну... Не «золотой век», а «грядущий расцвет», — отметил Лир про себя, пока голос послушно выводил церемониальную формулу. — Золото убрал, цветы оставил. Сильванорцев, значит, вперёд прочат? Любопытно... Сам их как кость в горле терпит, а тут на тебе — расцвет. Ох, неспроста... Как только выкручиваться станет, если Лепестки и правда победят?»

И в этот миг он поймал взгляд своих ошеломлённых друзей в толпе. Уголок его рта дрогнул в усмешке — мол, «вида-

ли? А вы не верили» — прежде чем он снова обратился в безупречный инструмент воли Императора. Шут исчез. Остался лишь глашатай, чьи слова творили историю.

На площадь ступила Аурика. В её облике сочетались изящная красота и внутренний стержень, угадывавшийся в твёрдом взгляде золотых глаз. Вместо привычных пышных платьев на ней был практичный, но оттого не менее великолепный костюм для испытаний. Бледно-золотой шёлк, переливавшийся мириадами искр, облегал хрупкий стан, не сковывая движений. Золотые локоны, обычно струившиеся свободно, были убраны в высокую причёску, открывавшую тонкие черты лица и лебединую шею. Лишь несколько прядок выбились, обрамляя лицо и придавая ей вид юной, но готовой к бою воительницы. На её пальцах сверкали драгоценности — проводники магической силы истины Света. Цитрины, топазы и янтарь в кольцах пылали под солнцем, питая её врождённую магию.

Площадь разразилась бурей оваций. Восторженные крики, свист, рукоплескания слились в единый ликующий гул. Аурелийцы, узнавая свою надежду, скандировали её имя, их сердца наполнялись гордостью и верой.

— Дева, несущая свет Солнца! Леди Солейн!

Аурика не смутилась и не застыла. Едва заметная улыбка тронула её губы. Она грациозно, с врождённым достоинством склонила голову в благодарном поклоне и уверенно направилась к центру площади, к высокой стеле с зеркальной

поверхностью. Заняв своё место, она выпрямилась, её поза выражала спокойную готовность. Пока глашатай готовился представить следующего участника, её внимательный взгляд скользил по трибунам, изучая толпу и впитывая бурлящую энергию праздника.

— Господин Аэрион Амис'Драэль, наследник Ордена Светопения! — возвестил глашатай.

Он был живым вызовом. Вопреки ожиданиям от наследника самого набожного и аскетичного Ордена, зрители не увидели ни скромных монашеских риз, ни простых одеяний. Вместо этого Аэрион был облачён в вызывающе элегантный костюм нефелийского мага. Белоснежная ткань мягко облегла его стройную фигуру. Он и впрямь казался небожителем, но не кротким посланником, а существом, явившимся судить и властвовать.

Толпа встретила его оглушительными аплодисментами. Нефелийцы, чьи лица обычно озарялись лишь тихими умиротворёнными улыбками, разразились настоящим хором благословений. Сотни голосов, чистых и высоких, слились в плывущий над площадью гимн, прославляющий истину Веры.

— Сосуд божественного Слова, да озарит твой путь свет Истинного! — раздавались возгласы. — Да благословит Многоликий бог наш твои начинания, да будет он милостив!

Аэрион прошёл к стеле с такой лёгкостью, будто и впрямь едва касался земли. Ухмылка, игривая и самодовольная, не

сходила с его губ. Он впитывал обожание толпы, наслаждался этим поклонением, бросая вызов не только будущим испытаниям, но и традициям, что должны были его сковывать. Он занял своё место, и его уверенность была почти осязаемой — он знал, что рождён для величия, и Турнир был лишь формальностью на пути к нему.

Воздух сгустился от ожидания. Площадь замерла. Все взгляды были прикованы ко входу, все ждали того, чьё имя не сходило с уст в предтурнирных спорах.

— Господин Амарант До'Ленн'Тар, наследник Ордена Алых Лепестков!

Едва Искроуст выдохнул его имя, как толпа вскочила единым порывом, и сдержанная тишина рухнула под лавиной оглушительных криков. Без сомнения, они ждали только этого момента. Ещё до того, как Амарант показался, трибуны уже пылали энергией, предвкушая явление сильванорского принца.

Лир скосил взгляд на Императора. Тот аплодировал вместе со всеми — размеренно и сдержанно, но улыбка мужчины была натянутой.

«Не любишь ты их, — подумал Лир, переводя взгляд на ложу Ордена Алых Лепестков. — А зря. Они ведь кормят твою Империю. Своими землями, потом и магией».

Он отыскал глазами матриарха До'Ленн'Тар. Та сидела прямо, и смотрела на сына с безмолвной гордостью. Лир позволил себе лёгкую улыбку.

«Если править будут они... может, Империя и впрямь расцветёт».

Амарант вышел как герой, возвращающийся домой. Девушки и женщины, забыв о приличиях, тянули к нему руки, осыпая его путь дождём из цветочных лепестков. Он широко распахнул объятия, словно желая заключить в них всю народную любовь. Его ослепительная улыбка была обращена ко всем и к каждому. Он с лёгкостью раздавал воздушные поцелуи, вызывая взрывы счастливых женских вздохов, и с полным достоинства поклоном отвечал на приветствия мужчин.

— Принц Леса и Пламени! Да благословит тебя Матерь Илл'Танар! — скандировала толпа, и вниз летели не отдельные лепестки, а целые охапки цветов, ложась ему под ноги благоухающим ковром. Несколько лепестков зацепились за его волосы и одежду, став естественным, идеально подходящим ему украшением.

Его энергия и непоколебимая уверенность захватывали дух. В тот миг не было никаких сомнений: Амарант рождён не просто для Турнира. Он рождён для этой сцены, для этой славы, для того, чтобы быть любимцем всей Империи. И он принимал эту любовь, отдавая миру стократ в ответ.

— Наследник, а ведёт себя как бродячий артист, — пробурчал Райгар Аэлиндорн, хмурясь.

Кир'Лианна сидела с видом королевы, наблюдающей за триумфом наследника. Пока её сын осыпал толпу улыбками,

а в ответ на него обрушивался ливень из цветов, другие правители не могли скрыть смешанных чувств. Взгляды, полные недоумения, скрытого раздражения и даже зависти, скользили в её сторону. Один из старейшин Ордена Стальных Вершин угрюмо проворчал что-то о «недостойном поведении».

Матриарх лишь рассмеялась — звонким, бархатным смехом, прикрытым изящным движением рукава. Её пронзительно-яркие зелёные глаза сияли безудержной гордостью и удовольствием. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы знать: даже те, кто осуждал её сына, не могли отвести от неё взглядов. Так было всегда. Кир'Лианну До'Ленн'Тар называли прекраснейшей женщиной Империи — и это звание было столь же неоспоримо, как прилив или смена времён года. Мужчины влюблялись в неё с первого вздоха, женщины тщетно пытались копировать её грацию, а она принимала это поклонение как должное, но не из тщеславия, а потому что иначе и быть не могло. Орден Алых Лепестков нёс в мир истину Любви, и До'Ленн'тар были живыми её воплощениями.

— Ах, простите великодушно, достопочтенный, — промурлыкала Кир'Лианна, и её зелёные глаза сверкнули из-под ресниц. — Боюсь, мой сын унаследовал от меня дурную привычку заставлять людей улыбаться помимо их воли. Обещаю — в следующий раз я велю ему хмуриться и говорить исключительно о бренности бытия. Быть может, тогда его сочтут достойным?

— Оставьте, господа, — тихо произнёс Зантарий Куи-

ва'Нариен, и его сухая ладонь легко коснулась предплечья Кир'Лианны. Этот жест говорил больше любых громких деклараций: они были друзьями дольше, чем иные из присутствующих носили свои титулы. — Господин До'Ленн'Тар дарит им любовь и внимание, а они... дарят ему свои сердца. Разве не в этом сила Ордена Алых Лепестков?

В ложе воцарилась тишина. Слову Хранителя Знаний внимали все, от послушника до Императора, ибо если глава пруденитов говорил, это означало лишь то, что прозвучит неоспоримая истина.

— Но... — начал было старейшина, однако Зантарий даже не обернулся.

— Вы узрели в его поступке ветреность, — продолжил он тоном мудреца, поясняющего детям азы. — Я же вижу Истину. Любовь не расчётлива. Она не носит церемонных одежд и не спрашивает дозволения у протокола. Мой юный друг Амарант, — Зантарий поймал весёлый взгляд Кир'Лианны и едва заметно улыбнулся ей. — Мой юный друг Амарант поступает так, как велит ему его природа. А наша природа — это глас Истины каждого из народов. И не вам судить о том, как она проявляется.

Кир'Лианна благодарно склонила голову, но глаза её смеялись.

— Зантарий, тыставляешь меня плохой матерью, которая не в состоянии сама отчитать сварливых стариков, — произнесла она с ленивой улыбкой, и в ложе слышались

смешки.

— Я лишь напоминаю им, что цветы не виноваты в том, что они прекрасны, — парировал пруденит.

Сильванорка благодарно кивнула и откинулась на спинку кресла, являя собой воплощение безмятежного триумфа. Пока другие правители пытались внушать почтение силой или древностью рода, её сын завоёвывал Империю одним лишь взмахом ресниц и сиянием улыбки.

— Леди Феарида Аэлиндорн, наследница Ордена Стальных Вершин!

Наступила тишина.

Толпа замерла, вглядываясь в полумрак арки, откуда должна была появиться самая загадочная из наследниц. Феарида вышла на свет, щурясь от ослепительного солнца, и её пальцы побелели на тетиве лука — единственной привычной опоры в этом чуждом мире. Лёгкие, искусно выкованные доспехи облегали плечи и грудь, не сковывая движений и не утяжеляя статной фигуры. Под ними струилось платье глубокого синего цвета, с вышитыми белоснежными узорами, похожими на иней. Она шла к стеле, уже смирившись с гнетущей тишиной.

Но вдруг... она услышала нарастающий топот.

Сначала — лишь смутный гул, доносящийся из сектора, где сидели аэртале. Глухой, ритмичный стук, похожий на биение гигантского сердца, спрятанного в недрах гор.

Туп-туп. Туп-туп.

Звук нарастал, крепчал, и вот уже стало ясно — это не случайность. Это ритм.

Феарида медленно подняла голову. Глаза, обычно спокойные и отстранённые, расширились от изумления. Мужчины и женщины поднимались и начинали бить ногами. Сначала десятки, потом сотни. Тяжёлые сапоги отбивали единый, первобытный такт.

ТХУМ-ТХУМ. ТХУМ-ТХУМ. ТХУМ-ТХУМ.

Площадь дрожала, и к топоту присоединились низкие, рождённые в самых недрах груди, голоса. Они пели древнюю боевую песнь. В ней не было ни ноты мольбы — только ярость, только сила и несокрушимая воля.

Алый румянец выступил на бледных щеках Феариды. Она замерла, впитывая этот громоподобный салют, и в её жилах вспыхнул огонь, дремавший веками.

Инстинкт, древний, как сами горы, вырвался наружу.

Меч выскользнул из ножен с пронзительным звуком. Сталь, отполированная до зеркального блеска, взметнулась ввысь, поймав солнечный луч и отразив его ослепительной вспышкой.

Феарида откинула голову, и из груди её вырвался клич:
— ***За ярость Стальных Вершин!***

Её голос, низкий и звонкий одновременно, рассёк воздух. В нём звенел вызов всему миру, клятва стоять насмерть и обещание победы.

Первой на зов ответила Таариса. Младшая дочь Аэлин-

дорнов, стоявшая подле отца, выхватила клинок быстрее мысли и взметнула его над головой.

— За ярость Стальных Вершин! — её крик вплёлся в клич Феариды, и на миг их голоса слились в один.

АэРН'тале единым порывом вскинули вверх кто сжатые кулаки, а кто обнажённые клинки. Их ответный рёв, мощный и сокрушительный, потряс воздух, заглушив на мгновение всё на площади.

— Серебряная леди Торвенгара! Да будет сильна стальная кровь в твоих жилах! — гремело над площадью.

В этот миг Феарида не была одинокой девочкой. Она была их мечом. Их щитом. Их будущим. Живым воплощением силы Стальных Вершин.

Райгар Аэлиндорн не проронил ни слова. Он стоял, скрепив руки на груди, и смотрел на старшую дочь. Лицо его оставалось суровым, но в глубине стальных глаз промелькнуло то, чего он никогда не высказывал вслух. Удовлетворение. И гордость.

Эллен, его жена, не встала. Не улыбнулась. Даже не повернула головы. Она сидела в кресле, выпрямив спину, и смотрела прямо перед собой — мимо Феариды, мимо ликующей толпы, в пустоту. Её лицо было холоднее горного льда. Безупречно красивое и совершенно бесстрастное.

От всего сектора аэРН'тале исходила почти осязаемая волна. Угроза. Тяжёлая, первобытная, как дыхание пробуждающегося вулкана. Соседние сектора притихли. Даже самые

громогласные сильванорские юноши, только что осыпавшие Амаранта цветами, переглянулись с внезапной тревогой.

Аэртале не искали любви. Они демонстрировали мощь — и каждый на площади вдруг вспомнил, почему Стальные Вершины не терпят чужаков. Почему даже маги, чья сила способна дробить скалы, бледнеют при одном упоминании Стальных Вершин. С истиной Силы не соревнуются. Перед ней замирают.

Амарант стоял, слегка склонив голову набок, и его ухмылка была самой что ни на есть искренней. В глазах, обычно игривых, читалось восхищение.

— Ну вот, — тихо проговорил он. — Гроза, закованная в доспехи.

Он наблюдал, как Феарида, окрылённая поддержкой своего народа, шла теперь твёрже, расправив плечи. В её походке появилась та самая стальная воля, которую так ценят аэртале. Амарант смотрел на неё вовсе не как на соперницу, а как на диковинный цветок, который внезапно решил показать миру свои шипы. Рядом Аурика глядела на то же самое с выражением недоумения. Она одёрнула золотой рукав, её пальцы с драгоценными камнями нервно постукивали по бедру.

— Дикари, — пробормотала она себе под нос. — Неужели нельзя проявить достоинство с изяществом?

Её взгляд скользнул по ликующим аэртале, и она мысленно ещё раз поблагодарила судьбу, что родилась в цивили-

лизованной, утончённой расе.

Аэрион, в отличие от них обоих, молчал. Его глаза, обычно сияющие самодовольством, изучали Феариду: в них читался не восторг и не презрение, а холодный интерес. Он видел демонстрацию силы духа, единства и непоколебимой воли. Аэрион мысленно пополнил ею незримый перечень тех, с кем стоит считаться. И в его душе впервые шевельнулось уважение к этой ледяной воительнице.

— Мудрый господин Анаксагор Куива'Нариен, наследник Ордена Хранителей Бесконечных Свитков!

Имя прозвучало над площадью, и толпа ответила сдержанным, но тёплым гулом одобрения. Это были аплодисменты глубокого уважения, ведь приветствовали не просто юного наследника, а признанного мудреца, о чьей учёности уже слагали истории. Анаксагор вышел на залитую солнцем площадь как путник, вернувшийся из долгого странствия. В его энергичной, быстрой походке чувствовалась не снедавшая его жажда славы, а ненасытная любознательность: он спешил к новой, ещё неразгаданной тайне, ведомый истиной Знания.

Несмотря на молодость, он уже носил на себе следы своих интеллектуальных странствий: пыливый добрый взгляд, слегка небрежный пучок из длинных волос, местами выгоревших под солнцем, и светлые пряди чёлки, неизменно падавшие на глаза. Он сознательно отвергал показной лоск. Его одежда была бы неприметной, если бы не знаки Ордена, вышитые золотом на жилете. На поясе болталась сумка, оття-

нутая весом свитков и книг — спутников его магии.

На ходу он снял новые, более изящные, но всё те же неизменные очки учёного, и, словно извиняясь за свою рассеянность, благодарно помахал рукой толпе, улыбаясь. И эта улыбка преобразила всё. В ней не было ослепительности Амаранта или холода Аэриона — только тепло и невероятная заразительность. Она озаряла его лицо внутренним светом, идущим от самой глубины души, словно он был безмерно рад делиться открытиями со всем миром.

И тут до многих дам на трибунах, доселе равнодушных к «скучному учёному», вдруг дошло. За скромным плащом и стопкой книг скрывалась не сухая персона из библиотеки, а пруденит с удивительным обаянием. По рядам прокатился вздох, и в воздух взметнулись веера — знатные госпожи спешно прятали за ними вспыхнувший на щеках румянец.

Анаксагор же, как водится, не заметил этого маленького переполоха. Он уже занял своё место у стелы, его взгляд, живой и острый, с любопытством скользил по собравшимся, задержавшись на Амаранте. Друзья обменялись тёплыми взглядами.

И все наследники наконец заняли свои места.

Глава 21. Глаза, распахнутые в иное

Верховная Глава Пяти Орденов, Мириэлия Солейн, поднялась с трона.

— Дорогие наследники, — её голос раскатился над притихшей площадью. — Вам предстоит испытание, которое потребует всех ваших сил, мудрости и мужества. Пока маги готовят портал, чтобы перенести вас на Остров Пятиконечной Звезды, я расскажу, что вас там ждёт.

По её едва заметному кивку на площадь выплыли несколько огромных зеркал. Под звуки торжественных заклинаний, направляемые КирЛианной и Зантарием, они выстроились в полукруг. Воздух задрожал от предвкушения чуда; все затаили дыхание в ожидании первого взгляда на легендарный Остров.

— На Острове Пятиконечной Звезды каждого из вас встретят айтриллы-хранительницы. Они станут вашими проводниками и защитницами до конца Турнира, уберегая от непредвиденных опасностей. Знайте: это древние, почти исчезнувшие создания, единственные в своём роде — каждая айтрилла уникальна и неразрывно связана с породившим её местом. Они явятся вам в том облике, который вы сумеете воспринять, и я прошу проявить к ним уважение. Когда

Турнир завершится, именно айтриллы выберут победителя — сам Остров подскажет им, кто явил лучшие качества и поднялся над остальными. И тогда... — Мириэлия изящным движением руки указала на огромные зеркала, уже мерцающие внутренним светом, — ...они же вернут вас в столицу через мои зеркальные врата.

Её взгляд, тёплый и всеобъемлющий, скользнул по юным лицам.

— Каждого из вас ждёт уникальное испытание, созданное именно для вашей расы. Оно опирается на сильнейшие стороны вашего народа и на дары, которые вы должны явить миру. — Она повернулась к Хранителю Знаний. — Господин Зантарий, прошу, напомните наследникам, что известно вашему Ордену о прошлых Турнирах. Пусть знание станет их оружием.

Глава Ордена Хранителей Бесконечных Свитков, наблюдавший за установкой зеркал с сосредоточенным видом, выступил вперёд. Он учтиво склонил голову перед Мириэлией, а затем перед наследниками.

— Разумеется, — отозвался Зантарий. Его низкий голос струился мягко, а на лице появилась добрая, отеческая улыбка. — Сведения, которые удалось собрать и верифицировать моему Ордену, отрывочны и порой противоречивы, ибо каждый Турнир уникален. Однако нам удалось выявить некую ось, вокруг которой вращаются все испытания.

Зантарий обвёл взглядом пятерых наследников, на мгно-

вание задержался на каждом, оценивая, и остановился на Феариде.

— Леди Феарида, — начал он с глубокой серьёзностью, — вашему роду надлежит явить искусство боя. Но истинная сила воина Аэлиндорн кроется не в мускулах, а здесь, — он легко постучал пальцем по виску, — в умении владеть собой. Ярость аэрнтале — это ураган. Не пытайтесь подавить её: она разорвёт вас изнутри. Не пытайтесь слепо управлять ею: она сожжёт ваш разум. С ней нужно... договориться. Примите её как часть себя, и тогда в бою тело воина само подскажет верный шаг. Противники будут уникальны, и вам придётся найти стратегию для каждого, обратив его слабости в свою силу.

Пруденит повернулся к Аурике и его взгляд чуть смягчился.

— А вам, госпожа Солейн, — продолжил он, — предстоит пройти лабиринт, где царит крошечная тьма, а реальность искажается и ускользает. — Зантарий поднял руку, очерчивая в воздухе невидимые стены. — Ловушки там потребуют не только реакции, но и стратегического мышления. Ваша часть острова лишена солнца — вашего главного союзника, — он мягко указал на её украшения. — Поэтому каждый уловленный луч, каждую искру света тратьте с величайшей бережливостью. Растратите попусту — тьма поглотит вас. Ваша задача — сохранить свой внутренний свет. Именно он и укажет на верный путь.

Давая им миг осмыслить сказанное, Зантарий помолчал и, чуть погодя, остановился взглядом на Аэрионе.

— А вам, юный господин АмисДразль, — голос его зазвенел, трогая струны едва заметной иронии, — предстоит испытание не силой мускулов. Вам будет предложена дилемма, где веками сплетались ложь, полуправда и предрассудки. Чтобы распутать этот узел, опирайтесь на советы предков и божественные послания в тишине молитвы. Вера станет вашим компасом в море сомнений. — Он шагнул ближе, заговорив проникновеннее: — Вам предстоит пролить свет на тёмное прошлое, отыскать скрытые ходы в лабиринте чужих судеб. Придётся умиротворять разгневанных духов и очищать от скверны саму землю испытания. Но помните: чтобы вернуть утраченную гармонию в то место, что вверят вашему попечению, вы должны прежде сохранить её в собственной душе. Ваше оружие — не сталь, а истина и вера.

А когда он повернулся к Амаранту, и строгие складки у рта Хранителя Знаний дрогнули, готовые сложиться в улыбку.

— А тебе, юный сильванорец, чья связь с живым миром естественна, как дыхание, предстоит пройти путь через землю гнева. Стихии там отвергли всякий договор и будут бушевать без контроля. Твоя задача — не усмирить их грубой силой, а убедить стать союзниками. Духи природы будут твоими проводниками, но полагайся не только на просьбы, но и на дар убеждения. Используй магию сдержанно, обдумывая

каждый шаг.

Тут Амарант, поймав его взгляд, ободряюще подмигнул, и Зантарий не смог сдержать смешка.

— Я знаю, тебя учить этому — всё равно что птицу учить летать, — уже мягче добавил он. — Твоё главное оружие там — мудрость и дипломатия. Покажи им, что ты достоин быть не завоевателем, а тем, кто готов открыть душу каждому созданию.

Взгляд, до этого скользивший по наследникам с долей официальной отстранённости, наконец нашёл сына. Губы тронула тёплая улыбка. Анаксагор ответил тем же.

— И, наконец, — произнёс он тише, — тебе, представителю пруденитов, будущему Хранителю Знаний, предстоит пройти через библиотеку-лабиринт. Её полки хранят не только мудрость, но и опаснейшие из знаний, где почти невозможно отличить правду от лжи. Твоя задача — найти ключ, полагаясь на ум, смекалку и магию. Доверься логике, но не глуши интуицию. — Он чуть склонил голову, перейдя на шёпот, слышимый лишь пятерым: — Библиотека та полна ловушек и лжи, способной свести с ума неподготовленного. Но я знаю, что ты готов.

Зантарий выпрямился, и его улыбка стала полна тихой гордости.

— Покажи им, Анаксагор, что такое истинная сила Знания.

И тогда Мириэлия сделала шаг вперёд. Широкие рукава

взметнулись от резкого движения, и по площади прокатилась невидимая волна энергии. Она потекла по древним рунам, выгравированным на рамах огромных зеркал, заставляя их оживать. Поверхности заструились, наполняясь мерцающим светом, и по ним побежали радужные переливы.

Наследники у стелы приготовились к прыжку; их позы выражали собранность и готовность.

Аурика, уже готовая шагнуть в неизвестность, подняла взгляд на сестру. Их глаза встретились сквозь толпу и магическое марево, и она увидела, как губы Мириэлии сложились в знакомую с детства улыбку.

И хотя звука не было, Аурика безошибочно прочитала:
— *Удачи, сестрёнка. Я люблю тебя.*

Мириэлия взмахнула руками, и её голос, полный силы, пророкотал над площадью:

— Да начнётся Турнир Пяти Орденов!

Гигантским гало энергия выплеснулась из зеркал концентрическими кругами света, окрашенными в оттенки лаванды, аквамарина и золота. Магия Верховной Главы раскрылась, подобно хрустальному цветку, чьи лепестки обвивали наследников, формируя вокруг них полупрозрачные коконы, в которых танцевал свет. Мириады радужных искр кружились в завораживающем вальсе, резонируя с зеркальной поверхностью стелы.

Свет пульсировал в такт биению сердец, пронизывая наследников и готовя их к прыжку сквозь пространство. И че-

рез мгновение они растворились, поглощённые сиянием, не оставив ничего, кроме лёгкого вихря, поднявшего с камней пыль, и радужного мерцания, ещё долго висевшего в воздухе.

Руки Мириэлии, совершавшие точные движения, дирижировали реальностью. Рядом с ней КирЛианна и Зантарий, объединив магические силы, подняли массивные зеркала. Те, повинаясь их воле, развернулись к толпе. И словно огромные глаза, распахнувшиеся в иное измерение, поверхности зеркал перестали быть просто стеклом. Теперь в них открывались виды на залитые странным светом пейзажи Острова Пятиконечной Звезды.

Глава 22. Там, где молчат хранители

Легенда — лжёт, спасенья —
 нет.
Покинул Остров звёздный свет.

Остров Пятиконечной Звезды встретил Амаранта не обещанным сиянием и буйством, а давящей, непроглядной чернотой. Воздух давил влажной тяжестью, пропитанный озоном и солью. Причудливые растения, покрывавшие всё вокруг, отливали сумрачными оттенками. Багровые, иссиня-чёрные и ядовито-фиолетовые, они сплетались в непроницаемую сеть, и тишина стояла такая, словно весь лес притаялся и замер.

Амарант медленно поворачивался. Сильванорский слух, напряжённый до предела, вылавливал малейший шорох. Позади принца простиралась бескрайняя водная гладь, но даже она выглядела мёртвой — густо-тёмная, без единого блика.

— Не понял, — пробормотал он, нахмурившись и почесав затылок, в ожидании появления обещанной айтриллы-хранительницы.

Безуспешно.

— Эй! Есть тут кто живой?

Ответом стала тишина.

Раздосадованный, он опустился на колени, прижав ладони к влажной земле. Внешне остров казался безжизненным, но под тонким слоем почвы, в корнях этих тёмных растений, сильванорец уловил иное.

— Странно... — прошептал он. — Всё здесь выглядит мёртвым, но энергия бурлит. Глухая, болезненная... И где же та бушующая стихия, о которой говорил Зантарий? Может, правила изменились?

Амарант поднялся, отряхнув руки. Чуткие уши дрогнули, уловив нарастающий шум.

Он вскинул голову.

Над островом стремительно сгустились тучи. Спавший прежде ветер рванул с моря, неся запах грозы и далёкий рокот волн, бьющих о скалы. Холод скользнул вдоль позвоночника, и дело было вовсе не в ветре.

— Нехорошо, — выдохнул Амарант.

Принц двинулся вперёд, осторожно перешагивая через обломки досок. Земля чавкала под сапогами, влажная насквозь — остров поднялся из воды совсем недавно. В воздухе висел запах сырого дерева и гниющих водорослей, а в трещинах скал поблёскивали лужицы морской воды. Он ускориł шаг, стараясь оставаться бесшумным.

— Что-то я нервничаю... Значит, есть отчего.

Амарант блуждал по лесу ещё около получаса. Острые уши то и дело вздрагивали: странный гул заставлял нервы

звенеть с каждой минутой. Вскоре лес начал редеть. Амарант остановился. Обычно озарённое улыбкой лицо посерьёзнело.

— Что-то не так.

Принц резко повернул голову вправо.

В следующий миг он выбросил ладонь вниз — воздух под ногами упруго толкнул его, и гибкое тело взмыло вверх. Пальцы впились в шершавую кору, и он повис, пропуская под собой то, что вырвалось из чащи.

Сильванорец замер, осмысливая произошедшее. Нечто вновь бросилось прямо на него. Воздух разорвал звук, от которого заledenели внутренности. Вопль, сотканный из предсмертных хрипов и чистой ненависти.

— Что ты такое? — в голосе звенело изумление, но ни капли страха.

Существо перед ним было порождением кошмара. Чудилось, сама тьма, устав от бесформенности, сплела себе тело из самых жутких обрывков реальности. Двигалось оно текуче, по-кошачьи, но клыкастая пасть, исходившаяся едкой слюной, была от матёрого волка. Спину покрывали острые костяные шипы, а длинный, чешуйчатый хвост извивался змеей. Чудовище выглядело бесплотным: клубящаяся чёрная дымка скрывала очертания, и лишь угадывались контуры. Глаза, два кровавых провала, были лишены зрачков и сочились безумием. Ни искры разума — только всепоглощающая ярость. От существа тянуло могильным холодом, и

каждый вопль вонзался в сознание, пытаясь раздавить волю. Страх и хаос, вырвавшиеся из самых тёмных глубин и обретшие плоть.

Амарант спрыгнул с ветви, принимая боевую стойку, не скованную, а собранную и упругую, точно готовясь к танцу.

— Что ж, — протянул он, — думаю, это можно счесть за приглашение.

Сильванорец взмахнул руками — и пространство расцвело алым. Пламя скользнуло из ладоней, заструившись меж пальцев и послушно обвивая запястья мага. Живые лепестки огня плясали, превращаясь то в плети, то в клинки и вновь рассыпаясь искрами. Амарант стоял, озарённый этим сиянием, и улыбался, предвкушая битву.

Чудовище ринулось вперёд. Длинные когти рассекли воздух со свистом.

Амарант не отпрыгнул — шагнул навстречу. Тело изогнулось в текучем движении, и сноп пламени хлестнул вперёд. Огонь полоснул по тёмной шкуре, и химера отпрянула, трясая обожжённой мордой. С новым рёвом, полным боли и бешенства, она рванула вперёд, и удары посыпались быстрее, злее. Ноги едва касались земли, и сильванорец уклонялся, не сводя взгляда со смертоносных когтей. Несколько раз он отвечал короткими точными выпадами. Алые вспышки пламени обжигали химеру, оставляя дымящиеся полосы на шкуре, но вреда не причиняли — только распяляли.

— А они вообще уверены, что это безопасно? — размыш-

лял вслух Амарант, в очередной раз взмывая на ближайшее дерево и перепрыгивая на соседнюю ветвь.

Внизу разъярённое существо ломало стволы в бессильной злобе.

— Сомневаюсь, что так задумывали! — донеслось сверху, и в голосе сквозило раздражение.

Юноша прыгнул с дерева, и, выпрямившись во весь рост, откинул алую прядь с глаз. Пальцы сложились в серию сложных знаков, вычерчивая в воздухе сигилы. Узоры на коже вспыхнули, залив округу холодным светом. Он взмахнул руками — и теперь из ладоней хлестнул сгусток чистой энергии. Поток, способный обратить даже камень в пыль, устремился к химере. Амарант, верный корням, филигранно направлял поток — тот обтекал стволы и ветви, не касаясь ни единого листа.

Удар достиг цели. Воздух затрещал.

И... ничего.

Чудовище разлетелось клочьями дыма, будто разорванное изнутри, но в следующий миг дым потянулся обратно, свиваясь в знакомые очертания. Глаза не моргнули. Тварь низко рывкнула, и с новой силой ринулась вперёд, сметая всё на пути.

— Чего?! — вырвалось у Амаранта. — Не понял.

Он отскочил, пальцы уже складывали новые комбинации. Град заклинаний обрушился на тварь: сковывающие лучи, разрывающие вспышки огня, душащие петли из лиан. Ре-

зультат был прежним. Существо шло вперёд, не замедляясь, игнорируя удары, как пустые иллюзии. Линии на коже пылали, выжимая магию до предела, — бесполезно. И тогда уши завибрировали с такой силой, что в висках запульсировала боль. Он ощутил это кожей, костями, каждой клеткой.

Растущее, чужое зло. И оно превосходило всё, с чем он сталкивался прежде.

Легенды о Турнире, наставления Зантария, сама суть испытаний разлетелись в прах. Никакая химера, даже самая свирепая, не обладала полной невосприимчивостью к магии. Никакое испытание не источало бы такого концентрированного ужаса.

— Понял, — произнёс Амарант тихо.

Он развернулся на каблуках с прежней изящной резкостью, но теперь не для соревнования, не для игры.

Для бегства.

Амарант рванул в лес, оставляя позади ревящее существо, потому что понял главное: происходящее — не часть Турнира. Он в настоящей опасности. Один на один с тем, что не подчиняется известным законам. Сильванорская натура, всегда резонировавшая с жизнью, теперь кричала об одном — беги.

Из мрака между деревьями вылилась целая стая, бросаясь в погоню за магом. Со всех сторон надвигались такие же искажённые, дымчатые химеры; в глазницах тлели угли, пасти застыли в вечном беззвучном рыке. Они двигались с жуткой

синхронностью, отрезая пути, и вскоре кольцо сомкнулось вокруг сильванорца.

Амарант затормозил. Грудь вздымалась, сердце билось где-то в горле, рёбра сдавило. Вой слился в оглушительную симфонию ненависти, вызывая нестерпимый звон в ушах и панику. Сильванорец замер в низкой стойке, взгляд заметался меж тварей, ловя каждый намёк на атаку.

— Делать нечего...

Он припал к земле, зарываясь пальцами в почву, и почувствовал, как собственная магия, сам дух струится вглубь древних пластов острова, взывая к его спящей мощи.

И остров ответил.

Почва под химерами вспучилась и лопнула, а из разломов ударил столб слепяще-белого пламени. Рёв стоял такой, что заложило уши. Волна жара и осколков скальной породы разметала химер, как сухие листья. Ближайшие стволы вспыхнули разом и тут же осыпались пеплом. Земля под ними почернела и пошла пузырями. Мощь, которую Амарант всегда душил в себе, подарила крохотную передышку. В сердце кольнуло сожаление — он не хотел калечить остров. Но времени на раскаяние не было.

Вылетев на открытое пространство — каменистую равнину с редкими скалами, — он понял: бежать больше некуда. Загнали в угол. Искра надежды, ещё миг назад горевшая в душе, погасла.

Тёмная туча химер уже накрывала равнину, приближаясь

к нему. Страх липкой удавкой сжал горло.

— Проклятье... — ругательство прозвучало выдохом, в котором слились негодование, досада и парализующий ужас.

Амарант повернулся лицом к стае, но больше не выглядел беглецом. Он расправил плечи, поднял подбородок. Прятаться негде. Значит...

— НАЗАД!

Звонкий властный голос разрезал оглушительный вопли химер, словно удар хлыста. Амарант, чьи рефлексy были обострены до предела, повиновался без малейшей доли сомнения. Он не думал, не анализировал — тело само метнулось назад.

С вершины ближайшей скалы на стаю химер обрушился ливень из стали. Стрелы, каждая в палец толщиной и длиной с короткое копьё, впивались в землю и каменные глыбы с такой силой, что почва вздымалась фонтанами пыли и острых осколков. Обломки скал с грохотом обрушивались вниз, образуя барьер между Амарантом и его преследователями.

Над этим хаосом неслась Феарида. Двигалась она стремительно и грациозно, перескакивая с уступа на уступ. Пальцы её правой руки скользнули к колчану и извлекли три стрелы разом. Мгновение — и они легли на тетиву. Взмах, едва заметный для глаза, — и стальные заряды, взыв, врезались в землю, углубляя и расширяя создаваемый ею рубеж обороны. Свирепые твари, ещё мгновение назад готовые растерзать Амаранта, застыли перед этой стеной из развороченной

земли, камней и стали.

Не теряя ни секунды, Феарида метнулась со скалы и в два прыжка оказалась рядом с Амарантом.

— Двигай, двигай, двигай!

Она не стала ждать, пока он опомнится. Рука в железной перчатке вцепилась в плащ у самого горла, и сильванорец, движимый и своим порывом, и её мощным рывком, отлетел назад.

В тот же миг алые руны, выгравированные на стрелах, торчащих из земли, вспыхнули.

— Ложись! — выпалила Феарида, уже падая рядом с ним и накрывая голову руками.

Последовал сокрушающий взрыв. Грунт там, где воткнулись стрелы, разорвало изнутри. На месте залпа зияла теперь глубокая дымящаяся траншея, и её края оплавились и почернели. Волна от небольшого сотрясения отшвырнула Феариду и Амаранта, перекатив их по камням.

Оглушённый, со звоном в ушах, сильванорец поднял голову. Через облако пыли он видел, как химеры, достигнув свежего разлома, застыли на краю. Глубокая расщелина стала непреодолимой преградой. Это не походило на магию в его понимании. Грубая, прикладная мощь, доведённая до совершенства, — гений кузнечного ремесла аэртале, вложенный в смертоносные стрелы-разрушители.

— Ого... — Амарант присвистнул, машинально отряхиваясь. Взгляд, полный восхищения, скользнул по Феариде.

— Я сражён вами наповал, серебряная леди. Буквально, — он кивнул на дымящуюся траншею, — и фигурально.

Суровое напряжение на миг сошло с лица Феариды.

— Нет времени болтать, — отрезала она, поднимаясь. — Здесь всё неправильно. Обсудим позже. Сейчас — бежим!

Амарант ловко вскочил на ноги и, не раздумывая, протянул руку. Пальцы мягко сомкнулись на латной перчатке. Ветер взвыл в кронах, подгоняя их, а сзади доносились злобные вопли и скрежет когтей о камень: твари уже пытались преодолеть преграду.

— Безусловно, моя госпожа!

Они побежали. Лёгкая, стремительная фигура и мощная, несокрушимая. Два наследника, ещё недавно лишь соперники, неслись сквозь мрак, спасаясь от общей необъяснимой угрозы.

Орда химер тёмным потоком хлынула из чащи, настигая их. Амарант на бегу одной рукой вычерчивал огненные руны, разрывая землю позади в клочья. Другой он держал Феариду — хватка была жёсткой, но бережной. Каждый взрыв был тактическим отступлением, выигрывающим драгоценные метры.

— Сюда!

Знакомый, уверенный голос.

Тело отреагировало раньше мысли — Амарант рванул на звук. Движения обрели прежнюю плавность: никакой паники, лишь абсолютное доверие, выкованное в десятках сов-

местных авантюр. Он видел впереди освещённую поляну и одинокую долговязую фигуру, окружённую парящими свитками.

Сильванорец на миг замедлился, и прежде чем Феарида успела осознать, его рука мягко обхватила её талию. В следующий миг мир перевернулся, и перед глазами оказалась спина Амаранта. Он взвалил её на плечо, словно драгоценную ношу, и сорвался с места так, что ветер взвыл в ушах.

— Прошу прощения за неудобства, госпожа! — крикнул он.

Пока он нёсся сквозь лес, свободная рука продолжала творить хаос: земля раскалывалась с оглушительным грохотом, и из трещин извергались реки алого пламени, возводя за спинами пылающие барьеры.

Впереди, на залитой светом поляне, ждал Анаксагор. Он опустился на одно колено, занеся ладонь над центральным символом начертанного на земле защитного круга. Вокруг парили раскрытые книги и свитки, листы переворачивались сами собой, образуя мерцающую сферу. При виде несущейся лавины из химер и лучшего друга с девушкой на плече ни один мускул на лице пруденита не дрогнул.

— Успеешь, а? — крикнул он, и в голосе слышалась знакомая насмешка, смешанная с деловым азартом. — Считаю до трёх...

Анаксагор позволил себе задержаться, растягивая мгновение. Химеры неслись за спиной Амаранта, и пруденит,

щурясь, впитывал каждую деталь: структуру дымчатых тел, безумный блеск глаз, траекторию движения всей стаи. Он видел, как сокращаются мышечные волокна под шкурой, как пузырится слюна в оскаленных пастьях.

Запах гнили и серы ударил в ноздри, и Анаксагор вдохнул его с наслаждением. Азарт ударил в голову опьяняющим нектаром. Губы растянулись в оскале чистого восторга.

— Unus...

Амарант, несущийся к кругу, успел заметить эту безумную улыбку.

— ...duo...

Лапа рассекала воздух, целясь теперь в лицо Анаксагора.

— ...tres!

Амарант с Феаридой в последнем рывке перекатились за спину пруденита. Ближайшая тварь, вырвавшись вперёд, взметнулась в прыжке. Коготь, покрытый чёрным хитином и микроскопическими зазубринами, занёсся над лицом Анаксагора, почти касаясь носа.

Палец коснулся центрального символа на земле.

И всё остановилось.

Ни взрыва, ни грома. Пространство перед ними сжалось, исторгнув бесшумную волну. Сила знания, доказавшего невозможность существования этих тварей в данной точке пространства и времени. Существа рассыпались, расплываясь как чернильные кляксы на мокром пергаменте. Вопли затухали, не успев родиться, поглощённые абсолютной ти-

шиной небытия. В тот же миг над наследниками взметнулся мерцающий купол — идеальный, математически выверенный барьер.

Палец Анаксагора был по-прежнему вдавлен в землю, а на лице сияла экстатическая улыбка. Он никогда не ошибался. Просто знал. И в этом знании заключался величайший экстаз, доступный разуму.

— Гляди-ка! Успел, — хмыкнул Анаксагор, поднимаясь и оборачиваясь к Амаранту. С губ его не сходила безумная улыбка, глаза лихорадочно блестели, а в голосе звучала торжествующая интеллектуальная бравада. — Хоть кто-то всегда успевает вовремя!

— Ха-ха, noldë⁵! — Амарант вскочил на ноги, и прежде чем Анаксагор успел среагировать, сильванорец заключил друга в объятия, звонко хлопая по спине. — Надеялся встретить тебя перед Турниром в столице, но ты, как всегда, опоздал!

Анаксагор покачал головой, но не пытался высвободиться.

— Да, да, — согласился он. — Экспедиция задержала. Прости.

Приглушённый смех так же внезапно стих, как и возник. Выражение лица пруденита стало сосредоточенным, а взгляд

⁵ Noldë (с сильв.) — термин, обозначающий «избранного брата». Для сильванорца это одна из высших форм доверия. Назвать кого-то noldë — значит признать его своей семьёй.

острым, будто анализирующим невидимые данные. Напряжение битвы сменилось иным, более глубоким беспокойством.

Амарант тут же ослабил объятия, его собственная улыбка смягчилась, сменившись внимательностью. Он не спрашивал: «Что случилось?». Видел — по резкому переходу от смеха к молчанию и напряжению в плечах друга.

— Здесь происходит нечто, чего не должно быть, — произнёс Анаксагор уже тише и ровнее. — Я специально взял с собой все доступные трактаты об Острове Пятиконечной Звезды и историях Турнира, — он жестом указал на парящие в воздухе свитки, — но, похоже, наши знания устарели. Или были неполны с самого начала.

Он говорил «наши знания», но Амарант слышал подтекст: «мои вычисления дали сбой». Для Анаксагора такая ошибка оказалась страшнее любого монстра, и, благодаря годам дружбы, сальванорек понимал это без слов. Он не стал предлагать утешений — просто положил руку другу на плечо, безмолвно напоминая: «Я здесь. И я понимаю».

— Мы в беде? — слова Феариды прозвучали едва слышно. Она сидела на траве, наблюдая, как спасители обмениваются шутками, словно они только что встретились в таверне, а не в эпицентре кошмара.

Анаксагор повернулся к ней и кивнул.

— Верно. Во всех трактатах подробно описаны испытания, контролируемые айтриллами. Но ни в одном ману-

скрипте нет ни единого упоминания о присутствии на Острове... этого, — он развёл руками, обводя взглядом опустошённую поляну.

— И что это были за существа? — вклинился Амарант, недовольно скрестив руки на груди. — Моя магия их едва обожгла.

— Вальгармы, — сухо отозвался Анаксагор, уже листая сразу несколько фолиантов, которые парили перед ним.

— Но они же... мифические, — Амарант изогнул бровь, глядя на пруденита так, будто тот спятил от переизбытка знаний.

— Скорее, считавшиеся вымершими, — мягко поправила Феарида, смахивая грязь с доспехов. — В архивах Стальных Вершин есть хроники. Наши воины... встречали нечто подобное в высокогорьях, близ Стен Предела. Говорят, они ползут из самой Бездны.

Анаксагор резко обернулся к ней, и на лице на мгновение отразилось комическое изумление, словно стул сам начал цитировать теоремы.

— Благодарю, госпожа Аэлиндорн, — произнёс он чуть растерянно. — Весьма неожиданно и компетентно для аэрн-тале.

Феарида моргнула, не понимая, оскорбиться ей или принять это за комплимент. Амарант, чутко уловив её непонимание, встретился с девушкой глазами и едва заметно качнул головой: «Нет, не обижайся».

— Он назвал вас начитанной, — шепнул сильванорец.

Феарида чуть свела брови, но промолчала и просто кивнула.

Анаксагор уже вновь листал станицы книг, но взгляд скользнул по Феариде с пробуждающимся профессиональным интересом.

— И вы правы. Вальгармы — не просто зверьё, а воплощённый ужас. Они материализуются в местах, где концентрация страха достигла пика: на полях забытых битв, в проклятых лесах, где бесследно исчезали путники и так далее. Они — сама тень. Просто с когтями. Уязвимы только для истинного света — не обязательно магического, но рождённого доблестью сердца, несокрушимой надеждой или чистой верой, — он не глядя указал пальцем на парящий рядом фолиант. — По крайней мере, именно так пафосно вещают учёные умы, которые всё это писали. Я бы выразился скромнее, но цитирую дословно.

— То есть, ты смог отбросить их, потому что... — Амарант задумчиво потёр подбородок, и в его глазах мелькнуло озарение. — Потому что я доверился тебе, а ты был абсолютно уверен, что я успею?

— Ого, — хмыкнул Анаксагор. — Наконец-то начал улавливать причинно-следственные связи. Умнеешь на глазах, поздравляю. Всего-то двадцать два года потребовалось.

— Ты как всегда само очарование, — сильванорец наигранно-раздражённо цокнул, улыбаясь. — Но не об этом. Мы

понятия не имеем, откуда вальгармы здесь взялись, верно?

— И не знаем, почему айтриллы не пришли к нам на помощь... — тихо добавила Феарида. Взгляд, полный немых вопросов, блуждал по опушке, будто она всё ещё ждала, что из темноты вот-вот проступят сияющие силуэты хранительниц Острова.

— А ещё нам неизвестно, что сейчас происходит с остальными участниками, — заключил Амарант.

Анаксагор едва заметным движением подбородка указал в сторону. В тени огромного искривлённого корня, укрытая им, словно сама природа пыталась её спрятать, лежала хрупкая фигура. Золотистые локоны, рассыпавшиеся по траве, безжизненно сияли в полумраке. Аурика.

— Я нашёл её в состоянии транса, — уронил пруденит, не отрываясь от свитков. — Монстры уже окружали её, когда я вмешался. С ней всё в порядке, но вот о судьбе нефелийца мне ничего не известно.

Феарида молча подошла и опустилась на корточки рядом с бесчувственной Аурикой. Обычно стальной взгляд аэрнтале смягчился.

— Она... придёт в себя? — спросила девушка, оборачиваясь.

Оба принца кивнули почти одновременно.

— Да, — уверенно подтвердил Анаксагор. — В Верховном роду нередко маги с даром прорицания. Вероятно, энергия острова спровоцировала у госпожи Солейн затянувший-

ся транс. Ей необходим покой и время, чтобы прийти в себя.

— Которых у нас, увы, нет, — мрачно констатировал Амарант, прислушиваясь к чему-то незримому. — Я чувствую вибрации в земле... как будто что-то огромное дышит в самых глубинах, — он поднял взгляд к небу, словно силясь разглядеть сквозь купол тех, кто наблюдает за этим безумием. — Интересно, видят ли они сейчас то же, что и мы? Хотя, если бы видели... помощь уже была бы здесь. И меня всё больше тревожит отсутствие айтрилл.

— Сомневаюсь, что кто-либо в курсе нашего положения, — задумчиво произнёс Анаксагор, опускаясь на траву и снимая очки, чтобы протереть их о край плаща. — Ты прав, Амарант. Вероятно, существуют некие... обстоятельства и у них самих. Если бы главам Орденов ничего не мешало, корабли всех пяти уже бороздили бы воды вокруг острова, а Верховная лично отправилась бы к нам. Страшно представить, какая неразбериха царит сейчас в Императорской столице.

Он резко вскинул голову, ухватившись за внезапную догадку.

— Постой. Ты же чувствуешь айтрилл. Попробуй призвать их — проверим отклик.

Амарант опустился на колени и устроился по-сильванорски: скрестил ноги, положив раскрытые ладони на колени. Веки сомкнулись, и тело погрузилось в абсолютную неподвижность — только грудь едва вздымалась в такт дыханию.

Сначала Амарант просто слушал, искал знакомое тепло — смутный гул жизни, что всегда витал в священных рощах его родных земель. Он искал лёгкое прикосновение айтрилл: ощущение, похожее на то, как солнечный луч скользит по закрытым векам, но сознание натывалось лишь на безжизненную пустоту. Веки дрогнули. Он изменил позу, опустившись ниц, и прижался щекой к стылой земле. Сильванорец лежал так, затаив дыхание, в надежде уловить хоть отзвук жизни в глубине. Пальцы впились в грунт, выискивая малейший намёк на присутствие.

Ничего.

Амарант порывисто вскочил, припав на одно колено. Ладонь с силой вжалась в почву, требуя у земли ответа. Он сосредоточился до боли в висках, посылая вглубь настойчивый зов: «Где вы?». В ответ — только тишина, да лёгкий шелест ветра в волосах. Наконец он поднялся, полный глухого раздражения.

— Ничего, — выдохнул Амарант устало. — Ни шёпота, ни отзвука. В лесах Кора'Сириэль они откликаются на зов эхом. Здесь же — пустота. Будто их и правда никогда не существовало.

Анаксагор слушал, и разум, требующий чётких параметров, тщетно пытался обработать эти образы, построенные на ощущениях и чувствах. От попытки систематизировать хаос у него заныла лобная доля, и он нахмурился, с силой проводя пальцами по переносице.

— Прекрасно, — буркнул пруденит сухо. — Здесь либо иллюзия невероятной мощности, либо фундаментальное нарушение законов этого места. И то, и другое одинаково неприятно, — Анаксагор провёл рукой по волосам, заставив прядь выбиться из беспорядочного пучка. — Хотя... существует и третья вероятность. Полное подавление магических потоков. Но эту гипотезу придётся отбросить — она противоречит наблюдаемым данным.

Он развернулся к Амаранту.

— Если бы речь шла о простом ограничении, мы с тобой не могли бы колдовать. Твои взрывы и мой щит — прямое тому доказательство. Следовательно, воздействие точечное. Целенаправленное, — он щёлкнул пальцами, и в воздухе повис светящийся чертёж. — Представь фильтр: воду пропускает, песок задерживает. Здесь тот же принцип, только на уровне эфирных связей. Кто-то или что-то отсекло айтрилл. Сознательно. — Он замолчал, вглядываясь в пустоту. — И это... — голос дрогнул от жуткого восхищения, — если отбросить моральную оценку, гениально. Безупречная работа.

— Гениально. Безупречная работа, — передразнил Амарант. — А теперь, будь добр, вспомни: мы в беде. Не время оценивать чьи-то таланты.

Анаксагор моргнул и возмущённо уставился на друга.

— Вообще-то я оцениваю не «таланты», а вражеский замысел! Важнейший этап анализа угрозы. Ты не понимаешь...

— Я не говорил, что не понимаю, — сиванорец страдальчески вздохнул. — Я сказал — не время. Поверь, твоя догадка останется такой же блистательной и через пять минут. А пока соберись. Ты нужен нам здесь и сейчас. Не там, в голове у врага, о котором мы всё равно ничего не знаем. Здесь.

Анаксагор поджал губы, словно собираясь возразить, но осёкся.

— Ты раздражающий.

— А ты восхищается работой того, что нас убивает. Идеальный дуэт, — Амарант улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Простите, господа, — тихо вмешалась Феарида, подойдя ближе и на ходу снимала перчатки. — Возможно, вопрос покажется неуместным, но... вы, похоже, давно знакомы?

Амарант и Анаксагор переглянулись.

— Конечно, — подтвердил Амарант, с лёгкостью переключая внимание и приглашая её сесть рядом. — Господин КуиваНариен — учёный и искатель приключений на одно отягощённое его безграничной мудростью место. Мы знакомы с тех пор, как я научился карабкаться по деревьям.

— Верно, — кивнул пруденит. — Господин ДоЛеннТар имел привычку присоединяться к моим экспедициям, забывая предупредить семью об отбытии. Его мать, госпожа Кир-Лианна, однажды подняла на уши всю ЛириэАрнес, заметив пропажу, — он тяжело вздохнул, потирая затылок. — Какой же увесистый подзатыльник мне тогда отвесила твоя почтен-

ная бабуля... Я так и не понял, в чём заключалась моя вина. Ты ведь сам сбежал.

Амарант рассмеялся, прикрыв рот кончиками пальцев:

— Ха-ха, было дело! После этого матушка решила, что мне не повредит трёхмесячная выучка от рассвета до темноты.

— Три месяца?! — невольно вырвалось у Феариды. — Мой отец тоже строг, но самое суровое наказание для меня и сестры длилось не больше недели.

Амарант откинулся назад, устремив спокойный взгляд на Феариду.

— О, моя матушка вовсе не жестока, серебряная госпожа, не подумайте, — мягко возразил он, покачивая головой. — Она просто хотела вылепить достойного наследника. Укрепить тело, закалить дух. Иногда ценнейший урок — тот, что учит ответственности.

Феарида слушала, задумчиво накручивая прядь на палец. С лица исчезла привычная решимость, сменившись неуверенностью и тревогой.

— Боюсь, что сколько бы мы ни тренировались... — голос её дрогнул, — ...с этого острова нам не выбраться. Мы в ловушке. Со всех сторон — океан, а что творится в столице... мы не знаем.

Без единого слова Амарант придвинулся ближе. Тёплые, несмотря на прохладу, руки мягко обвили кисти Феариды. Он заключил её пальцы в свои и чуть сжал, пытаясь передать

через прикосновение частицу собственного спокойствия.

— Милая леди, — голос его звучал мягко, сливаясь с шелестом листьев и отдалённым ропотом вод. — Сейчас нам нужно отбросить все страхи. Думать с холодным умом и действовать с горячим сердцем. Если выход есть — а я верю, что он есть, — то страх лишь затуманит наш разум. А если его нет... — он позволил лёгкой улыбке тронуть губы, — то зачем тогда тратить последние мгновения на беспокойство?

Сначала Феарида застыла, смущённая внезапной близостью и этим непривычным пленом, но постепенно холод внутри отступал.

Глубокий вдох. Ещё один.

Ясный взгляд встретился с глазами Амаранта, а пальцы, лежавшие в его тёплых ладонях, ответили уверенным сжатием.

— Думаю... вы правы, — прозвучало твёрдо. — Нам нужно найти выход.

Амарант просиял.

— Ваша решимость, — признался он, не скрывая восхищения, — придаёт сил и мне.

Феарида не нашлась что ответить. Вся её неуклюжая, воинственная стать растаяла от тепла его голоса и открытого взгляда. Щёки залил жаркий румянец, и она потупила взор, внезапно обнаружив узоры на платье невероятно интересными.

Анаксагор, уткнувшийся в разложенные вокруг свитки, с

трудом подавил усмешку.

— Бесстыдник... — прошептал он, с притворным укором качая головой.

Ему было хорошо знакомо это умение Амаранта очаровывать всё и всех вокруг, превращая даже самую мрачную ситуацию в нечто... лирическое.

Амарант же, сделав вид, что абсолютно ничего не слышал, с деланной серьёзностью повернулся к другу. Правда, укротить огонёк в глазах ему так и не удалось.

— Итак, — начал он, старательно выравнивая голос, — дождёмся, когда госпожа Солейн очнётся и отправимся на поиски господина Аэриона, а затем... сообща решим, что делать дальше.

Феарида, всё ещё слегка румяная, и Анаксагор, наконец совладавший с улыбкой, молча кивнули.